ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

V

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В пятый том сборника (предыдущие четыре вышли в 1962, 1968, 1976 и 1982 гг.) включены очерки, посвященные истории университета. В них освещаются вклад ЛГУ в дело подготовки кадров для союзных республик и зарубежных стран; оказание шефской помощи вновь созданным университетам; участие и роль Ленинградского университета в научных исследованиях и разработках.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов университетов, всех интересующихся историей.

Редколлегия: *В. В. Мавродин, Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин* (отв. ред.), *И. Я. Фроянов, Л. А. Шилов, В. П. Яковлев*
Рецензенты: д-р ист. наук *А. Н. Цамутали*, д-р ист. наук *Б. Н. Миронов* (ЛО Ин-та истории АН СССР)

250057

Библиотека Л.Г.У. общественных наук

О $\frac{05\ [illegible]\ 3-179}{076(02)-84}$ 49—84

© Издательство Ленинградского университета, 1984 г.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ОТ РЕДАКТОРА

С первых лет существования Ленинградского университета его творческие связи с отечественными и зарубежными учеными и научными учреждениями были разнообразны и интенсивны. И в настоящее время коллектив Ленинградского университета, его партийная и профсоюзная организации поддерживают эту славную традицию. Важнейшими задачами являются: расширение вклада университета в дело подготовки кадров для исследовательских учреждений союзных республик, социалистических и развивающихся стран, оказание шефской помощи молодым университетам. Это и определило тематическую направленность статей, помещенных на страницах V тома «Очерков».

В создании настоящего тома, наряду с авторами универсантами и сотрудниками других учебных и научных учреждений Ленинграда, со статьями выступают Х. Бёме — министр высшего и среднего специального образования Германской Демократической Республики, М. В. Хирвлаане — старший научный сотрудник Тартуского университета, Е. П. Горбенко — преподаватель Кубанского университета.

В настоящее время шефская помощь Ленинградского университета основывается на договорах, заключенных с университетами Владивостока, Иванова, Калининграда, Калинина, Петрозаводска, Сыктывкара, Сухуми. В качестве примера укажем только на некоторые формы помощи молодым университетам: повышение квалификации преподавателей подшефных университетов; подготовка кадров через аспирантуру; направление на работу выпускников ЛГУ; командировки ученых для чтения лекций; стажировка в ЛГУ руководителей подшефных вузов; рецензирование ленинградскими учеными монографий и учебно-методической литературы; передача научного оборудования; бесплатное предоставление времени счетных машин; сотрудничество научных библиотек; прием студентов на учебную практику; помощь в работе экзаменационных комиссий; участие в научных конференциях, координация научной работы между кафедрами, проведение совместных научных исследований; прием на отдых студентов из подшефных университетов. Только за 1982/83 учебный год Калининградскому университету, например, было передано приборов на 2300 руб.

Следует признать весьма полезной подготовку и публикацию на страницах «Очерков» справочных материалов по

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

истории Ленинградского университета. Так, в IV томе был опубликован указатель «Универсанты — деятели культуры», привлекший к себе значительное внимание общественности. В настоящем томе на суд читателей представлен указатель «Универсанты — большевики». Хочется верить, что он послужит необходимым основанием для углубленной работы над историей участия питомцев нашего университета в революционном движении и социалистическом строительстве.

Прошло уже более двадцати лет со времени выхода в свет I тома «Очерков», организаторами и составителями которого были известные советские историки С. Н. Валк и Н. Г. Сладкевич. Многие статьи, опубликованные в предыдущих томах «Очерков», воспоминания о Ленинградском университете известных ученых представляют значительную ценность для читателей — представителей различных специальностей (востоковедов, математиков, историков, филологов и др.). В связи с этим мы считаем полезной публикацию в настоящем томе «Указателя материалов», напечатанных в «Очерках» в 1962—1982 гг.

В работе над настоящим томом большую творческую помощь советами, критическими замечаниями нам оказали сотрудники ЛОИИ АН СССР Б. Н. Миронов, А. Н. Цамутали, В. Г. Чернуха и Ленинградского университета Е. В. Аземша, А. П. Ефимов, И. В. Зырянова, Н. А. Чочиа. От имени редколлегии выражаем им сердечную благодарность. Особые слова признательности мы адресуем инженеру кинофотолаборатории ЛГУ Н. А. Аблемитовой за подготовку иллюстративного материала.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Х. Е. БЕМЕ

ИЗ ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ВУЗОВ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

После освобождения немецкого народа от фашизма героической Советской Армией университеты и другие вузы Германской Демократической Республики стали мощным потенциалом социалистического общества. Новая социалистическая система образования принадлежит к великим историческим достижениям ГДР.

В. И. Ленин отмечал, что «социализм... основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы...».[1] В Советском Союзе впервые в истории были показаны преимущества развития науки в условиях социализма. Социалистическая единая партия Германии, разрабатывая свою концепцию развития образования и науки, с самого начала существования республики рассматривала высшую школу как важный инструмент построения нового социалистического общества. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, партия рабочего класса благодаря своей стратегии и тактике всегда была в состоянии правильно отвечать на вопросы, которые ставила жизнь, поскольку «последовательно руководствовалась научным учением, основоположниками которого являлись Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ильич Ленин. Она применяла это учение в соответствии с конкретными условиями нашей жизни и всесторонне использовала опыт мирового коммунистического движения, особенно опыт КПСС».[2] Это в полной мере относится и к политике СЕПГ в области науки и высшего образования. Целенаправленная, дальновидная политика, проводимая партией, является решающей предпосылкой для успешного, непрерывного и стабильного развития системы высшего и среднего специального образования в ГДР.

В. И. Ленин писал, что к каждому вопросу следует подходить «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».[3] Если следовать этому принципу, то станет очевидным, что этапы развития ГДР неразрывно связаны с развитием высшего и среднего специального образования, которое способствовало овладеванию тремя основными процессами социалистического и коммунистического строительства: развитием материально-технической базы, формированием социалистических общественных отношений и становлением социалистического типа личности.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 362—363.

[2] Honecker E. Auf sicherem Kurs. Zum. 30. Jahrestag der Grundung der SED. — In: Reden und Aufsatze. Bd. 4. Berlin, S. 292.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

Рассмотрим исторические достижения в области высшего и среднего специального образования на отдельных этапах социалистического строительства в ГДР.

На первом этапе развития, наступившем непосредственно после разгрома фашистского немецкого империализма Советской Армией и продолжавшемся вплоть до образования ГДР, необходимо было прежде всего сформировать и мобилизовать силы рабочего класса, трудящегося крестьянства и интеллигенции на решение задач, стоящих перед университетским, всем высшим образованием, а также привлечь антифашистски настроенных представителей буржуазной демократии. Немецкие антифашисты во главе с КПГ и социал-демократами при поддержке, оказываемой Советской Военной Администрацией, приступили к коренной демократизации системы образования и культурной жизни на территории сегодняшней ГДР.

ЦК КПГ и Центральная Комиссия СДПГ в своем призыве (о демократической школьной реформе) от 18 октября 1945 г. писали: «Духовное обновление нашего народа приостановилось бы на полпути, если бы оно не касалось также и основательной реформы всей системы высшего и университетского образования... Новый дух действительно прогрессивного гуманизма и боевитой демократии должен проникнуть в вузы».[4]

Осуществление этой реформы стало возможно лишь благодаря бескомпромиссной борьбе с преступной идеологией немецкого фашистского империализма и совместной практической деятельности всех демократических сил. Образование рабоче-крестьянских факультетов при высших учебных заведениях явилось решающим политическим и социальным фактором демократического преобразования университетов и вузов. Подготовительные курсы и позже рабфаки в значительной степени способствовали созданию соответствия между социальным составом студенчества и общественными задачами. Организация и развитие рабфаков проходили в жестокой политической борьбе с реакционными силами в вузах. Каждый шаг вперед при создании антифашистского демократического союза между рабочим классом и старой интеллигенцией осуществлялся в рамках совместных действий, товарищеских разъяснительных бесед и дискуссий зачастую при наличии ожесточенных политических споров.

Решающее значение на этом этапе имело искоренение из высших учебных заведений идей фашизма, милитаризма и империализма, а также воспитание и обучение студентов и молодых научных кадров в духе мира, демократии и дружбы со всеми народами, и главным образом с Советским Союзом. Эта борьба за духовное и культурное обновление системы высшего образования осуществлялась в тесном сотрудничестве с многочисленными прогрессивными демократическими силами старой интеллигенции. Ученые-марксисты, число которых было очень незначительно, и гуманистически настроенные ученые совместно работали над тем, чтобы вновь следовать великому гуманистическому наследию, втоптанному фашистами в грязь. Одновременно впервые в нашей стране были распахнуты двери университетов марксизма, созданы первые кафедры марксистско-ленинской философии и тем самым был создан задел для следующего этапа развития системы высшего образования. При решении этих задач советские братья по классу не только защищали нашу страну от империалистических контрреволюционных действий, они словом и делом помогали антифашистам и

[4] Allen Kindern das gleiche Recht auf Bildung: Dokumente und Materialien zur demokratischen Schulreform. Berlin, 1981, S. 66.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

активистам, молодым членам Союза Свободной Немецкой Молодежи и представителям старой интеллигенции, они поддерживали их благодаря своему богатому опыту.

Товарищи из СВАГ, среди которых были профессора Тюльпанов, Золотухин, Дымшиц и многие другие советские коммунисты и ученые, помогали немецкому народу строить новую жизнь. Все они остаются нашими незабвенными учителями в процессе обновления системы высшего образования. Таким образом, уже первый период развития системы высшего образования стал характерным примером помощи Советского Союза, примером все более изменявшейся в пользу СССР позиции по отношению к нему со стороны большей части интеллигенции.

Второй этап создания системы социалистического высшего и среднего специального образования охватывает период с момента образования Германской Демократической Республики до начала 60-х годов. Образование ГДР обеспечило доведение до конца антифашистско-демократических преобразований и направило общественное развитие по пути к социализму.

На этом этапе исторического развития нашей страны Социалистическая единая партия Германии продолжала развивать свою политику в области высшего образования, формировала из партийных организаций СЕПГ в вузах руководящую силу социалистического преобразования системы высшего образования и таким образом создала решающие предпосылки для развития социалистической интеллигенции.

С переходом к пятилетнему планированию и к построению материально-технической базы социализма перед высшим и средним специальным образованием была поставлена задача быстрыми темпами увеличить число научно-технических кадров для всех сфер народного хозяйства и общественной жизни, политически и профессионально правильно подготовить эти кадры к выполнению их будущих задач. В первой пятилетке социалистическое народное хозяйство получило 26 тыс. специалистов, а в период с 1956 по 1960 г. — 61 тыс.

Развитие народного хозяйства, а также острое международное классовое противоборство между социализмом и капитализмом на этом этапе требовали не только быстрого увеличения численности кадров, имеющих высшее и среднее специальное образование, но и применения самых современных научных достижений, прежде всего достижений советской науки с тем, чтобы повысить качество и уровень образования. Назрела необходимость новой организации обучения и воспитания в университетах и вузах. Строительство социалистического общества, возрастание роли науки в рамках этого общества требовали принципиального преобразования, расширения системы высшего образования. Реализация этой задачи началась в 1951 г. на основании второй реформы в системе высшего образования. На основе старых университетов и других вузов, которые находились в стадии демократизации и преодоления материальных разрушений и духовной деформации, был проложен путь к новому социалистическому университету. В начале 1950-х годов был открыт ряд новых педагогических, технических, экономических и медицинских вузов. Была проведена новая реорганизация высшего образования как по форме, так и по содержанию.

Количество рабфаков увеличилось с 11 в 1951 г. до 15 в 1955 г., а число студентов за тот же отрезок времени возросло до 11 тыс. За первую пятилетку рабфаки выпустили 12 тыс. специалистов. Это были сила и потенциал кадров, которые рассматривали свою учебу как продолжение дела рабочего класса.

Создавались новые основы для осуществления руководящей роли рабочего класса в самых различных сферах жизни нашего общества.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

для дальнейшего укрепления союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и с представителями интеллигенции. Решающими предпосылками для полного осуществления руководящей роли рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в области высшего образования явилось постепенное и целенаправленное проникновение марксистско-ленинского мировоззрения рабочего класса в вузы и средние учебные заведения. В центре внимания было введение в 1951 г. обязательного для всех студентов изучения основ марксизма-ленинизма. За этим следовала постепенная организация марксистско-ленинского обучения и повышения квалификации преподавательского состава и подрастающего поколения научных кадров в самой различной форме. Таким образом, одновременно были созданы необходимые условия для реализации социалистической концепции обучения и воспитания, для формирования всесторонне и гармонично развитой личности социалистического типа. Были сделаны первые шаги к тому, чтобы развернуть преподавание и развитие как общественных, так и естественных и технических наук на основе марксизма-ленинизма.

В 1951 г. первая официальная делегация представителей высшего образования во главе с новым первым статс-секретарем по вопросам высшего образования посетила Советский Союз и после этого опубликовала подробный отчет об опыте, накопленном в СССР. На этом этапе возникли также и новые аспекты помощи, оказываемой СССР. Кроме того, это было началом двустороннего сотрудничества. В начале 1950-х годов наряду с постоянным изучением советского опыта (например, при планировании обучения) первостепенное значение придавалось еще двумя вопросам: чтению лекции советскими профессорами в университетах и в других вузах ГДР и приему студентов из ГДР в советские вузы.

Благодаря предложению КПСС и Советского правительства в 1951 г. 172 молодых гражданина ГДР смогли поехать на учебу в СССР.[5] К числу ведущих советских вузов, которые начиная с этого момента с помощью своих замечательных преподавателей дали студентам и молодым ученым солидную научную подготовку и образование, относится и Ленинградский университет имени А. А. Жданова. Многие выпускники этого университета занимают сегодня руководящие посты в политической, государственной, научной и культурной жизни ГДР и трудятся в интересах укрепления страны, в интересах тесного ее сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами.

В развитии системы высшего образования ГДР советская помощь в обеих формах — и деятельность советских профессоров в ГДР, и подготовка студентов и аспирантов ГДР в СССР — привела к исключительно важному результату: было подготовлено большое количество молодых ученых, которые не только работают преподавателями в вузах страны, но и занимают ответственные руководящие посты.

Конец 1950-х годов характеризуется широким сотрудничеством между университетами и другими вузами наших стран. Автор гордится тем, что и он входил в состав делегации Лейпцигского университета имени Карла Маркса в мае 1958 г., ведшей переговоры с Ленинградским государственным университетом имени А. А. Жданова, в результате которых в 1959 г. был заключен Договор Дружбы.[6] Позиции, завоеванные в этот период социалистического преобразования университетов и вузов, создали политические, идеологические, мировоззренче-

---

[5] Ich studierte in Freundesland: Erinnerungen von Absolventen sowjetischer Hochschulen. Berlin, 1977.

[6] Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова был первым советским университетом, с которым автор имел непосредственный контакт.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ские и материальные предпосылки для дальнейшего развития системы высшего и среднего специального образования.

В начале 1960-х годов назрел переход к новому этапу социалистического строительства. Теперь речь шла о построении развитого социалистического общества, дальнейшем повышении материального, духовного и культурного уровня жизни рабочего класса, всех трудящихся, о еще большем слиянии достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического общественного устройства, о более тесном сотрудничестве с Советским Союзом и с другими странами социалистического содружества.

В 1965 г. был принят закон о единой социалистической системе образования, который предусматривал обеспечение единства и последовательности работы, проводимой в области воспитания и образования — от дошкольных учреждений через общеобразовательную политехническую среднюю школу до высших и средних специальных учебных заведений.

Основные принципы высшего образования — единство между образованием и воспитанием, преподаванием и исследованием, теорией и практикой — полностью себя оправдали и составляют фундамент развития высшего образования в будущем. Третья реформа высшего образования, проведенная в 1968 г., форсировала ориентацию системы высшего образования на новые общественные цели. Этот процесс охватывал все сферы деятельности университетов и управления ими. После VIII съезда нашей партии в 1971 г. университеты, высшие и средние специальные учебные заведения были четко сориентированы на дальнейшее постоянное совершенствование коммунистического воспитания, на постоянное повышение качества, уровня и эффективности преподавания и научного труда. Повышалась ответственность как вузов, так и Академии наук за фундаментальные исследования. Все это полностью отвечает требованиям социалистической интенсификации народного хозяйства и условиям развития общества.

В период между 1972 и 1976 гг. вновь была пересмотрена концепция обучения в университетах и вузах на основе уточнения учебных планов. В 70-е годы университеты и вузы достигли хороших результатов и накопили ценный опыт в процессе интенсификации научной работы, повышения уровня и эффективности обучения и воспитания. ГДР имеет развитую квалифицированную систему высшего образования, которая в состоянии выдержать всевозрастающие требования. Новое поколение ученых—выходцы из всех классов и слоев нашего народа, — тесно связанное с рабочим классом, определяет сегодня духовный облик и научный уровень наших вузов. В ГДР сегодня работают более 600 тыс. выпускников вузов, из них более 95% прошли свою подготовку после 1945 г. На 1 тыс. занятых в производстве приходятся 185 специалистов с высшим и средним специальным образованием. Такое соотношение обеспечивает нам одно из первых мест по уровню образования в международном масштабе.

Одним из самых ценных достижений нашей социалистической системы высшего образования мы считаем то, что социалистический интернационализм пронизывает все сферы ее деятельности. Научные коллективы тесно и плодотворно сотрудничают с учеными Советского Союза и других государств социалистического содружества, стараются изучать опыт наших друзей и творчески применять его. Они успешно борются за то, чтобы с помощью собственных высоких результатов создать условия для еще более тесного сотрудничества. Все больший упор делается на конкретное сотрудничество. Начиная с 1969 г. на 5 совместных конференциях ректоров сотрудничающих вузов состоялся

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

обмен опытом, были намечены новые пути. Ежегодный обмен студентами, совместное создание учебников, переход к совместной двухсторонней программе исследовательских работ министерств высшего и среднего специального образования СССР и ГДР — все это является характерными чертами сотрудничества в 70-е годы.

Заключением долгосрочных рабочих соглашений между министерствами и вузами на период с 1981 по 1985 г. была создана основа для того, чтобы сотрудничество в области высшего образования явилось вкладом в выполнение задач, выдвинутых перед системой высшего образования в обеих странах X съездом СЕПГ и XXVI съездом КПСС.

Взаимное сотрудничество и кооперация охватывают все сферы научной деятельности социалистической высшей школы: обучение, повышение квалификации, исследования, рост молодого поколения научных кадров. Выдающуюся роль в этом процессе играют 11 договоров дружбы между вузами ГДР и ленинградскими институтами, такими, например, как Лейпцигский университет имени К. Маркса и Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, Дрезденский технический университет и Ленинградский Политехнический институт, Техническая высшая школа в Карл-Маркс-штадте и Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина). Вузы ГДР и Ленинграда совместно работают примерно над 125 темами исследовательских работ в рамках непосредственных связей и над 25 темами в рамках центрального перечня тем.

18 марта 1980 г. Политбюро ЦК СЕПГ приняло специальное постановление о «Задачах университетов и вузов в развитом социалистическом обществе».[7] Претворение в жизнь этого постановления послужило темой совещаний V конференции по вопросам высшего образования, состоявшейся в сентябре 1980 г. X съезд СЕПГ наметил начало нового этапа в развитии нашей страны и определил новые общественные масштабы для работы университетов и вузов. В 80-е годы в условиях дальнейшего построения развитого социалистического общества мы продолжаем последовательно проводить политику, которая направлена на дальнейшее укрепление социализма и тем самым на обеспечение мира, на благо народа.

Стабильным фундаментом, обеспечивающим рост социалистических достижений нашей республики, сегодня сильнее, чем когда-либо, является нерушимый братский союз с Советским Союзом. XXVI съезд КПСС и X съезд СЕПГ наметили новые возможности для все более эффективного объединения наших сил с целью проведения политики, служащей исключительно благосостоянию наших народов и сохранению мира во всем мире.

Одним из главных условий дальнейшего общественного прогресса в ГДР является обеспечение роста производительности народного хозяйства, невиданного за всю историю существования республики. Для достижения этой цели нужны, как сказал на X съезде СЕПГ Генеральный секретарь Э. Хонеккер, «творческая деятельность наших трудящихся, их квалифицированный труд и их инициатива так же, как и... значительное развитие в области науки и техники, достижения которых все больше должны пронизывать все хозяйство нашей страны и дать ему таким образом новую основу».[8]

---

[7] V Hochschulkonferenz der Deutschen Demokratischen Republik, 1980. Protokoll. Berlin, 1980, S. 362—386.

[8] Honecker E. Bericht des ZK der SED an den X Parteitag der SED. Berlin, 1981, S. 8.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

Все более действенная взаимосвязь преимуществ социалистического общества с научно-техническим прогрессом, его ускорение и быстрое внедрение результатов НТП в народное хозяйство являются основой и резервом для стабильного роста экономики нашей страны. Этим и определяются задачи, стоящие перед университетами, высшими и средними учебными заведениями ГДР в новой пятилетке.

Центральная задача состоит в дальнейшем повышении прироста научных знаний, уровня преподавания, в эффективной разработке и быстром целенаправленном внедрении научных результатов во всех сферах народного хозяйства. Дальнейшее повышение уровня подготовки кадров, усовершенствование коммунистического воспитания студентов, которые должны отвечать более высоким требованиям общества 90-х годов, являются важным условием для достижения все большей эффективности науки. Для этого необходимо проводить обучение на самом высоком научном уровне, и здесь очень сильно сказывается влияние субъективного фактора. Вот почему мы особо подчеркиваем ответственность преподавателей высшей школы, призванных воспитывать студенческую молодежь в духе преданности делу рабочего класса, развивать у студентов высокую дисциплину, требовать от них ответственности и самостоятельности, поощряя у молодежи эти качества.

За годы народной власти в ГДР изменился духовный облик не только вузовских преподавателей, но и студентов. Они выросли в обществе, свободном от антагонистических классовых противоречий. В связи с этим у наших студентов развились новые черты характера: они обладают более высокой сознательностью. В то время, как число обучающихся остается сравнительно стабильным и даже под влиянием демографических условий в некоторой степени уменьшается, все больше повышается квалификация выпускников вузов. Необходимость повышения квалификации выдвигает перед высшей школой все новые требования, так как речь здесь идет о том, «чтобы передавать обучающимся знания, развивать их способности и навыки и добиваться того, чтобы они имели высшее образование и собственный опыт в применении науки».[9]

Выдающаяся роль науки при осуществлении программы нашей партии требует от университетов и вузов и дальше планомерно развивать научный потенциал и использовать его с наибольшей эффективностью в деле ускорения социального и научно-технического прогресса. При этом связь между вузом и практикой ставится на новый уровень. Вместе с Академией наук университеты и вузы несут серьезную ответственность за развитие фундаментальных исследований. Особый вклад вносят также вузовские и университетские ученые-специалисты по общественным наукам, занимаясь исследованием тех экономических, социальных, государственно-правовых и идеологических факторов, которые способствуют дальнейшему ускорению научного прогресса и повышению его экономической и социальной эффективности.

Решение задач, стоящих перед наукой и образованием в области построения развитого социалистического общества в Германской Демократической Республике, требует мобилизации и совместных действий всех сил социализма. ГДР, ее ученые и студенты в этом вопросе, так же как и при решении всех жизненно важных проблем нашего времени, идут плечом к плечу в одном строю с Советским Союзом, стремясь внести свой собственный вклад в решение данной проблемы.

---

[9] Böhme H.-J. Der Beitrag der Universitäten und Hochschulen zum gesellschaftlichen Fortschritt und zur Stärkung der Leistungskraft unseres Landes in den achtziger Jahren. — In: V. Hochschulkonferenz der Deutschen Demokratischen Republik. 1980. Protokoll. Berlin, 1980. S. 68.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

М. В. ХИРВЛААНЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТАРТУСКОГО И ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ

Центром общественно-политической, просветительной и научной жизни России была Петербургская академия наук. Одним из важных факторов развития научной мысли явилось возникновение научных связей между Петербургом и Тарту (Дерпт, Юрьев) на базе Петербургской академии наук сразу же после возобновления деятельности Тартуского университета в 1802 г. Совместные поиски во многих научных областях, объединение усилий ученых превратились в тесное содружество, традиционно продолжающееся до наших дней. В связи с 250-летием Академии наук СССР эстонскими науковедами издан сборник «Петербургская академия наук и Эстония», где тартуским ученым посвящены многие страницы и впервые приводится список эстонских ученых, избранных в члены Петербургской академии наук.[1]

Предметом взаимного интереса тартуских и петербургских ученых были как научная работа, так и исследовательские экспедиции. Существовал регулярный обмен научными изданиями и дублетами из коллекции музеев. В 1802—1917 гг. более 125 тартуских ученых работали в Петербургской академии наук или являлись ее членами-корреспондентами. Роль воспитанников Тартуского университета в развитии естествознания освещается в монографии сотрудника Тартуского университета Х. Танклера.[2]

Оба университета сыграли большую роль в жизни академии, это нашло свое отражение в опубликовании в академических изданиях их совместных научных трудов, в переписке, личных контактах. Все это стало основой обмена профессорами между университетами.

В связи с 350-летием Тартуского университета в 1982 г. была впервые дана оценка вклада в науку, сделанного его учеными за три с половиной века. Изданы трехтомник на эстонском и несколько книг на русском и иностранных языках об истории Тартуского университета, его роли в развитии отечественной науки, в подготовке научно-педагогических кадров, в истории культуры других народов и укреплении научных связей с вузами Советской страны.[3]

---

[1] Петербургская Академия наук и Эстония. Таллин, 1978, с. 192.

[2] Танклер Х. Роль воспитанников Тартуского университета в развитии естествознания в Петербургской академии наук. Таллин, 1982. с. 130.

[3] История Тартуского университета. 1632—1982 / Отв. ред. К. Сийливаск. Таллин, 1982; Кооп А. 350 лет Тартускому университету. Таллин, 1982; Рейфельдт М. В. Тартускому университету — 350 лет. Сопроводительный текст к диапозитивам. М., 1982; Роль Тартуского университета в развитии отечественной науки и в подготовке научно-педагогических кадров. Тезисы докладов XI Прибалтийской конференции по истории науки и техники. Тарту, 1977. Тартуский государственный университет. История развития, подготовка кадров, научные исследования. Вып. I, II (1—2), III. Тезисы докладов Всесоюзной (XIII Прибалтийской) конференции по истории науки, посвященной 350-летию Тартуского государственного университета. Тарту, 1982.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

В настоящее время дружеские связи ученых Тартуского университета с университетами братских республик, особенно с Ленинградским университетом, укрепляются. Во время научных встреч в связи с 350-летием Тартуского университета были заслушаны доклады профессоров Тартуского и Ленинградского университетов. Весной 1982 г. во время Дней науки Тартуского университета в Ленинграде наряду с тартускими учеными с докладом выступил профессор С. А. Малинин, об истории революционных связей Ленинградского и Тартуского университетов говорили Г. А. Тишкин и Ю. Д. Марголис, совместный доклад которых опубликован в серии «Вопросы истории Тартуского университета».[4]

Наиболее тесные научные связи между Тартуским и Петербургским университетами сложились в XIX в. в области гуманитарных[5] и естественных[6] наук. Приведем некоторые примеры. Видный русско-польский языковед, крупнейший представитель общего и славянского историко-сравнительного языкознания, создатель теории фонем, один из основоположников структурной лингвистики, основатель Казанской и Петербургской лингвистической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ[7] в 1883—1893 гг. являлся профессором Тартуского университета, а в 1900—1918 гг. — профессором Петербургского университета (с 1897 г. — член-корреспондент Петербургской академии наук). Его учеником был воспитанник и профессор Ленинградского университета, академик Л. В. Щерба — глава Ленинградской фонологической школы. И. А. Бодуэн де Куртенэ переиздал, отредактировал и дополнил «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который в 1829 г., кстати, окончил медицинский факультет Тартуского университета и уже в Тарту занимался собиранием фольклора. До того как историк русской литературы П. А. Вискатов стал профессором Тартуского университета (с 1874 по 1895 г.), он закончил Петербургский университет и работал в нем. Им же подготовлено Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, написана первая его научная биография. Профессором Тартуского университета (1895—1918 гг.) был выпускник Петербургского университета Е. В. Петухов, защитивший там магистерскую и докторскую диссертации и в 1916 г. ставший членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Он успешно занимался историей русской литературы, особенно древней. В Тарту Е. В. Петухов работал двадцать три года. Его перу принадлежит капитальная история Тартуского университета. Видным специалистом по древнеславянской письменности был Г. А. Ильинский, окончивший Петербургский университет, работавший в нем, а в 1916—1918 гг. являвшийся профессором Тартуского университета. С 1921 г. Г. А. Ильинский — член-корреспондент Российской академии наук. С 1898 по 1918 г. профессором кафедры немецкого и сравнительного языкознания Тартуского университета работал питомец Петербургского университета Д. Н. Кудрявский. Он вел исследования по общему и сравнительно-историческому языкознанию, древнеиндийской культуре и языку, стремясь осуществить решение теоретических проблем языкознания, был активным участником первых марксистских кружков, перевел на

---

[4] Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Из истории революционных связей Ленинградского и Тартуского университетов. — В кн.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. XIII. Tartu, 1983, с. 184.

[5] Столович Л. О сотрудничестве Тартуского и Ленинградского университетов в развитии гуманитарных наук. — Тарту Рийклик Юликооль, 1982, 30 апр. (на эст. яз.).

[6] Трасс Х. Дерево, которое плодоносит. — Советская Эстония, 1982, 17 нояб.

[7] Дуличенко А. Д. И. А. Бодуэн де Куртенэ и славистика. — В кн.: Филологические науки в Тартуском университете. Тезисы конференции. Тарту, 1982, с. 36.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

русский язык «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и был тесно связан с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».[8]

Выпускник Петербургского университета, видный датский славист и знаток русской литературы А. Стендер-Петерсен был профессором Тартуского университета. В 1918—1921 гг. профессором славянской и сравнительной индо-германской филологии в Тарту был известный немецкий филолог, славист и балканист М. Фасмер — выпускник и преподаватель Петербургского университета, иностранный член АН СССР (1928 г.), автор известного «Этимологического словаря русского языка».[9]

В 1886 г. в Тартуском университете защитил докторскую диссертацию видный ученый Петербургского университета, крупный знаток античной культуры, филолог-классик Ф. Ф. Зелинский. Питомцами Тартуского университета были известные советские литературоведы, профессора Ленинградского университета — член-корреспондент АН СССР Н. К. Пиксанов и В. А. Десницкий. Крупный фольклорист, диалектолог и этнограф Д. К. Зеленин, член-корреспондент АН СССР, член Болгарской Академии наук — также выпускник Тартуского университета, с 1925 г. ставший профессором ЛГУ. В области истории связующим звеном наших университетов был выпускник Профессорского института Тартуского университета М. С. Куторга, который магистерскую работу завершил в Тарту, а докторскую — в Петербурге. В 1913—1918 гг. в Тарту работал в качестве профессора крупный историк, будущий академик Е. В. Тарле, который до тартуского периода был приват-доцентом Петербургского университета. В главном здании Тартуского университета в память о нем открыта мемориальная доска.

Особое место в истории Тартуского университета занимают связи с Петербургским университетом в области естественных наук. Уроженец Тарту Э. Х. Ленц начал свой путь в науку в Тартуском университете. Ленц вписал свое имя в историю электромагнетизма наряду с Ампером, Эрстедом и Фарадеем. В 1830 г. он стал академиком Петербургской Академии наук, а с 1863 г. — ректором Петербургского университета.[10]

Выпускником Петербургского университета был известный физик А. И. Садовский, который с 1894 по 1917 г. был профессором Тартуского университета, а в 1917 г. — избран почетным доктором Петроградского университета.

«Школа Ледебура» — под таким названием в начале прошлого века была известна науке сформировавшаяся в Тартуском университете научная школа ботаников. Выдающийся ученый К. Ф. Ледебур из Тарту (1811—1836 гг.) вместе со своими коллегами А. А. Бунге и К. А. Мейером создали такое выдающееся произведение, как 4-томную «Флору Алтая»[11] «Школе Ледебура» мы обязаны и 4-томной «Флорой России». Заслугой многих тартуских ботаников того времени стало исследование растительного покрова огромных малоизученных территорий России. Помимо Алтая тут были Средняя Азия, Дальний Восток, Кавказ, Прикаспий, север европейской части России и др. При-

---

[8] Смирнов С. В. Профессор Тартуского (Юрьевского) университета Д. Н. Кудрявский. — Труды по русской и славянской филологии. Вып. XVI. Учен. зап. ТГУ. Вып. 247. Тарту, 1970, с. 19.

[9] Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 1411.

[10] Танкляев Х. Роль воспитанников Тартуского университета в развитии естествознания в Петербургской академии наук, с. 104.

[11] Ledebour C. C. F., Meyer C., Bunge A. Flora Alcaica, I—IV. Berzolini, 1829—1833.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

бывший в Тарту из Петербурга в 1895 г. известный ботаник Н. И. Кузнецов издавал здесь журнал «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета (1900—1914)», который был, по существу, всероссийским печатным органом ботаников. «Обмен кадрами» между Тарту и Петербургом вообще был активный. На кафедре систематики растений и геоботаники ТГУ хранится интересная переписка Т. Липпмаа с учеными А. И. Толмачевым, В. Н. Сукачевым, В. В. Алехиным. В 1934 г. В. Н. Сукачев назвал направление в геоботанике, возглавляемое Т. Липпмаа, самостоятельной научной школой. Наш выдающийся ученый, академик АН ЭССР А. Вага говорил своим ученикам: «Совсем рядом с нами, в Ленинграде находится один из мировых центров ботанической науки. Каждая поездка туда обогащает ум и сердце ученого, поэтому чаще посещайте мекку ботаники».[12]

На отделении германо-романской филологии историко-филологического факультета Петербургского университета учился в 1910—1914 гг. крупный эстонский писатель, литературовед, критик и переводчик И. Семпер. В 1928 г. он защитил магистерскую диссертацию в Тарту и до 1940 г. работал в университете. Несколько лет учился в Петербургском университете и потом долго работал в Тартуском университете известный эстонский историк и крупный специалист по классической филологии, главный редактор «Эстонской энциклопедии» Р. Клейс. В 1936—1941 гг. учился в ЛГУ на филологическом факультете и в 1944—1954 гг. преподавал в ТГУ Э. Эртис, в настоящее время директор литературного музея имени Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР. Воспитанником Петербургского университета (закончил в 1908 г.) является и К. Рамуль, работавший профессором Тартуского университета 55 лет, известный психолог, заслуженный деятель науки Эстонской ССР.[13]

Новый этап в развитии Тартуского университета начинается после восстановления Советской власти в Эстонии. Социалистические преобразования проходили во всех сферах жизни молодой Советской республики. Для преобразования Тартуского университета в советский вуз необходимо было изучить опыт Ленинградского и Московского университетов, куда с этой целью отправилась делегация руководителей вузов и работников просвещения Советской Эстонии во главе с профессором Х. Круусом в августе 1940 г. Великая Отечественная война прервала реорганизацию Тартуского университета. Вскоре после освобождения Тарту от фашистов осенью 1944 г. Тартуский университет возобновил свою работу. Правительство СССР поручило Ленинградскому университету оказать Тартускому университету помощь в работе и подготовке научно-педагогических кадров. В 1944 г. библиотеке университета передали из Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, а в 1945 г. из Ленинградского университета в качестве братской помощи или в порядке обмена дубликатов значительное количество учебников и научной литературы, а с 1946 г. Тартуский университет уже был включен в список вузов, получавших литературу в централизованном порядке. Преподаватели Тартуского университета ездили в Ленинградский и Московский университеты на консультации для изучения опыта научной и учебной работы или в связи с подготовкой диссертаций. Так, например, только в 1947/48 учебном году в Ленинграде и Москве побывали 132 преподавателя. Перед преподавателями Тартуского университета выступали видные специалисты, профессора

---

[12] История Тартуского университета. 1632—1982, с. 105—106; Трасс Х. Дерево, которое плодоносит. — Советская Эстония, 1982, 17 нояб.

[13] Кооп А. Узы дружбы. — Ленинградский университет, 198_, 23 янв.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Ленинградского и Московского университетов. С 1947 г. преподаватели ТГУ стали направлять в целевую аспирантуру в вузы Москвы, Ленинграда и других научно-исследовательских центров страны. Широко использовали преподаватели ТГУ годичную аспирантуру для завершения диссертации, особенно при Ленинградском университете. С целью изучения опыта учебно-методической работы представители кафедр и факультетов ТГУ часто ездили в ЛГУ. Профессор исторического факультета Х. Моосберг описывает в своих воспоминаниях, что она получила от декана исторического факультета ЛГУ профессора В. В. Мавродина не только программы курсов истории СССР и спецкурсов, но даже материалы лекций. Профессор С. Н. Валк передал ей материалы по источниковедению.[14]

С 1951 до 1970 г. ректором Тартуского университета был уроженец Ленинграда, выпускник и преподаватель Ленинградского университета Ф. Д. Клемент. Он основал известную Тартускую школу люминесценции, физики ионных кристаллов и физики твердого тела. По его инициативе основана лаборатория люминесценции при Институте физики АН Эстонской ССР. По его же инициативе в ТГУ в начале 50-х годов были приглашены многие выпускники Ленинградского университета, снискавшие к сегодняшнему дню всесоюзную и мировую известность. Среди них следует назвать: ведущего физика ЭССР, члена-корреспондента АН СССР, президента АН ЭССР К. К. Ребане; первого доктора физики среди женщин республики Л. А. Ребане; академика АН ЭССР Ч. Б. Лущика; химика, члена-корреспондента АН ЭССР В. А. Пальма; литературоведов, профессоров Ю. М. Лотмана, З. Г. Минца, П. С. Рейфмана; обществоведа, члена-корреспондента АН ЭССР М. Л. Бронштейна; философов профессора Р. Н. Блюм-Руссака и профессора Л. Н. Столовича; языковедов С. В. Смирнова и Е. И. Гурьеву и др.[15]

Высокую оценку дал ректор Ленинградского университета профессор В. Б. Алесковский мероприятиям, предпринимаемым нашими университетами для сохранения и укрепления исторических научных связей и традиций. Это — и регулярное проведение совместных конференций по разным областям науки и по линии СНО, и обмен научной литературой, и совместные научные исследования и издания, повышение квалификации наших преподавателей в ЛГУ и т. п.[16]

Физики Ленинградского и Тартуского университетов сотрудничают в области люминесценции и физики полупроводников. В лабораториях аэрозолирования и электроаэрозолей ТГУ и НИИ физики ЛГУ проводятся совместные исследования по электрометрии. В области химии тесные контакты сложились с кафедрой электрохимии ЛГУ. Заведующий кафедрой профессор В. И. Кравцов был оппонентом многих диссертантов ТГУ, в том числе кандидатской и докторской диссертаций проректора ТГУ по учебной работе, профессора У. В. Пальма. На кафедре В. И. Кравцова стажировались многие электрохимики ТГУ. До конца жизни был связан с ТГУ профессор той же кафедры Я. В. Дурдин, ученица которого — С. А. Николаева — явилась основоположницей электрохимических исследований в ТГУ в 1951—1957 гг. Кафедра органической химии ТГУ, которой заведует воспитанник ЛГУ профессор В. А. Пальм, имеет регулярные контакты с кафедрой физической органической химии ЛГУ.

В самом тесном сотрудничестве работают ботаники обоих универ-

---

[14] Рейнфельдт М. Роль Тартуского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров в 1944—1975 гг. Тарту, 1980.

[15] Коон А. Узы дружбы. — Ленинградский университет, 1982, 23 апр.

[16] Университет и университет — говорит ректор Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова Валентин Алесковский. — Горизонт, 1983, № 9, с. 15—16.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ситетов. Выходят их совместные научные труды, например монография М. Боч и В. Мазинга «Экосистемы болот СССР»,[17] созываются совместные научные совещания, проводятся экспедиционные и стационарные полевые работы на Таймыре, на полярном Урале и в других местах. Сотрудничают кафедры геоботаники и генетики. Они разрабатывают одинаковую тематику — изучение структуры растительного мира по методу синузии. Заведующий кафедрой геоботаники ЛГУ профессор В. С. Ипатов защитил докторскую диссертацию в Тарту, а заведующий родственной кафедрой ТГУ профессор Х. Трасс — в Ленинграде. Эстонские ботаники являются членами нескольких ленинградских научных советов, редколлегии «Ботанического журнала», а ленинградские ботаники — частые гости Тарту — выступают оппонентами на защитах диссертаций, работают с нашими гербарными коллекциями и т. д.

Тесные контакты с ЛГУ имеют и юристы ТГУ, в особенности кафедры гражданского права и процесса. При ЛГУ окончили аспирантуру и защитили кандидатские и докторские диссертации профессор В. Кельдер и доценты Э. Лаасик, Ж. Ананьева и Э. Плоом.

Добрые традиции сотрудничества сложились и между представителями общественных и гуманитарных наук. Договор о научном и творческом сотрудничестве между ними заключен в 1980 г., а в начале очередного учебного года кафедры уточняют конкретную программу. Целью договора является объединение усилий обоих университетов в решении актуальных проблем, стоящих перед общественными науками, а также расширение и укрепление творческого сотрудничества научно-педагогических кадров. В рамках договора организуются: обмен преподавателями для чтения спецкурсов и лекций; участие в проводимых университетами конференциях, симпозиумах и семинарах; опубликование на взаимной основе научных статей, тезисов, творческих разработок в трудах, издаваемых университетами; оказание помощи в повышении научной квалификации научно-педагогических кадров; обмен научной и методической литературой. Совместную конференцию, посвященную 350-летию Тартуского университета и 60-летию СССР, провели ТГУ и ИПК обществоведов при ЛГУ, на которой выступили ленинградские профессора Л. С. Бляхман, Т. Ю. Бурмистрова, В. Т. Лисовский и Л. И. Селезнев. Профессора Ленинградского университета выступили в ТГУ на философской конференции с докладами о социальной детерминации познания.

Историки ТГУ поддерживают тесные связи с кафедрой скандинавских языков ЛГУ. Заведующий этой кафедрой профессор М. И. Стеблин-Каменский был членом редакционной коллегии «Скандинавского сборника», издаваемого в ТГУ. Членом этой же редакционной коллегии ныне является профессор В. П. Берков. Между кафедрой общей психологии ЛГУ и лабораторией промышленной психологии ТГУ на 1978—1980 гг. был заключен договор о творческом сотрудничестве, о повышении эффективности и качества научных исследований в совместной работе по теме «Исследование психологических закономерностей органолептической квалиметрии». Стороны договорились провести: совместное обсуждение перспективных и годовых планов НИР по данной тематике; совместные экспериментальные исследования; периодическое обсуждение результатов исследований и отдельных публикаций; совместные семинары по данной тематике, а также периодически подготавливать методические пособия по проблеме психологического отбора и обучения экспертов-органолептиков; подготовить совместную

[17] Боч М. С., Мазинг В. В. Экосистемы болот СССР. Л., 1979.

Библиотека Л.Г.У. общественных наук

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.pu.ru/

монографию «Психологические аспекты органолептической квалиметрии». Работы вели Л. Н. Кулешова из ЛГУ и Г. А. Вукс из ТГУ.

Особо следует отметить сотрудничество филологических факультетов университетов. Долголетние связи существуют между финно-угорскими кафедрами обоих вузов. Профессор З. М. Дубровина неоднократно оппонировала при защите диссертаций финно-угроведов в ТГУ, а профессор П. А. Аристэ — при защите диссертаций финно-угроведов ЛГУ. С литературоведами поддерживает тесные научные контакты воспитанник ЛГУ, известный специалист в области семиотики, член-корреспондент Британской Академии, вице-президент Международной ассоциации семиотики, профессор Ю. М. Лотман. Между кафедрой русского языка ТГУ и кафедрой славянской филологии ЛГУ заключен договор о творческом сотрудничестве. Преподаватели ЛГУ участвуют в издании научных трудов ТГУ, среди них «Труды по русской и славянской филологии», «Вопросы русской аспектологии» и др. Члены кафедры русской литературы ТГУ доцент В. И. Беззубов и профессор З. Г. Минц проходили стажировку в ЛГУ. Окончил 2-годичные высшие педагогические курсы при ЛГУ заведующий кафедрой английской филологии ТГУ доцент Х. Лийв. Заведующий кафедрой немецкой филологии ТГУ доцент Ю. А. Тулдава рецензировал рукопись норвежско-русского словаря, составленного профессором В. П. Берковым. Немецкие филологи поддерживают постоянную связь с сотрудниками кафедры математической лингвистики (профессором А. С. Гердом, доцентом Г. Я. Мартыненко и др.) и с отделением скандинавских языков.

С кафедрой математической лингвистики в лице профессора Г. С. Щейтина и лабораторией математической лингвистики ЛГУ сотрудничает проблемная группа «Искусственный интеллект» ТГУ. Членом специализированного Совета по защите докторских диссертаций по журналистике при ЛГУ является заведующий кафедрой журналистики ТГУ член-корреспондент АН Эстонской ССР, профессор Ю. М. Пээгель.

Таким образом, не повторяя сказанного, следует отметить, что научное сотрудничество Ленинградского и Тартуского университетов, начавшееся в отдельных областях почти два столетия назад, продолжается и ныне, охватывая всю обширную деятельность двух крупных центров науки. Можно вполне обоснованно утверждать, что дальнейшая активизация и расширение научной и учебной работы Ленинградского и Тартуского университетов предполагает взаимный учет научного потенциала и обобщение накопленного опыта. Традиция превратилась в реальную потребность. В Тартуском университете, в котором ные учатся и работают представители более тридцати национальностей, особенно ценят большой опыт ЛГУ по развитию и углублению интернациональных контактов и связей, укреплению дружбы между народами, по коммунистическому воспитанию молодежи. Не забывают в Тарту и ту бескорыстную помощь, которую оказал Ленинградский университет ТГУ сразу после Великой Отечественной войны, несмотря на то, что в послевоенные годы поредевшие ряды научных кадров ЛГУ несли огромную нагрузку, помогая и многим другим вузам. В 1978 г. Тартуский университет был включен в список ведущих вузов Советской страны. Сотрудничество с ЛГУ, направленное на развитие и упрочение контактов, безусловно, вносит огромный вклад в развитие науки, способствует росту политической сознательности студенчества, является благоприятной почвой для достижения рубежей, намеченных XXVI съездом КПСС.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Р. Ш. ГАНЕЛИН

К ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ СТУДЕНТОВ ТАРТУСКОГО И ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ (1899 и 1905 гг.)

Студенческие выступления в Тартуском университете в конце прошлого века и начале нынешнего обстоятельно исследованы в тесной связи с историей революционного движения во всей стране.[1] Представляется, однако, возможным ввести в научный оборот некоторые новые материалы по данному поводу, которые, характеризуя политическое положение в этом университете, отражают революционные связи его студентов со студентами Петербургского университета, либо обязаны этим связям своим происхождением.

I

Известно, что студенческие выступления 1899 г. в Тартуском (Юрьевском) университете, как и в других университетах России, являлись революционным откликом молодежи на события в Петербурге и на расправу властей с петербургским студенчеством. В литературе содержатся и описание этих событий в Тарту, и сведения о выдвинутых тартускими студентами требованиях. Однако материалы о событиях 1899 г. в бумагах инспектора студентов Юрьевского университета М. А. Бутлерова до сих пор не использованы. Бумаги эти находятся в собрании профессора И. Я. Депмана,[2] крупного ленинградского специалиста в области методики и истории математики (в том числе в Тартуском университете),[3] известного также своими работами по истории революционного движения в Эстонии.

Воспитанник Петербургского университета М. А. Бутлеров (сын выдающегося химика А. М. Бутлерова), ставший инспектором студентов Юрьевского университета после введения инспекции в 1895 г., ска-

---

[1] Янсен Э. О революционном движении среди Тартуских студентов в конце XIX — начале XX века. — Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 35. Труды историко-филологического факультета. Таллин. 1954; Эрнитсон Л. 1) Из истории Тартуского университета в конце XIX и начале XX в. — Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 114. Вопросы истории Эстонской ССР. Тарту. 1961 (о значении этой работы см.: Щетинина Н. Г. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976, с. 89). 2) Тартускии университет в 1905 г. — Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 56, Тарту, 1957; 3) Тартуский университет в период отступления первой русской революции (1906—1907 гг.). — Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 164. Тарту, 1965; Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Из истории революционных связей Ленинградского и Тартуского университетов. — В кн.: Tartu ülikooli ajaloo küsimusi. XIII. Tartu. 1983.

[2] В указателе личных фондов фамилия И. Я. Депмана ошибочно дана как Дейман (см.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. т. 1. М., 1963).

[3] Зенкевич И. Г. Проф. И. Я. Депман. Брянск. 1974.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

зался в центре событий 1899 г.[4] С самого начала взяв курс на предотвращение студенческих волнений мерами либерального характера, поощрением филантропических предприятий и собственным в них участием, он встретил резкое сопротивление ректора А. С. Будиловича и связанных с ним профессоров. Неизбежным следствием руссификаторских мер властей при осуществлении реформы в университете в конце 80-х — начале 90-х годов явилась демократизация состава студентов. Слой наименее имущих составили семинаристы, приток которых начался после 1897 г. Это придавало особое значение попыткам городской общественности оказать студенчеству материальную помощь. Однако Бутлеров получил от Будиловича запрещение на устройство столовой для студентов, а от попечителя Рижского учебного округа — официальное письмо с запретом участвовать в учреждении общества помощи студентам университета и Ветеринарного института.[5] Между тем представители связанной с ректором профессуры, в частности юристы М. Е. Красноженен и А. С. Невзоров, которых в 1905 г. студенты требовали изгнать из университета, принимали в этих филантропических предприятиях активное участие и впоследствии ставили это себе в заслугу.[6] Для консервативной профессуры филантропические меры были средством укрепления своего влияния в студенческой среде.

Бутлеров проявил умеренность и осторожность в осуществлении предусмотренного реформой преобразования корпораций. Будилович требовал, чтобы Бутлеров вошел в те корпорации, устав которых запрещал участие в них посторонних. Но Бутлеров был поддержан посетившим Юрьев в ноябре 1895 г. министром просвещения И. Д. Деляновым, который заявил, что «входить в корпорации силком не следует и что к этому делу надо приступать крайне осторожно и осмотрительно, т. к. это может вызвать нежелательные осложнения».[7] Бутлеров добился снижения профессорских гонораров за лекции, которые выплачивались из средств, собиравшихся со студентов, причем сумма сбора с одного студента достигала более 100 руб. в семестр, между тем как в других университетах такие сборы не превышали 25 руб.

Незадолго до событий 1899 г. Бутлеров принял сторону студентов в докладе об их столкновении с профессором юридического факультета А. Ф. Зачинским (вместе с Красноженом и Невзоровым он фигурирует во втором из публикуемых здесь документов). В этом докладе попечитель Н. А. Лавровский усмотрел «недостаток свода и оценок отдельных показаний студентов и происходящую от того его неполноту и односторонность».[8] Все эти обстоятельства наложили отпечаток как на действия Бутлерова во время последовавших вскоре студенческих волнений, так и на характер освещения им первого этапа этих событий в приводимом ниже документе.

Документ этот представляет собой черновик его докладной записки

---

[4] См. характеристику М. А. Бутлерова в воспоминаниях В. Э. Грабаря (Грабарь В. Э. Четверть века в Тартуском (Дерптском-Юрьевском) университете. — Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 35. Таллин, 1954, с. 66).

[5] Черновик жалобы М. А. Бутлерова [сентябрь 1899 г.]. — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел (далее — ГПБ РО), ф. 246, Депман И. Я., д. 18.

[6] Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, б. Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902) / Под ред. Г. В. Левицкого, т. I. Юрьев, 1902, с. 579, 652.

[7] Черновик жалобы М. А. Бутлерова [сентябрь 1899 г.]. — ГПБ РО, ф. 246, д. 18.

[8] Письмо попечителя Рижского учебного округа Н. А. Лавровского ректору Юрьевского университета, 6 декабря 1898 г. — ГПБ РО, ф. 246, д. 13; Черновик письма М. А. Бутлерова Н. А. Лавровскому, б. д. — Там же, д. 12.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

правлению университета, без даты, с многочисленными следами правки, писанный чернилами и карандашом, по-видимому, в несколько приемов между 4 марта 1899 г., когда занятия в университете возобновились, и 27 марта, когда волнения вспыхнули вновь. Документ состоит из двух частей, входящих в состав разных единиц хранения.[9]

«В Правление имп. Юрьевского ун-та. Честь имею довести до сведения правления императорского Юрьевского университета мои наблюдения и соображения касательно волнений, происходивших последнее время среди студентов Юрьевского университета.

Несомненно, что волнения среди студентов Юрьевского университета были следствием того, что происходило в Петербурге 8-го февраля и что отразилось не только у нас, но и в некоторых других провинциальных университетах и высших учебных заведениях. Начало брожения среди местного студенчества замечалось уже 18-го февраля и продолжалось до 23-го, когда собралась сходка приблизительно в 500 человек в здании Института патологической анатомии. Сходка прошла очень тихо и в полном порядке. Продолжалась она около полутора часов. Первым на сходку пошел по моему распоряжению пом. инспектора г. Храбров, его предложение разойтись и очистить аудиторию вызвало легкий протест, и последовал отказ исполнить его требование. После нескольких увещаний г. Храбров удалился, тогда на сходку пошел я. Мои увещания, в которых я выяснил студентам всю незаконность сходки и пригрозил переписать всех присутствующих, тоже не имели успеха, и т. к. студенты заявили, в очень вежливой форме, что им осталось немного переговорить, а что потом они тихо разойдутся, то я удалился, заявив, что, хотя я ухожу, но все время буду в соседней комнате и прошу их поторопиться окончанием переговоров. Выйдя из аудитории, я немедленно послал за исправляющим должность ректора деканом Я. Ф. Озе, который явился в здание Института патологической анатомии приблизительно через полтора часа.

К этому времени переговоры были окончены, и исправляющий должность ректора в сопровождении инспектора вошел в аудиторию, где собрались студенты, сказал им краткое слово, прося успокоиться и разойтись. После речи и. д. ректора студент Казимир Тышко прочел, а потом передал господину исправляющему должность ректора клочок бумаги, на котором были написаны требования, предъявляемые студентами. Ни одной подписи на этой бумажке не было, она была перечеркнута карандашом и носила очень беспорядочный характер.[10]

После того как исправляющий должность ректора удалился из аудитории, студенты тихо в полном порядке разошлись. Вечером, в тот же день была сходка в Анатомическом институте, в которой принимали участие почти исключительно медики II курса. Поводом к этой сходке была старая ссора двух студентов, которая дошла до драки между ними. На этой сходке студ[енты] вели себя очень тихо и разошлись в полном порядке, проговорив около 2-х часов.

23-го фев[раля] вечером многие[11] профессора получили печатанные ручным станком объявления от имени студентов с просьбой не беспокоиться, лекции не читать, т. к. студ[енты] решили не посещать лекций.

24-го фев[раля] с раннего утра замечалось среди студентов как

---

[9] Там же, д. 18, 17.

[10] Далее зачеркнуты слова: «надо признать памятной запиской, на которой было записано то, что, конечно, представляет для ознакомления с волнением студентов значительный интерес». В зачеркнутом тексте, кроме того, зачеркнуты слова «несуразно» после слова «записано» и «беспокойством» перед словом «волнением».

[11] Зачеркнуто: «почти все».

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

на улице, так и в унив[ерситетских] зданиях необыкновенное возбуждение. Были группы, по преимуществу студ[ентов] богословского и филологического факультетов, которые желали пойти на лекции, и группы студ[ентов], которые производили обструкцию. Одни из этих студентов только наблюдали и замечали студ[ентов], желающих посетить лекции, другие уговаривали не ходить, а третьи, обыкновенно в числе нескольких человек, входили в те аудитории, где уже были профессора, и просили прекратить лекции. Все это производилось в вежливой форме. Относительно проф[ессоров] студ[енты] вели себя прилично, и никто из профес[соров] не приносил жалоб на какую-либо грубую выходку со стороны студентов.[12] Так продолжалось до 11 с половиной часов, когда стало заметно, что отношения между студентами, желающими посещать лекции, и студ[ентами], мешающими им исполнить это желание, начинают обостряться и легко могут перейти в драку. В этот критический момент исправляющий обязанности ректора дек. Озе[13] заявляет толпе студентов, собравшихся в коридоре, чтобы все разошлись. Студенты оставили университет, который и был закрыт таким образом 24-го фев[раля] в 12 ч. дня. 4-го марта лекции, по распоряженню его прев[осходительства] г. попечителя уч. округа, возобновились и пошли нормальным порядком, если не считать, что первые 2 дня замечалось несколько меньшее число студентов против обыкнов[енного], но с каждым днем число студ[ентов] прибывало; а с 8-го числа замечалось на лекциях и практических занятиях даже большее число студ[ентов], чем это было до беспорядков.

По достоверным данным я знаю, что среди студентов ходили прокламации за подписью „Союзный совет дерптских организаций".

Среди студентов распространялись ложные слухи, которые сообщались из каких-то петербургских источников.[14]

Чтобы вести борьбу с ложными слухами, которые очень сильно возбуждали и[15] молодежь, надо было иметь верные, авторитетные сообщения из СП[етер]бурга. Такие сведения получал пр[офессор] Садовский от проф[ессоров] Петерб[ургского] унив[ерситета.] Этими сведениями он весьма охотно делился со студентами, а 3 марта полученную им т[елегра]мму за подписью Скобельцына, пр[офессоров] Борхмана и Петрушевского, сообщающую о начале лекций в СПб университете, пр[офессор] Садовский передал начальству нашего[16] унив[ерсите]та, которое нашло желательным ознакомить с нею студентов, а потому вывесило на видном месте в здании университета. Эта телеграмма имела громадное влияние на ту часть студентов, которая была сбита с толку ложными слухами и много способствовала успокоению умов, по словам самих студентов, благодаря этим известиям.

Лекции начались спокойно, без сходок и волнений. Меры, которые принимались инспекцией, были главным образом направлены к тому, чтобы успокоить взволнованную молодежь, которую сбивали с толку ложные слухи. Для этого инспекция весьма охотно давала разъяснения желающим во всякое время дня и, кроме того, вызывала к себе студентов более зрелых и авторитетных и убеждала их успокоить и повлиять в этом направлении на других товарищей. Принятие

---

[12] Слова «Все это производилось... со стороны студентов» — зачеркнуты.
[13] Слова «дек. Озе» зачеркнуты.
[14] Слова «сообщалось из каких-то петербургских источников» написаны над зачеркнутыми «черпались из мутных источников Петербурга». Далее зачеркнуто: «По дошедшим до меня слухам, студ[енты] Юрьевского унив[ерситета] все это время посылали».
[15] Далее одно слово не разобрано.
[16] Слово «нашего» зачеркнуто

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

более строгих мер, так напр[имер] переписка[17] всех участников сходки, я нашел неудобной, т. к. она вызвала бы только усиление волнений и дала бы оружие в руки тех элементов, которым было выгодно и желательно, чтобы как можно больше пострадало, т. к. затем на этой почве было бы весьма удобно поддерживать волнения среди молодых горячих голов, указывая, что теперь надо требовать возвращения уволенных, а для этого опять надо собраться на сходку и т. д.

В заключение позволю себе сказать, что силы инспекции в нашем унив[ерситете] так слабы, что с ними очень трудно наблюдать и подмечать агитаторов. Имп[ераторский] Юрьев[ский] унив[ерситет] имеет 13 отдельных зданий, которые весьма разбросаны, а педелей и их помощников имеется свободных только 8, т. к. из 10 пед[елей] один прикомандирован к медицинской канцелярии, один должен дежурить в педельной. Таким образом выходит, что инспекция не может поставить для наблюдения даже по одному педелю на здание. Но что может увидеть 1 педель в главном здании? Почти ничего! На недостаточность чинов инспекции я обратил внимание его высокопревос[ходительства] г. министра н[ародного] просв[ещения] во время осмотра им Юрьевского университета.[18] Теперь я продолжаю настаивать на этом, т. к. если настоящие беспорядки в Юрьевском университете были первыми, то нельзя ожидать, чтобы они были бы последними, т. к. в составе студенчества в Юрьевском унив[ерситете] гораздо более горючих материалов, чем во всяком другом университете.

Я нахожу, что настоящие беспорядки прошли в Юрьевском унив[ерситете] очень тихо и благополучно, т. к. у нас существовало две партии студентов, желающих и не желающих посещать лекции. К первой принадлежали безусловно все корпорации, которые заявили, что сочувствуют пострадавшим петербургским товарищам, но, руководствуясь своими уставами, отказываются принимать активное участие в беспорядках и по первому требованию начальства будут посещать лекции.[19]

В конце концов не могу не сказать, что сравнительно хорошему концу[20] всех наших треволнений мы много обязаны влиянию авторитетных профессоров и их доброму слову, а также тому отношению, которое существует между студентами и начальством, что дало возможность влиять на них авторитетным добрым словом, а не репрессивными мерами, которые часто приводили к совершенно обратным результатам.

Прилагая при сем фамилии студентов, которые были замечены инспекцией в активном участии в прошлых волнениях, беспорядках, покорнейше прошу правление наложить на виновных соответствующие взыскания».

В приложенном списке значилось 28 фамилий студентов во главе с К. Тышкой, председателем «большой сходки», передавшим начальству записку со студенческими требованиями, и А. Крыницким, председателем «малой» студенческой сходки в анатомическом институте, который обратился с просьбой к профессору Афанасьеву не читать лекции. Как явствует из помет Бутлерова в другом варианте списка, ука-

---

17 Так в тексте.

18 Слова «обратил внимание . . . университета» — зачеркнуты. Вместо них: «неоднократно обращал внимание г. ректора и во время посещения нашего Университета г. мин[истром] нар[одного] просв[ещения] я обратил на это внимание Его высокопр[евосходительства] и в поданной мною памятной записке указал на желательное увеличение штата инспекции».

19 Слова «т. к. в составе . . . посещать лекции» — зачеркнуты.

20 Так в тексте.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

занные в нем студенты поначалу были наказаны выговорами и заключением в карцер, а затем, после возобновления волнений и нового прекращения занятий, уволены либо вовсе, либо на год.[21]

Таким образом, хотя Бутлеров и считал, как мы видели, «неудобным» и опасным переписывать всех участников сходки, он составил по памяти довольно обширный список их и завершил свою записку ходатайством о взысканиях. Притом в ней содержалось осуждение «репрессивных мер» с демонстративным противопоставлением их «доброму слову». Вынужденное отступление Бутлерова от методов охранительного либерализма проявилось и в способе изображения в записке первого этапа студенческих выступлений, в частности, в характере правки, внесенной в ее текст. Как видим, признав было, что студенческие требования представляли «значительный интерес», Бутлеров затем предпочел ограничиться упоминанием о «беспорядочном характере», который носил-де их перечень. Была вычеркнута фраза о корректном поведении студенчества. Особенную осмотрительность проявил Бутлеров в вопросе о влиянии на выступления тартуского студенчества событий в Петербургском университете. С одной стороны, отмечая совершенно очевидное влияние этих событий на студенчество не только Тартуского, но и многих других университетов, он подразумевал, по-видимому, что это уменьшает его личную ответственность. Но с другой — он зачеркнул начатое было сообщение об установленной тартускими студентами регулярной связи с Петербургом. Оно могло означать признание его собственного недосмотра. Не стал Бутлеров включать в записку и рассуждения о том, что в составе студенчества Тартуского университета «гораздо более горючих материалов, чем во всяком другом университете», как и заключение, согласно которому «настоящие беспорядки» прошли в нем «очень тихо и благополучно». «Сравнительно хороший конец всех наших треволнений» (так называл он возобновление занятий, продлившихся, как оказалось, совсем недолго) он приписывал не только своим действиям, но и «влиянию авторитетных профессоров».

Все это, однако, ему не помогло. Профессура «лагеря Будиловича», как выразился Бутлеров, с Красноженом во главе решила воспользоваться студенческими волнениями, чтобы расправиться с инспектором, выглядевшим в их глазах либералом. Красножен в грубой форме заговорил с Бутлеровым в присутствии студентов, и когда тот подал об этом рапорт ректору, сторонники Красножена принялись доказывать студентам, «что инспекция — полиция, и ее надо избегать, а не доверять ей и т. п.».[22] Прием этот был применен, чтобы ликвидировать влияние на студентов попечительских действий инспектора.[23] «В марте с. г. пишется в виде ряда сочувственных писем на имя пр. Красножена целый ряд доносов тех гг. профессоров, с которыми во время моего служения мне приходилось иметь служебные дела и, к сожалению, не всегда мне приходилось находить их правыми в столкновениях со студентами», — писал Бутлеров в своей жалобе, но затем, несомненно, ради смягчения заменил конец фразы словами: «не всегда в их пользу».[24]

---

[21] ГПБ РО, ф. 246, д. 17.

[22] Черновик жалобы М. А. Бутлерова [сентябрь 1899 г.]. — Там же, д. 18.

[23] В действительности Красножен был противником инспекции отнюдь не из-за ее полицейского характера, а потому, что считал ее «совершенно бессильной» во время студенческих волнений, а в «мирное время» — «излишней» (Красножен М. И. Плевелы в наших университетах. Юрьев, 1905, с. 32—34).

[24] Черновик жалобы М. А. Бутлерова [сентябрь 1899 г.]. — ГПБ РО, ф. 246

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Само собой разумеется, что новый этап студенческих волнений, последовавший в конце марта, хотя Бутлеров и предсказывал его в опубликованной здесь записке, был против него использован. Он уже не пытался применять в целях умиротворения либеральные меры, как он делал это, по его словам, на первом этапе движения. Был составлен пространный «Список студентам бывшим на сходке „забастовки" 27 марта».[25] Оправдываясь перед начальством впоследствии, когда он был обвинен в случившемся, он подчеркивал, что «неоднократно имел частные совещания с местными представителями Министерства внутренних дел в лице г. полицмейстера и г. жандармского офицера, чтобы сообразовать свою деятельность с инструкциями, получаемыми этими лицами».[26] Но в начале сентября 1899 г. вернувшийся из отпуска Будилович обратился к попечителю учебного округа с просьбой о немедленном устранении Бутлерова с должности инспектора и удалении его из города «как вредного человека».[27]

Из беседы с товарищем министра народного просвещения Бутлеров узнал, что ему поставлен «в вину самый факт возникновения прошлогодних студенческих беспорядков» (вероятно, имелся в виду прошлый учебный год). Возражая, он приводил те аргументы, от которых раньше предпочел воздержаться. Вопрос о революционизирующем влиянии петербургских студенческих выступлений опять оказался на переднем плане. «Во-первых, писал Бутлеров, беспорядки в Юрьевском университете были только слабым отголоском беспорядков, охвативших все русские университеты, во-вторых, в Юрьеве они отличались значительной умеренностью, несмотря на то, что контингент студентов Юрьевского университета весьма неблагоприятен». Отказ от «крайних репрессивных мер» он объяснял недостатком педелей и «малочисленностью городской полиции». Но просьбу обратиться за справкой о его деятельности к полицмейстеру и жандармскому офицеру Бутлеров зачеркнул.[28]

Уволить его немедленно не удалось потому, возможно, что новый министр просвещения Н. П. Боголепов в июле 1899 г. одновременно с введением пресловутых «Временных правил» об отдаче исключенных за беспорядки студентов в солдаты рекомендовал университетской инспекции как раз те попечительские меры, проводить которые Бутлерову запрещали. Жалобы Бутлерова с упоминаниями об этом могли возыметь действие. Да и положение Будиловича пошатнулось с отставкой попечителя Лавровского, давнего его единомышленника и соратника. Через год, в июле 1900 г., Бутлеров был все-таки уволен.[29] Однако вскоре за ним последовал и Будилович. Его вызывающий образ действий не во всем совпадал теперь со «взглядами и направлением в руководящих сферах» ведомства народного просвещения, отмечал близко знавший дело К. Я. Грот, указав в качестве важной причины его ухода на «перебросившиеся в Юрьев из других университетских центров» студенческие волнения.[30]

В Петербурге Будилович продолжал свою линию в качестве члена совета министра народного просвещения. С началом первой русской революции он открыл кампанию в печати против известной записки 342-х ученых, содержавшей либеральные требования как академического, так и общеполитического характера и получившей широкую попу-

---

25 Там же, л. 17.
26 Черновик прошения Бутлерова [октябрь 1899 г.]. — Там же, л. 16.
27 Черновик жалобы М. А. Бутлерова [сентябрь 1899 г.]. — Там же, л. 18.
28 Черновик прошения Бутлерова [октябрь 1899 г.]. — Там же, л. 16.
29 ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 3, д. 216, л. 27.
30 Грот К. Я. Памяти Будиловича. — Исторический вестник, 1909, март, с. 1119.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

держку профессуры и лиц других интеллигентных профессий. Первая же его статья была расценена как замаскированный ответ министра народного просвещения (в 1904 г. этот пост занял генерал В. Г. Глазов), данный при посредстве «обанкротившегося отставного ректора».[31] С возражениями Будиловичу выступил профессор Тартуского университета К. К. Сент-Илер, а группа тартуской профессуры, как и профессора других университетов, присоединилась к записке 342-х. Однако и «партия Будиловича» сохраняла свои позиции среди тартуской профессуры, о чем свидетельствует, в частности, второй документ, к которому мы сейчас обратимся.

II

Трудно сказать, предназначал ли студент Петербургского университета А. С. Волковыский свои воспоминания об октябрьских днях 1905 г. в Тартуском университете, написанные в 1906 г., к немедленному опубликованию. Рассчитанные по своему содержанию лишь на революционную или по крайней мере радикально-демократическую печать, они, насколько нам известно, так и не увидели света. На юридическом факультете Тартуского университета их автор учился с 1903 г., перейдя в него из Женевского, где, как можно предположить, завязал свои первые революционные связи. Явно принадлежа в Тарту к революционно настроенному студенчеству, он по полицейской терминологии того времени «не привлекался, но был обыскан». В ряду активных участников студенческих революционных выступлений имя его не получило, однако, известности. 12 октября 1905 г. он подал заявление о переводе в Петербургский университет.[32]

В Петербурге А. С. Волковыский стал работником большевистской боевой организации. Ее руководящий деятель Н. Е. Буренин в своих воспоминаниях о героическом боевике студенте Петербургского университета В. В. Резцове («Харламе») писал: «Тесную связь поддерживал „Харлам" с одним из активных участников нашей подпольной работы Сашей Волковыским...»[33] В квартире нового студента-юриста Петер-

---

[31] Будилович А. С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам. СПб., 1906, с. 59.

[32] Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 14, оп. 3, д. 1496.

[33] Буренин Н. Е. «Харлам» (Валентин Варламович Резцов) — В кн.: Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1967, с. 235. Раздел, в который вошли воспоминания о В. В. Резцове, озаглавлен «Люди большевистского подполья». Приведенные слова появились во втором варианте этих воспоминаний под таким же названием, впервые увидевшим свет в 1961 г. (Буренин Н. Е. «Харлам» (Валентин Варламович Резцов). — В кн.: Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1961), вместо слов: «Часто бывал Харлам у т. Вылковыского...», стоявших в первом варианте (Буренин Н. Е. «Харлам» (Валентин Варламович Резцов). — В кн.: Буренин Н. Е. Люди большевистского подполья. М., 1958, с. 32). На сообщение Н. Е. Буренина обратил внимание автора настоящей статьи ленинградский врач А. М. Волковыский.

В сборнике материалов о большевистской боевой группе («Боевая группа при ЦК [illegible] 1905—1907» / Сост. С. М. Позер. М.; Л., 1927, с. 157) опубликован ряд [illegible] г., Е. Буренина, шифрованной записной книжки. Среди них следующая [illegible]: «Швейц: Волковс., Любич Желези Юхая Веколаинен». К слову «Волковс.» [illegible]ней сделано примечание: «Волковысский Александр Сигизмундович, партии „Саша", работал в Б[оевой] Печатевской] Г[руппе]». («Любич» было также отмечено в примечании — известного партийного работника [illegible]. В том же сборнике (с. 161) в воспоминаниях С. Эйнерлинга фигурирует «[illegible] (студент-юрист)» М. А. Игнатьев, сын известного революционера-большевика, [illegible] из основных работников боевой организации А. М. Игнатьева — [illegible] студенте Петербургского университета см.: Калинин А. [illegible]

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

бургского университета был устроен экспедиционный пункт для рассылки подпольной литературы, а сам он энергично работал в боевой группе.[34] Роль его в ней была довольно значительна. Приехавший в Петербург, как и некоторые другие прибалтийские боевики, в январе 1906 г. К. И. Салынь («Гришка») в своих воспоминаниях сообщал применительно к этому времени: «Работой группы ведали „Никитич" (партийная кличка Л. Б. Красина. — *Р. Г.*), Саммер („Любич"), непосредственным организатором ее в тот период был Грожан Ю. А. („Дмитрий Сергеевич"), студенты: Леонид и Волховский („Саша")».[35] К партийной кличке «Леонид», которая не была раскрыта ни К. И. Салынем, ни С. М. Позне[36] и принадлежала, очевидно, члену ПК организатору дружин в Нарвском районе Л. О. Островскому, К. И. Салынь сделал примечание: «Леонид был организатором районной боевой дружины», а к фамилии «Волховский» (мы видим в этом ошибку и объясняем ее тем, что К. И. Салынь спутал фамилии А. С. Волковыского и Ф. В. Волховского, с которым встречался в эти годы[37]) в примечании добавил, что тот «жил на Васильевском острове и тоже, кажется, был районным организатором». Как мы скоро увидим, А. С. Волковыский жил именно на Васильевском острове.

Согласно этому же сообщению, члены боевой группы собирались в Политехническом институте, в столовой университета и Технологического института. Однако как и в Тарту, А. С. Волковыского не оказалось среди известных участников студенческого движения в Петербургском университете.[38] (Следует иметь в виду, что по правилам боевой группы связанные с ней лица не должны были участвовать в открытой революционной деятельности.) Проучившись в Петербургском университете до начала 1908 г., он решил вернуться в Тарту, но Тартуский университет в феврале 1908 г. отказал в этом. А. С. Волковыскому удалось лишь держать там экзамены в юридической испытательной комиссии в весеннем полугодии 1908 г., в результате чего он получил

Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969, с. 167 и след.; Ежов В. А., Марголис Ю. Д., Яковлев В. П. Предисловие к кн.: Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Т. II. Л., 1982, с. 9, 16), в письме к автору настоящей статьи 18 января 1983 г. указал со ссылкой на надпись Н. Е. Буренина на фотографии А. С. Волковыского, что кличка того была именно «Шаша», а не «Саша». Жена А. М. и мать М. А. Игнатьевых О. К. Канина — ее имя и отчество вместе с кличкой «Гришка», принадлежавшей боевику К. И. Салыню, стояло в записной книжке Сагредо тремя строками выше приведенной строки — рассказывала сыну, что она вместе с А. С. Волковыским занималась транспортировкой оружия. Е. И. Салынь-Журавская («Катя») (см.: Боевая группа при ЦК РСДРП(б), с. 168) сообщила М. А. Игнатьеву, что работала в боевой группе с О. К. Каниной и студентом, который был ей известен под партийной кличкой «Шаша». Разумеется, могли быть в ходу оба так близких друг другу варианта имени.

[34] Буренин Н. Е. «Григорий Иванович» (Александр Михайлович Игнатьев). — В кн.: Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1967, с. 264. (Первый вариант очерка об А. М. Игнатьеве, так же как и очерк о В. В. Резцове, появился в кн.: Буренин Н. Е. Люди большевистского подполья. М., 1958).

[35] Боевая группа при ЦК РСДРП(б), с. 164.

[36] Там же, с. 155.

[37] Не под влиянием ли этой ошибки во втором издании сборника материалов о боевой группе (Первая боевая организация большевиков. 1905—1907 гг. / Сост. С. М. Позне. М., 1934), в котором воспоминания К. И. Салыня воспроизведены без изменений, в тексте записки Н. П. Сагредо (с. 194) вместо «Волковс.» находим «Волковск.» без примечания, которое было в первом издании.

[38] Павлицкая Н. Н. Петербургский университет в 1905—1907 гг. — Вести. Ленингр. ун-та, 1948, № 11, с. 139—156; Бондаревская Т. П. Большевистская организация университета в революции 1905—1907 гг. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 67—80; Яковлев В. П. Петербургский университет в революции 1905—1907 гг. — Вести. Ленингр. ун-та, 1980, № 2, с. 19—24.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.pu.ru/

диплом первой степени. Между тем к моменту перевода в Петербург в 1905 г. за ним, по-видимому, не числилось в Тарту сколько-нибудь серьезных политических дел и Тартуским университетом он был охарактеризован положительно («поведения отличного»), да и теперь, в 1908 г., ректор Петербургского университета поддерживал ходатайство о его возвращении в Тартуский университет; учебные успехи не вызывали сомнений.[39]

Относительно побудительных мотивов перехода из одного университета в другой можно со значительной степенью вероятности предположить, что они в 1908 г., как и в 1905 г., были связаны с подпольной работой. Деятельность А. С. Волковыского в боевой группе продолжалась, по-видимому, вплоть до ликвидации группы в 1908 г.[40] Что же касается причин отказа в обратном приеме в Тартуский университет, то они могли быть двоякого происхождения. Как известно, Петербургская большевистская боевая группа, помимо того, что в ее работе участвовало некоторое число боевиков-эстонцев в самом Петербурге, была связана с Эстонской боевой организацией. Накануне V съезда РСДРП, в апреле 1907 г., в Тарту была проведена конференция большевистских военных организаций и боевых групп Прибалтики с представителями петербургского центра. После ее окончания в результате ночной полицейской облавы в 20—30 домах были произведены аресты студентов и участников конференции. Всего было арестовано 44 человека.[41] Легко себе представить, что и А. С. Волковыский мог оказаться в этой связи под подозрением.

Но причина отказа могла заключаться и в написанных во время пребывания в Петербургском университете воспоминаниях. Не исключено, разумеется, что автор воздержался от их опубликования по каким-либо соображениям, в том числе и связанным с конспирацией. Но даже попытка их опубликования или самый факт написания вполне могли стать известны в Тартуском университете и навлечь на их автора немилость администрации и некоторой части профессуры, в частности тех профессоров-юристов, которые фигурировали в воспоминаниях.

Приводим полностью эти воспоминания по хранящемуся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина автографу на четырех листах с подписью автора, указанием даты и адреса — «24 июля 1906 г. ВО. 1 л. 4».[42]

«Осенний семестр 1905 года резко отличался от всех предыдущих.

---

[39] См. личные дела А. С. Волковыского в фондах обоих университетов (ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 44956; ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, д. 5178).

[40] Н. Е. Буренин сообщает (Буренин Н. Е. Памятные годы. Воспоминания. Л., 1967, с. 264), что А. С. Волковыский бежал в Париж, а это могло произойти не ранее поздней весны или лета 1908 г., когда он закончил учебу, которую, насколько нам известно, не прерывал. 20 мая 1908 г. он стал помощником присяжного поверенного В. В. Беренштама, известного петербургского адвоката, выступавшего защитником по политическим делам, в том числе и в Прибалтике. В списке присяжных поверенных А. С. Волковыский числился живущим в Париже (Список присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты и их помощников к 1 января 1910 г. СПб., 1910, с. 74). Партийные дела в Париже, в которых он, по сообщению Н. Е. Буренина, участвовал, относятся к периоду между июнем и октябрем 1908 г. (Апресян В. З. Время и [illegible]. М., 1977, с. 120, 122).

[41] Боевая группа при ЦК РСДРП(б). М.; Л., 1927, с. 168, 173, 179—180; Из донесения начальника Лифляндского губернского жандармского управления И. Д. Волкова лифляндскому губернатору Н. А. Звегинцову 1 мая 1907 г. — В кн.: Революция 1905—1907 гг. в Эстонии: Сб. док. и материалов. Таллин, 1955, с. 571; Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Ч. 1. Таллин, 1961, с. 111; Эрингсон Л. Тартуский университет в период отступления первой русской революции... с. 123.

[42] ГПБ. ВО. Б. 1000, собрание единичных поступлений. — ВО. 1 л. 4 — сокращенное обозначение адреса, по которому жил А. С. Волковыский: Васильевский остров. 1-я линия, 4.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Все прежнее, казалось, было забыто. Университет, старый, мрачный университет наполнился новыми словами, новыми звуками, от которых трепетало решительно все в нем, начиная с колонн большого актового зала — кончая испуганными и недоумевающими педелями с инспектором и субами во главе. Да и весь городок как-то изменился — чувствовалось что-то новое, неладное, как будто что-то бродило и зрело в нем. Всюду устраивались митинги и собрания. Эстонцы заметно волновались — настроение среди них было повышенное. Зато среди немецкой оружуазии и дворянства было наоборот — они, казалось, предугадывали возможность расплаты и беспрестанно устраивали совещания как между собой, так и с корпусным генералом. Занятий в унив[ерситете], собственно, не было — т. е. хотя универ[ситет], собственно, и значился открытым, но лекций почти никто не читал — и все время происходило[43] на митингах в борьбе двух течений. Одна часть т. н. академистов стояла за открытие унив[ерситета] и за научные занятия, т. к., дескать, и без того, потеряв уже семестр, а тут благо реформа — вводится предметная система, — т. е. можно, пожалуй, и наверстать, а т. к. для многих студ[ентов] это был вопрос жизни и смерти, то прения принимали обыкновенно чрезвычайно острый характер. Впрочем, нужно оговориться — почему могло возникнуть такое течение в такой революционный момент. Дело в том, что[44] студенчество на 5/6 состоит из семинаристов, съехавшихся с различных концов нашей громадной родины, и в большинстве случаев настолько бедных, что для них годы пребывания в универ[ситете] сводятся к годам поста и частой голодовки. Напр[имер], состоятельным человеком считались семинар[исты], получавшие 15 р. в месяц. А так [как] побочных занятий в виде уроков, переписки книг и другого — найти в Ю[рьеве] решительно невозможно, то становится более понятной причина такого резкого конфликта. Да и кому охота голодать лишний год, тем более, что многим родители грозили отказать и в этих крохах. Другая часть студен[тов] выносила резолюцию в духе открытия унив[ерситета] для занятий и для „политики" (дословно — слова резолюции). Такая резолюция прошла в первый раз после недельных митингов небольшим большинством. Существовала, правда, еще одна группа, требовавшая открытия универ[ситета] исключительно для политики, указывавшая на революционность момента и на необходимость открытия универ[ситета] для широкой массы для революц[ионной] пропаганды. Но эта группа была в меньшинстве, и настроение, созданное борьбою между академистами и сторонниками принятой резолюции, достаточно ясно подчеркнуло умеренность настроения. Но последние оказались правы, двойственность резолюции тотчас же дала свои плоды — ведь пока академисты[45] и сторонники резолюции быстро засели за книги и упорно не являлись на митинги и собрания; студ[енты] делали прямо чудеса — проходили громадные курсы в несколько дней — только бы сдать — только бы отделаться. Академисты и умеренные профессора ликовали. Привлекло студ[ентов] только в универ[ситет] объявление, в котором предлагалось предать студ[енческому] суду некоторых профес[соров], не удовлетворявших в смысле научных знаний и пользовавшихся дурной репутацией в смысле политич[еских] убеждений. Таких проф[ессоров] было несколько. У нас же на юридич[еском] факульт[ете] их было особенно много. Особенно выдавался господин Невзоров, прозванный энциклопедистом, потому что этот господин умудрялся читать местное, финансовое, полицейское, а в случае надобности гражданское или философию права

43 Так в тексте.
44 Далее два слова не разобраны.
45 Далее одно слово не разобрано.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

(безразлично) и вдобавок состоял мировым судьей гор[ода] Юр[ьева]. Такова была его научная деятельность. Главную же славу он стяжал себе на „местном праве", которое он читал на 2 курсе, причем старательно не допускал на экзаменах ни одного еврея. Были им написаны три толстых тома под заглавием „Биржа", но, увы, за мое трехлетнее пребывание в Юр[ьевском] унив[ерситете] они сиро и одиноко продолжали стоять за стеклом в прихожей универ[ситета], да и в магазинах (по крайней мере, в Юрьевских) решительно не покупались. В смысле убеждений он был настолько консервативным, что будучи помощником декана Юр[идического] ф[акультета] в чрезвычайно резкой форме отговаривал семинаристов от поступления в универ[ситет]. Причем иногда положительно запугивал, особенно молодых. Характерно, что большинство профессорской коллегии демонстративно не подавало ему руки. Особенно меня поразило это обстоятельство на экзамене по римскому праву, когда будучи назначен ассистентом он проходил около 8 часов совершенно молчаливо, причем никто из 3-х экзаменаторов ни поздоровался, ни обратился к нему ни с одним вопросом. Экзамены же по мести[ому] пр[аву] кончались настоящими скандалами, где дело грозило принять чрезвычайно острый оборот. Как отличительную особенность этого ученого мужа следует отметить форменную фуражку Министерства народного просвещения. Его собратом по положению среди проф[ессоров] был некто г-н Зачинский, пребывавший 14-й год (1902) в почетном звании магистранта и не могущий преодолеть этого препятствия по различным соображениям. Сей ученый муж читал историю философ[ии] и энциклопедию пр[ава], причем самый процесс чтения сводился к повторению из года в год составленных им записок с такою точностью, что если Вы стали вместо первого[46] второй, то рисковали получить неудовлетворительно. Записки, или лекции, весьма искусно скомпилированные, расходились в виде записанных лекций и уже в самом начале года все стремились запастаться ими, т. к. в противном случае, по каким бы трудам Вы ни прошли эти предметы, Вы бы все равно провалились. Коньком г-на З[ачинского] было опровержение проф. Коркунова, с которым у него были личные счеты, когда последний срезал его во второй раз на магист[ерском] экзам[ене]. Записки нужно было знать наизусть. Если же студент не осиливал их или был похож на еврея (г-н З[ачинский] терпеть не мог семит[ской] расы и вообще инородцев), то нужно было ругать Коркунова, и желанное удовлетворительно отмечалось в книжке почтенного педагога таинственной точкой. Весь экзамен, за исключением вопроса, «какой билет», он молчал.

Но самым значительным среди них был проф[ессор] д[ревнс] р[усского] ц[ерковного] п[рава] Красножен. Это был громадный и вечно пьяный мужчина, очень образованный, очень злой и непримиримый сторонник старого режима. Долго спорили о судьбе этих великих мужей, но придти не успели ни к какому решению, т. к. универ[ситет] был временно закрыт вследствие ареста нескольких студ[ентов] универ[ситета] и Ветеринар[ного] инст[итута]. Студенчество в решительной и резкой форме требовало их освобождения. Брожение в обществе усиливалось, что приводило в немалое смущение немецкую буржуазию. Одну, странную, скажу больше, некрасивую роль сыграло немецкое студенчество, которое образовалось в особые общества (Vereine), корпорации) по образцу германских и среди которых процветал культ цветных шапочек, побоищ и прочей прелести германского буршества. В большинстве случаев это были сынки местной знати и богатых го-

[46] Далее одно слово не разобрано.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

рожан. Согласно первому уставу своих обществ, они воздерживались от участия в каких-либо политич[еских] движениях. Теперь же, когда вопрос был поставлен ребром, они в очень туманных выражениях заявили, что они не будут посещать универ[ситет] в том случае, если могут возникнуть обстоятельства, позорящие честь немец[кого] студенчества. Это был намек на обструкцию, которая была б[ы] применена в случае нарушения постановлений сходки. На наши сходки они посылали своих представителей, но заявили себя свободными от постановлений собрании.

В это время напряжение народных масс достигло своего апогея. Начались частичные забастовки, митинги. Вспыхнула общая политич[еская] забастовка. Немец[кая] буржуазия устроила нечто вроде самообороны из немец[ких] студен[тов] и некоторых частных лиц. Особенно отличался один прис[яжный] пов[еренный] фон Фольк, который топтал конем людей. 17 октября громадная толпа отправилась на город[скую] конную станцию с целью испортить телефон. Сидевшая там самооборона дала один или два выстрела, причем был один убитый, а затем трусливо скрылась, уступив место солдатам, которые дали несколько одиноч[ных] выстрелов, ранившие нескольких. В толпе было много детей, стариков — паника была ужасная. Студентов было мало.

У нас до 17 октября нем[ецкие] студ[енты] обвиняли русское студ[енчество] в натравливании эстонцев на немцев и грозили, что в случае нападения будут „необозримые жертвы". И, действительно, они засели по корпорациям, вооруженные с ног до головы и покровительствуемые правительством. В сущности никакого натравливания не было, и просто на всех митингах „выяснялись платформы", причем наибольшим успехом пользовалась с. д. программа, которая кстати чрезвычайно распространилась и получила массу адептов среди эстонского населения за последние полтора года.

В эту роковую ночь с 17 на 18 все фонари потухли, над городом висела тьма и страх военного положения, которым грозили нам немцы, когда после того, как раненые были перевязаны, мы шли на экстренную сходку в 10 ч. ночи. Немало сердец учащенно бились, когда вдруг, как из-под земли, под самым носом вырастала темная фигура, и грубый окрик „проходи", сопровождаемый характерным бряканьем винтовки, невольно наводил[47] на размышления. Но эта ночная сходка оказалась далеко не на высоте своего положения. Пошли споры и раздоры и студенч[ество] разошлось, полное недоумения и неудовлетворенности. На утро 18 октября была назначена решительная сходка, т. к. военное положение висело в воздухе. Когда утром мы шли к универ[ситету], по городу ходили слухи, что военное положение введено, что сходка будет расстреляна, и, действительно, около универ[ситета] стоял взвод солдат в полной боевой готовности, окруженный городовыми. Мы проходили, как сквозь строй. Только что началась сходка, как появилось известие о манифесте, последний приносился с почты по кускам. Когда же он весь был сложен и прочитан, то по залу пробежал какой-то гул. гул недоумения. Председатель порвал манифест, и весь универ[ситет] задрожал от криков одобрения. Никто не верил. Затем все студенчество отправилось на улицу, послышались крики „в тюрьму". Вдруг неизвестно откуда вырос полковой оркестр того самого полка, который вчера нас расстреливал. Вчера враги — сегодня друзья. Оркестр играл Марсельезу и всевозможные революционные песни, причем все это делалось прямо с радостью. Неизвестно откуда появились красные ленты и знамена.

---

47 «Невольно наводил» — зачеркнуто.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

С оркестром во главе мы двинулись к тюрьме. После недолгих пре-
пирательств начальство, растерявшееся и испуганное, уступило. Заклю-
ченных вынесли на руках, по дороге сбили шапку пех[отному] офицеру,
обвили штыки красными лентами. Затем начались революционные дни,
как недурной пример я могу привести след[ующий] факт, что в окне
полицейского управления стоял студент с красным флагом, а по бокам
для почетного караула 2 город[овых] с обнаженными шашками и кри-
ками ура, а в окне сидели все приставы и горячо аплодировали. Среди
них находился пом[ощник] пр[истава] Фукс, который посылал толпе
воздушные поцелуи, тот самый Фукс, который производил у меня
обыск, причем его поведение даже со стороны полицейского чина за-
ставляло желать лучшего. Пристав другого участка показывал портрет
государя вверх ногами. Анархия была полная, с точки зрения властей,
но фактически порядок не был ни разу нарушен, ни во время похорон
жертв 17 ок[тября], ни во все остальное время народного праздновa-
ния. Но тут телефонное сообщение было окончательно восстановлено,
начальство, наконец, поняло царское слово, полиция снова приступила
к старому порядку, над городом снова повис призрак военного положе-
ния — и тут-то началась начальственная литература, образец коей при
сем прилагаю».

Как видим, описывая события 17 и 18 октября, а также их канун, мемуарист касался, в сущности, лишь того, что являлось предметом его собственных наблюдений, хотя, по-видимому, и в Петербурге располагал документами о студенческих выступлениях в Тарту. Он довольно точен в деталях (слова о том, что семинаристы составляли 5/6 студентов, следует считать образным преувеличением). Это заставляет внимательно отнестись к его сообщениям не только о событиях, в которых он сам принимал участие, но и о таких явлениях общего характера, как отмеченное им распространение социал-демократической идеологии в среде эстонского населения.

Весьма выразительно описание политической борьбы в студенческой среде осенью 1905 г. по поводу открытия университета, использования его для проведения революционных митингов с участием представителей всех слоев населения. В этом смысле ситуация в Тартуском университете была во многом аналогична тому, что происходило после введения Временных правил 27 августа 1905 г. в Петербургском и в других университетах России.[48] Разумеется, интересно еще одно подтверждение того, что собравшиеся 18 октября в актовом зале университета студенты, рабочие, учащиеся встретили царский манифест по-революционному, проявив при этом полное единодушие. Представляется существенным сообщение о буржуазной «самообороне» во главе с присяжным поверенным фон Фольком, особенно участии ее в стрельбе в народ у конно-почтовой станции 17 октября. По смыслу сообщения А. С. Волковыского, стрельбу еще до солдат открыли члены «самообороны», причем именно их выстрелами был убит Я. Адамсон (он не назван по имени, но был, как известно, единственным убитым), а солдаты одиночными выстрелами ранили несколько человек. В подробном рапорте полицмейстера Н. М. Забелина от 24 октября 1905 г. «самооборона» не упоминается, однако содержится утверждение, согласно которому солдаты ограничились в одном случае несколькими залпами в воздух, а

---

[48] О позициях различных групп студенчества и профессуры в вопросе об использовании университетов для революционных митингов осенью 1905 г. см.: Иванов А. Е. Университеты в России в 1905 г. — Исторические записки, 1971, т. 88, с. 128 и след. См. также: Яковлев В. П. Политика правительства в университетском вопросе (1905—1910 гг.). — Вести. Ленингр. ун-та, 1969. № 2, с. 157—164.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

в другом — предупредительным сигналом «к стрельбе».[49] Л. Эрингсон отмечает в своем исследовании со ссылкой на рассказы очевидцев, что «стреляли и члены самообороны во главе с Фольком».[50] Таким образом, и за этим сообщением А. Волковыского нельзя не признать известной убедительности.

Красочны сцены временной растерянности и страха, охвативших полицейские власти 18 октября и продолжавшихся в течение нескольких последующих дней. Описание перехода «начальства» от растерянности к возобновлению карательных действий весьма точно и правдиво. Было бы, разумеется, важно для исследования наступления властей в пропагандистской области отыскать ту «начальственную литературу», образец которой, прилагавшийся А. Волковыским к его воспоминаниям, к сожалению, до нас не дошел. Обращает на себя внимание острая характеристика немецких студенческих корпораций и их роли в революционные дни, совпадающая в некоторых частях с воспоминаниями, специально этому посвященными. Так, по сообщению О. Гиляров, позиция немецких корпораций и статьи в немецких газетах с требованиями гнать русских забастовщиков из университета привели к тому, что на общестуденческой сходке было единогласно постановлено «корпорантов впредь лишить права всякого голоса и с их мнением не считаться». О. Гиляров писал о распространенности в революционной студенческой среде враждебного отношения к немецким корпорациям: «Все это вышло уродливо, парадоксально, но это так».[51] Следует отметить ясное указание А. Волковыского на классовый состав корпораций.

В высшей степени знаменательно, что среди нескольких профессоров университета, которых студенты хотели предать студенческому суду как «не удовлетворявших в смысле научных знаний и пользовавшихся дурной репутацией в смысле политических убеждений», были оба главных противника М. А. Бутлерова в 1899 г.— М. Е. Красножен и А. Ф. Зачинский, а также А. С. Невзоров. Красножен, ставший в 1899 г. деканом юридического факультета, и после 1905 г. выступал как активный и убежденный борец со студенческим революционным движением и демократизацией университетов в общероссийском масштабе. Таково было направление издававшегося им в Тарту в 1905—1912 гг. журнала «Университетские известия». При всем том Красножен был крупным знатоком своего предмета, а Невзоров — автором получивших известность работ как по торговому и финансовому праву, так и по местному праву прибалтийских губерний.

Описанные мемуаристом противоречия между студенчеством и реакционной профессурой достигли, как известно, особенной остроты в декабре, когда общестуденческое собрание заявило резкий протест против участия профессоров и преподавателей университета и Ветеринарного института в черносотенной городской милиции, расстрелявшей горожан на Ратушной площади 12 декабря.[52]

В заключение отметим, что, помимо приведенных здесь документов, несомненно существуют и другие, еще не разысканные, отразившие революционные связи между двумя университетами.

---

[49] Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, с. 275.

[50] Эрингсон Л. Тартуский университет в 1905 г., с. 34.

[51] Гиляров О. Немцы в Юрьеве (воспоминания студента). — В кн.: Внутренний враг: Материалы к истории немечества на Руси. М., 1915, с. 28—29.

[52] Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, с. 381.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

А. Н. МУРИН, С. И. БОНДАРЕВСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РАДИОХИМИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Открытие радиоактивности А. А. Беккерелем в 1896 г. сыграло революционную роль в развитии наших знаний о свойствах и строении материи. Он сообщил о новом, неизвестном ранее виде излучения вещества, обнаруженном им для солей урана.[1] Польский ученый Мария Кюри-Склодовская была одной из первых, чье внимание серьезно привлекло открытие урановых лучей. Работая вместе со своим мужем Пьером Кюри во Франции, в 1898 г. она выделила химическим путем из урановой руды — урановой смоляной обманки — новый радиоактивный элемент. Этому элементу супруги Кюри дали название полоний. В декабре того же года ими (совместно с Г. Бимоном) было сообщено об открытии радия.[2] Таким образом, 1898 г. явился годом рождения новой науки — радиохимии.

Эти открытия послужили отправной точкой для развития теоретических и экспериментальных исследований радиоактивности. Первые гипотезы о природе радиоактивных превращений были выдвинуты Эрнестом Резерфордом, Фредериком Содди и другими в 1895—1905 гг.[3] Сущность этих гипотез, подтвержденных всем дальнейшим развитием науки, сводилась к тому, что радиоактивность является свойством индивидуальных атомов, а радиоактивный распад — самопроизвольным превращением атомов некоторых элементов (урана, тория и продуктов их распада).[4]

Русские ученые внимательнейшим образом отнеслись к первым работам по радиоактивности, которым суждено было низвергнуть устоявшиеся представления физики и химии XIX в. о строении материи. Так, уже в 1903 г. в Санкт-Петербурге была издана книга «Радиоактивные явления» (по распоряжению императорского русского технического общества). Это был перевод английской публикации лекций о радиоактивности, прочитанных Ф. Содди в Лондонском университетском колледже. В 1905 г. вышла в русском переводе и книга Ф. Содди «Радиоактивность. Элементарное изложение с точки зрения теории распада атомов».[5]

Тем более интересно отметить, что известный русский физико-химик академик Н. Н. Бекетов в 1902—1903 гг. пришел, независимо от зарубежных исследователей, к аналогичному объяснению природы радиоактивности. Теоретические представления о сложном строении атома и о возможности его распада позволили Н. Н. Бекетову сделать пра-

---

[1] Корсунский М. И. Атомное ядро. М.; Л., 1952, с. 7—9.
[2] Коттон Э. Семья Кюри и радиоактивность. М., 1964, с. 32—35.
[3] Старосельская-Никитина О. А. Эрнест Резерфорд. М., 1967, с. 34—39.
[4] Кривомазов А. Н. Фредерик Содди. М., 1978.
[5] Содди Ф. Радиоактивность. Элементарное изложение с точки зрения распада атомов. СПб., 1905.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

вильный вывод о самопроизвольном характере распада атомов и о связи радиоактивности элемента с положением его в Периодической системе Д. И. Менделеева и даже предвидеть искусственное разрушение атомов.[6] Однако за границей эти труды были мало известны, так как они печатались исключительно в русских журналах, а научные контакты русских ученых с их западноевропейскими коллегами были совершенно не достаточны.

Начальные стадии развития наших знаний о природе радиоактивности в значительной мере определялись исследованием природы радиоактивного излучения (открытие альфа-, бета- и гамма-лучей) и установлением законов превращения элементов в процессе распада (правила «сдвигов» Фаянса — Содди при альфа- и бета-распаде). Тем самым появилась возможность, сочетая методы химического выделения и разделения продуктов распада урана и тория с физическим исследованием природы их излучения, установить генетические связи в отдельных радиоактивных «семействах».[7]

В этих исследованиях приняли участие и некоторые из наших соотечественников. Наиболее крупные работы русских ученых по установлению генетических связей между радиоактивными элементами были выполнены за границей из-за отсутствия в дореволюционной России отечественных радиоактивных препаратов и специальных лабораторий, необходимых для таких исследований. Так, работа Г. Н. Антонова (ассистента академика Н. Н. Бекетова, научного сотрудника химической лаборатории Академии наук), посвященная радию-Д и продуктам его распада, в которой впервые был сделан правильный вывод об образовании из радия-Д единственного продукта радия-Е (с периодом полураспада, равным пяти дням), была выполнена в Англии в лаборатории Э. Резерфорда (1910 г.).

В этой же лаборатории в 1911 г. Г. Н. Антоновым был открыт продукт распада урана — уран-Y (период полураспада — 25,6 часа). Интересно, что этот короткоживущий бета-излучатель (изотоп тория) явился единственным из большого числа радиоизотопов, который был открыт в то время русским ученым. Свои работы Г. Н. Антонов под заглавием «Продукты дезинтеграции урана» защитил в качестве магистерской диссертации в 1913 г. в Петербургском университете.[8] Следует отметить то большое уважение, которое проявляли впоследствии Э. Резерфорд и Ф. Содди в своих отзывах о работах Г. Н. Антонова.[9]

Русским физиком Л. С. Коловрат-Червинским, ставшим впоследствии сотрудником основателя советской радиохимии Виталия Григорьевича Хлопина, в лаборатории М. Кюри в Париже было проведено исследование процесса выделения газообразного продукта распада радия — эманации — из солей, содержащих радий, и тем самым положено начало так называемому эманационному методу исследования структуры и процессов превращений в конденсированных средах. Л. С. Коловрат-Червинским был разработан новый метод эманационных определений — метод сплавления. Свои исследования он оформил как магистерскую диссертацию по физике «О выделении эманации из твердых или расплавленных солей, содержащих радий», которая была защищена им в Петроградском университете в 1918 г.[10] С помощью эманационного

---

[6] Тимофеев В. Научная деятельность Н. Н. Бекетова. — Журнал русского физико-химического общества. Часть химическая. Отд., 1912, т. 45, с. 405.

[7] Мурин А. Н. Физические основы радиохимии. М., 1971, с. 33—37.

[8] Хлопин В. Г. Краткий очерк истории развития радиевого дела в России. — В кн.: 25 лет Радиевого института. М.; Л., 1947. с. 6.

[9] Кривомазов А. Н. Фредерик Содди, с. 108.

[10] Хлопин В. Г. Краткий очерк истории развития радиевого дела в России, с. 7.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

метода Л. С. Коловрат-Червинским провел большую работу по определению радия в минералах России. Его исследования сыграли важную роль в разведке радиоактивных богатств нашей Родины. Им же было показано отсутствие в ряду урана промежуточного продукта между радием и его эманацией, существование которого предполагала М. Кюри.

В дореволюционной России исследования по химии радиоэлементов и продуктов их распада ограничивались главным образом изучением химии урана и тория (Н. Я. Глазман — в Одессе, А. М. Васильев — в Москве, Н. А. Орлов — в Казани, П. Г. Меликов, Л. В. Писаржевский и С. Лорд-Кипанидзе — в Новороссийске). Среди исследований по химии других элементов несомненный интерес представляет работа ученика Э. Резерфорда В. А. Бородовского (1912 г.), в которой он предложил быстрый способ отделения радия от бария, основанный на различной летучести этих элементов. После защиты диссертации в 1910 г. в Московском университете В. А. Бородовский переезжает в Петербург, где в качестве доцента читает курс радиоактивности при Петербургском университете.[11]

Изучение радиоактивных минералов проводилось профессорами И. А. Антиповым, Б. Г. Карповым, К. А. Ненадкевичем (будущим членом-корреспондентом АН СССР), П. П. Орловым в 1900—1910 гг. В 1911—1918 гг. эти работы были продолжены В. И. Вернадским, А. Е. Ферсманом (будущими академиками), Л. С. Коловрат-Червинским (о его работах упоминалось выше) и др.[12]

Однако подлинное становление русской и тем самым советской радиохимии как науки неразрывно связано с именем классика нашей науки — Виталия Григорьевича Хлопина (1890—1950) — ученика профессора неорганической химии Петербургского университета Л. А. Чугаева (1873—1922).

Л. А. Чугаевым в лекции на тему «Предмет и задачи современной химии» (1904 г.) были высказаны удивительные, можно сказать пророческие, идеи о происхождении элементов: о прохождении ими, как он писал, «через радиоактивную стадию развития»; радиоактивные же элементы суть «последние, готовые потухнуть головни гигантского костра, которые, к счастью для науки, удается еще наблюдать в настоящее время».[13]

Л. А. Чугаеву принадлежат интересные работы по аналитической химии урана. Являясь редактором издания «Новые идеи в химии» (два сборника которого посвящены проблеме радиоактивности), в одном из сборников этой серии Л. А. Чугаев помещает свою статью о превращениях химических элементов.[14] И в своих статьях, и в лекциях Л. А. Чугаев говорит о широких возможностях, открываемых перед химией успехами учения о радиоактивности.

Вторым учителем и другом В. Г. Хлопина был создатель новой науки — геохимии — В. И. Вернадский (1863—1945). Так же, как и Л. А. Чугаев, В. И. Вернадский был одним из первых русских ученых, понявших важное значение открытия радиоактивности для дальнейшего развития физики, химии и геологии.

В. И. Вернадский был, по-видимому, первым ученым, понявшим роль тепла, выделяемого радиоактивными элементами в тектонических

---

[11] Там же, с. 5—6.

[12] Там же, с. 6—12.

[13] Чугаев Л. А. Избранные труды. т. 3 / под ред. О. М. Звягинцева. М., 1962, с. 28—39.

[14] Чугаев Л. А. Несколько слов о превращениях химических элементов. — В кн.: Новые идеи в химии. Вып. 1. СПб., 1914, с. 159—169.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

вулканических явлениях, в процессах миграции химических элементов в земной коре. Взгляды В. И. Вернадского на проблему радиоактивности, высказанные им в начале XX в., поражают своей мудростью и дальновидностью: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все им ранее пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который дает ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Несмотря на медленный ход применения к жизни огромных источников радиоактивной энергии, едва ли был в истории человечества момент, когда бы больше оправдывались затраты государственных средств в стадии предварительных исследований, чем в этой вновь открытой области науки. Ибо здесь характер открывающихся перед человечеством возможностей в случае даже своего частичного осуществления должен самым могущественным образом отразиться на общественной и государственной жизни».[15]

В. Г. Хлопин и В. И. Вернадский в совместных исследованиях по экспериментальной минералогии занимаются изучением изоморфизма соединений урана и тория (1915—1916). В 1916—1917 гг. В. Г. Хлопин занимается разработкой методики определения радиоактивности минеральных вод. Здесь уместно упомянуть о том, что в честь В. Г. Хлопина назван очень редкий, содержащий уран минерал — хлопинит. Это же относится и к упоминавшемуся выше К. А. Ненадкевичу; его именем назван ненадкевит — минерал, сложный силикат урана, используемый в качестве источника получения урана.[16]

В 1917 г. начинается педагогическая и научно-исследовательская деятельность В. Г. Хлопина в Петроградском университете, первоначально в качестве ассистента, а затем (с 1924 по 1930 г.) — доцента кафедры общей химии. В 1924 г. В. Г. Хлопин начинает читать курс радиохимии. Среди его слушателей были будущие профессора Ленинградского университета — Б. А. Никитин, А. Е. Полесицкий-Яхнин, А. П. Ратнер и др.

В апреле 1918 г. В. Г. Хлопин начинает исключительной важности работы по получению первых препаратов радия из отечественного минерального сырья. Создание первого радиевого завода в условиях гражданской войны и экономической разрухи, недостатка оборудования, реактивов, отсутствия опыта и невозможности получения консультаций «извне» представляет собой героическую эпопею. Любопытно, что на последнем этапе в работах с успехом участвовали студенты-практиканты А. Г. Елисеев, П. А. Волков, А. А. Баландин и др. 1 декабря 1921 г. были получены первые высокоактивные препараты советского радия. Этот день — день рождения радиевой (и тем самым «атомной») промышленности Советского Союза. Были преодолены трудности, мешающие развитию экспериментальной ядерной физики и радиохимии у нас на родине — отсутствие необходимых радиевых препаратов, по сути дела единственных в то время источников радиоактивных излучений.[17] Сыграли свою роль опыт работы В. Г. Хлопина с Л. А. Чугаевым, поддержка В. И. Вернадского и, конечно, самоотверженная любовь к науке, которая отличала В. Г. Хлопина до последнего дня его жизни.

Следует подчеркнуть, что исключительная поддержка Советского правительства и В. И. Ленина позволила В. Г. Хлопину и его сотрудникам успешно решить поставленные перед ними труднейшие научные задачи. Так, 28 октября 1918 г. Председатель Совета Народных Комис-

---

[15] Вернадский В. И. О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи. СПб., 1911, с. 58.

[16] Атомная энергия: Краткая энциклопедия. М., 1958

[17] Вдовенко В. М. Академик В. Г. Хлопин. М., 1962, с. 38—45.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

саров В. И. Ленин направил в Уральский совнархоз телеграмму с предписанием немедленно начать работы по организации Радиевого завода.[18]

В дальнейшем Высший Совет Народного Хозяйства провел в законодательном порядке мероприятия, способствовавшие дальнейшему развитию радиевого дела в СССР.[19]

Настоящая краткая статья не имеет своей целью описание жизнедеятельности Виталия Григорьевича Хлопина, для этого существуют биографии этого замечательного ученого.[20] Научно-организационная деятельность В. Г. Хлопина, приведшая к созданию советской школы радиохимиков, к организации Радиевого института, носящего ныне его имя, протекала в неразрывной связи с Ленинградским университетом, профессором которого он стал в 1937 г. В. Г. Хлопин состоял председателем Ленинградского отделения Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева. Он был первым чтецом на Менделеевских чтениях. Эти чтения были организованы в Ленинграде Всесоюзным химическим обществом. Отметим, что первое чтение проводилось в Большой физической аудитории нашего университета. Первый чтец — В. Г. Хлопин в своем докладе «Превращение элементов и периодический закон» (17 марта 1941 г.) пророчески заявлял о возможности использования внутриатомной энергии и предсказал также огромную роль, которую должна сыграть искусственная радиоактивность при изучении физических, химических и биологических процессов.[21]

В общей сложности В. Г. Хлопин был редактором 15 книг по различным разделам химии (так, он редактировал новое издание «Основ химии» Д. И. Менделеева[22]), пяти академических журналов, ряда сборников и т. д. Громадной заслугой В. Г. Хлопина является организация первой в Советском Союзе кафедры радиохимии. В книге «История Ленинградского университета (1819—1969)» об этом периоде говорится так: «Для развивающегося народного хозяйства и культуры страны требовались хорошо подготовленные специалисты новых отраслей знаний. Наш университет, один из крупнейших научных и учебных центров страны, создающий и развивающий прогрессивные научные школы и направления, явился прекрасной базой для подготовки в широких масштабах таких специалистов. Вот почему в послевоенные годы в университете возникали новые отделения и специализации». «В 1945 г. академиком В. Г. Хлопиным была создана кафедра радиохимии Ленинградского университета, на которой широко развернулись исследовательские работы по химии радиоэлементов».[23]

В. Г. Хлопина вместе с И. В. Курчатовым и Д. Г. Алхазовым следует считать создателем первого в Союзе (да и в Европе!) ускорителя заряженных частиц (циклотрона), пуск которого позволил начать в СССР работы по искусственной радиоактивности и проводить физико-химические исследования с применением искусственно получаемых радиоактивных изотопов. Это дало возможность развернуть работы по широкому использованию метода «меченых атомов». Важнейшей разновидностью этого метода, получившей особенно широкое распространение в химии, является метод радиоактивных индикаторов. В Советском

---

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 375.

[19] Радиевый институт имени В. Г. Хлопина (к 50-летию со дня основания) / Под ред. Б. П. Никольского. Л., 1972, с. 16—17.

[20] Вдовенко В. М. Академик В. Г. Хлопин.

[21] Хлопин В. Г. Превращение элементов и периодический закон. — Журнал общей химии, 1941, т. 11, вып. 12, с. 1049—1068.

[22] Менделеев Д. И. Соч. в 25 т., т. 13 (Основы химии, ч. 1), т. 14 (Основы химии, ч. 2) / Под ред. В. Г. Хлопина и др. М., 1949.

[23] История Ленинградского университета (1819—1969) / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1969, с. 404, 423.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Союзе пионерскими явились ранние работы Вл. И. Спицына (1917 г.) — питомца Московского университета, и профессора нашего университета И. Е. Старика (1933 г.), посвященные определению растворимости труднорастворимых соединений тория и аналитической химии свинца.[24]

В силу невозможности получения ряда естественных и искусственных радиоактивных элементов и изотопов в «весомых» количествах перед радиохимией встала задача изучения поведения элементов в условиях крайнего разведения, будь то в твердой, жидкой или газообразной фазе. Процессы соосаждения, сублимации, адсорбции, коллоидообразования, электрохимического выделения изучались в выдающихся работах В. Г. Хлопина, Б. А. Никитина, А. П. Ратнера, Б. П. Никольского, В. И. Гребенщиковой и др.

Знаменательно, что два виднейших советских радиохимика — В. Г. Хлопин и Б. А. Никитин вышли из семей крупных медиков-гигиенистов. (Так, Г. В. Хлопин — отец Виталия Григорьевича — известный гигиенист, профессор, заслуженный деятель науки, основатель русской гигиенической школы, автор оригинальных русских руководств по гигиене, по которым учились поколения русских гигиенистов.[25]) Видимо, тот глубокий искренний гуманизм, который был характерен для обоих, был воспитан в детстве в отчем доме. Ученики В. Г. Хлопина, при всем различии характеров и темпераментов, отличались редкой целеустремленностью, способностью к самопожертвованию, доходившему, к сожалению, до полного пренебрежения к собственному здоровью и безопасности. Вместе с тем они отличались большой жизнерадостностью. Самодеятельный театр, руководимый В. Г. Хлопиным (где он по совместительству исполнял функции суфлера), ставил Мольера, Зощенко и других комедиографов, пользуясь большим успехом. В «Жеманницах» Мольера в роли маркиза де Маскариля выступал будущий заведующий кафедрой радиохимии Андрей Николаевич Мурин.

Возвращаясь к теме нашего очерка, подчеркнем, что выдающиеся работы, выполненные В. Г. Хлопиным и его талантливыми учениками — профессорами Ленинградского университета, членом-корреспондентом АН СССР Б. А. Никитиным, членом-корреспондентом АН СССР И. Е. Стариком, А. П. Ратнером, А. Е. Полесицким, принесли советской радиохимии мировую известность.

С применением радиоактивных индикаторов (в ничтожно малых концентрациях) В. Г. Хлопин тщательнейшим образом изучил распределение радиоактивных элементов (прежде всего радия) между твердой фазой и раствором. Это привело его к формулировке закона изоморфной кристаллизации, заслуженно носящего ныне его имя. Полученные фундаментальные результаты сразу нашли свое практическое приложение, и прежде всего на Радиевом заводе. При установлении В. Г. Хлопиным с сотрудниками этих принципиально важных результатов пришлось решать и еще одну сложнейшую задачу — опровергать возражения со стороны ряда видных иностранных ученых. Эта задача была успешно решена.

Большую роль в теоретическом осмыслении и обосновании экспериментальных работ школы В. Г. Хлопина сыграли работы А. П. Ратнера. Он предложил термодинамическую теорию и вывел уравнение, связывающее коэффициент кристаллизации, концентрации компонентов с составом жидкой фазы и свойствами чистых компонентов.[26]

---

[24] Старик И. Е. Работы геохимического отдела за 25 лет. — В кн.: 25 лет Радиевого института / Под ред. В. Г. Хлопина. М.; Л., 1947, с. 43—44.

[25] Вдовенко В. М. Академик В. Г. Хлопин, с. 7.

[26] Там же, с. 29—30.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Важную роль в понимании процессов перекристаллизации осадков сыграли и экспериментальные работы по изучению вклада процесса диффузии, выполненные А. Е. Полесицким и А. Н. Муриным (профессор кафедры радиохимии ЛГУ с 1958 г., с 1963 г. и по настоящее время — заведующий кафедрой радиохимии). Последним дана математическая теория диффузионного обмена в системах: твердое тело — газ, твердое тело — расплав, твердое тело — раствор (1950—1955 гг.). Эта теория впервые дала критерий установления механизма обмена путем диффузии или перекристаллизации.[27]

Одним из важнейших в радиохимических исследованиях в 1940—1950 гг. являлся вопрос о формах нахождения радиоактивных изотопов в ультрамалых концентрациях в твердой, жидкой и газообразной фазах. Громадный вклад в это научное направление внес И. Е. Старик. Применив со своими сотрудниками широкий комплекс физико-химических исследований, он установил основные условия образования истинных коллоидов радиоэлементов. Значение этих исследований велико, поскольку они имеют по сей день большой практический выход в решение важных вопросов выделения и очистки радиоактивных изотопов, извлечения полезных ископаемых, находящихся в рассеянном состоянии. Работы по изучению состояния в растворах радиоактивных элементов (в ультрамалых количествах) обобщены И. Е. Стариком в известной монографии.[28]

Оригинальным направлением в радиохимии явились работы Б. А. Никитина (в конце 1940-х годов), посвященные распределению между различными фазами радиоактивного благородного газа — радона — элемента нулевой группы Периодической системы. Первые его исследования были связаны с изучением способности радона образовывать молекулярные соединения. Исходным положением при этом служил установленный В. Г. Хлопиным закон изоморфной сокристаллизации. Подобрав ряд оригинальных аналогов благородных газов (сероводород, углекислый газ и т. д.), Б. А. Никитин сумел получить смешанные кристаллогидраты с радоном. Используя закон В. Г. Хлопина, он показал состав гидрата радона. Дальнейшие исследования Б. А. Никитина привели к получению соединений благородных газов, в том числе и радона, с органическими производными (например, фенолом). Показано было также, что из-за различных значений коэффициента кристаллизации благородных газов по отношению к какому-либо носителю можно химическим путем разделить благородные газы.[29] Следует отметить, что по сути дела Б. А. Никитин получил клатратные соединения (соединения включения) радона, не характеризуемые какой-либо «валентностью» радона или степенью его окисления, хотя в случае клатратных соединений и существуют некоторые слабые «силы» между матрицей и включенным атомом благородного газа. Не все выводы, сделанные Б. А. Никитиным, прошли проверку временем. Наука ушла вперед — истинные химические соединения благородных газов были открыты лишь в 1962 г. Но неоценим вклад пионерских исследований Б. А. Никитина для так называемой матричной химии, в частности соединений включения — клатратных соединений.

Впоследствии оказалось, что методы, изучающие поведение радиоэлементов при процессах совместной (с обычными элементами) кристаллизации, соосаждения, адсорбции исключительно полезны для це-

---

[27] Радиевый институт имени В. Г. Хлопина, с. 29.

[28] Старик И. Е. Основы радиохимии. М.; Л., 1959.

[29] Гринберг А. А. Работы химического отдела за 25 лет. — В кн.: 25 лет Радиевого института / Под ред. В. Г. Хлопина. М.; Л., с. 33—34.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

лей идентификации химических свойств радиоэлементов, установления их валентности, химических форм их существования в крайне разбавленном состоянии. Так, впервые такого рода методом В. Г. Хлопин в своих работах (1934 г.) доказал существование производных двухвалентного полония, что в дальнейшем было подтверждено прямым синтезом органических производных двухвалентного полония.[30]

Чрезвычайно интересно отметить работы радиохимиков Ленинградского университета, являющиеся прямыми «потомками» пионерских работ В. Г. Хлопина и его учеников. В 1970-х годах профессором В. Д. Нефедовым с сотрудниками методом бета-распада изотопа висмута-201 были синтезированы органические соединения двухвалентного полония. Метод изоморфной сокристаллизации тоже послужил этому же коллективу для получения информации о составе высшего фторида радона (подробнее о работах профессора В. Д. Нефедова будет сказано ниже).

Нельзя не указать также и на выполненные московскими радиохимиками (академиком В. И. Спицыным, Н. Б. Михеевым) исследования низших валентных состояний некоторых далеких трансурановых элементов, в основу которых положен тот же закон В. Г. Хлопина,[31] и на работы профессора кафедры радиохимии Московского университета И. В. Мелихова по дальнейшему изучению закономерностей поведения примесей радиоактивных изотопов в процессах кристаллизации из растворов и расплавов, конденсации из пара, в растворах, твердых веществах и гетерогенных системах.[32]

Процессы ионного обмена приобрели как в технологии радиоактивных веществ, так и в решении научных задач радиохимии большое значение. Применение ионитов для изменения состава вещества в результате различных химических процессов (комплексо- и коллоидообразование, гидролиз и т. п.) базируется на основополагающих работах академика Б. П. Никольского и руководимой им кафедры физической химии Ленинградского университета.[33] Б. П. Никольский всесторонне рассмотрел возможности применения процессов ионного обмена в радиохимии. Им совместно с В. И. Парамоновой изучено состояние радиоактивных элементов в растворе с использованием ионообменных смол. Этими исследованиями заложено новое направление в радиохимии. Стало возможным устанавливать наличие (или отсутствие) ионов радиоэлемента того или иного знака, при определенных условиях — валентность изучаемого иона, константы нестойкости комплексных соединений и т. д. Ионный обмен и сорбция находят самое широкое применение при решении разнообразных задач, в том числе и в радиохимии.[34]

Работы по химии урана и экстракционным методам его выделения начались одновременно с образованием кафедры радиохимии в 1945 г. Это диктовалось потребностями зарождающейся атомной промышленности в исследовании химии ядерного горючего и в подготовке студентов и аспирантов в этой области. Организатором работ был член-корреспондент АН СССР Б. А. Никитин. Позднее, в 1952—1981 гг., работа-

---

30 Хлопин В. Г., Самарцева А. Г. Исследования по химии полония: О соединениях двухвалентного полония. — ДАН СССР. 1934, т. 4, № 8—9, с. 433—439.

31 Михеев Н. Б., Каменская А. Н., Румер И. А. и др. Сокристаллизация фермия(П) с хлоридом калия в водно-этанольных растворах. — Радиохимия, 1983, т. 25, вып. 2, с. 153—158.

32 Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, химический факультет. М., 1977, с. 63.

33 История Ленинградского университета (1819—1969), с. 423—424.

34 Иониты в химической технологии / Под ред. Б. П. Никольского, П. Г. Романкова. Л., 1982.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ми руководил директор Радиевого института им. В. Г. Хлопина, член-корреспондент АН СССР, профессор кафедры радиохимии В. М. Вдовенко.[35]

Основная научная проблема — изучение химической природы явления перехода солей урана из водной фазы в органическую, т. е. исследование природы и закономерностей экстракции урана, выделения и концентрирования его из водных растворов органическими растворителями. Первоначально эти исследования были необходимы для создания методов переработки ядерного горючего. Разделение элементов из таких сложных смесей являлось труднейшей задачей, которая была решена на основе экстракционных методов. В настоящее время исследования направлены на совершенствование некоторых аспектов технологии ядерного горючего и ведутся по трем направлениям: во-первых, поиск солей урана, обладающих высокой экстрагируемостью; во-вторых, разработка методов выделения из ядерного топлива радиоактивных изотопов, в которых остро нуждается медицина; в-третьих, в связи с развитием научных основ химии ядерного горючего, исследование различных аспектов химии урана. Разрабатывается теория анионного влияния на экстракцию солей, создана энергетическая концепция стабилизации неустойчивых степеней окисления урана, сформирован комплекс закономерностей и методов оценки, позволяющий прогнозировать строение соединений урана и энергетические эффекты реакций их образования и разложения.

Изложенный до сих пор материал отражал исследования природы и свойств радиоактивных элементов, а также продуктов их распада. Это, естественно, было связано с уровнем развития радиохимии, опиравшейся в основном на применение естественных радиоактивных изотопов. Появление ядерных реакторов и ускорителей заряженных частиц и чрезвычайное расширение поэтому круга применяемых радиоизотопов открыли современный период развития радиохимии. Интенсивно стал развиваться новый раздел радиохимии — химия ядерных превращений и сопутствующих им физико-химических процессов. Начинает складываться и быстро развиваться новая область знания — ядерная химия.

В узком смысле этого понятия ныне ядерная химия — химия ядерных реакций и превращений, в том числе и приводящих к образованию новых элементов. Имеется сейчас и другое, более широкое и современное понимание ядерной химии. Согласно мнению академиков И. П. Алимарина и В. И. Гольданского, ядерную химию следует рассматривать как область науки, пограничную между ядерной физикой, физической химией и радиохимией. Она исследует взаимовлияние превращений атомных ядер (и элементарных частиц) и молекулярно-кристаллического строения вещества. Полученные об этом взаимовлиянии данные могут быть с успехом применены для решения как фундаментальных, так и прикладных физико-химических задач.[36]

Радиохимия и ядерная химия тесно связаны друг с другом. В некоторых разделах они смыкаются, и необходимо рассматривать их поэтому с единых позиций. Конечно, можно выделить разделы радиохимии, пограничные с неорганической и физической химией, которые вряд ли можно отнести к ядерной химии. Таковы, например, химия урана, нептуния, плутония — сугубо «технологичных» элементов; таковы и некоторые проблемы «общей» радиохимии: соосаждение, сорбция ра-

---

[35] Вдовенко В. М. [illegible] Химия урана и трансурановых элементов. М.; Л., 1960, с. 484—541.

[36] Алимарин И. П., Гольданский В. И. Ядерные методы в химических исследованиях. — Вестн. АН СССР, 1974, № 5, с. 62—77.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

диоэлементов и др. В первом своем аспекте ядерная химия развивает радиохимические методы приготовления мишеней для ядерных облучений, выделения и идентификации продуктов ядерных реакций, изготовления источников ионизирующих излучений (для использования их в ядерной спектроскопии, в технике, в медицине и т. д.). Ядерная химия занимается также изучением изотопного и элементного состава продуктов ядерных реакций, установлением важнейших ядерных констант и характеристик (массовые числа, порядковые номера, периоды полураспада, схемы распада и др.).

Ядерная химия сыграла важную роль в открытии явлений искусственной радиоактивности, деления ядер, изотопии, установлении химической природы и генетической связи членов радиоактивных рядов, цепочек осколков деления и продуктов реакций взаимодействия ядер атомов с частицами высоких энергий. При таком расширенном понимании ядерная химия начинает сливаться с ядерной физикой. Однако для ядерной химии специфическим является широкое использование химических методов исследования. Ядерная химия использует радиохимические методы, но не ограничивает себя только радиоактивными элементами или изотопами. Ряд важных исследований может быть выполнен с применением стабильных изотопов (например, использование стабильных изотопов в аналитическом методе изотопного разбавления).

Большой цикл работ в этом аспекте ядерной химии выполнен в 1950—1960 гг. А. Н. Муриным с сотрудниками. Для изучения выходов продуктов деления тяжелых ядер использован метод масс-спектрометрии в сочетании с ионизационными методами. В результате была получена важнейшая информация о тонкой структуре в массовой кривой выходов продуктов деления. В ходе этих исследований было открыто десять новых радиоактивных изотопов.

Было исследовано также в 50-х годах взаимодействие протонов высокой энергии (до 660 МэВ) с рядом элементов (облучение проводилось на ускорителях лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ), г. Дубна). С применением радиохимических методов выделения идентифицировались продукты реакций глубокого отщепления.[37] Эти результаты нашли в последующем свое продолжение при выполнении в нашем университете работ по изотопной космохимии. В космохимическом отношении наиболее информативными являются изотопы элементов нулевой группы, обладающие близкими химическими свойствами, но различными физическими параметрами. Основными объектами космохимических исследований являются метеоритное и лунное вещества. Для количественной оценки выхода космогеиных изотопов аргона, криптона и ксенона на синхроциклотроне ОИЯИ Л. К. Левским и А. Н. Муриным были проведены модельные опыты по облучению различных мишеней (железо, рубидий, стронций, цезий, барий, уран) протонами с энергией 660 МэВ, что позволило определить сечения образования двадцати изотопов аргона, криптона и ксенона. На основании этих данных были высказаны, в частности, суждения о происхождении ксенона, криптона и аргона в лунной почве.[38]

Важную ветвь радиохимических и ядернохимических исследований на кафедре радиохимии представляют работы по активационному анализу. Сущность его заключается в определении количественного и качественного (элементного) состава веществ путем измерения радиоактив-

---

37 Радиевый институт имени В. Г. Хлопина, с. 181—182.

38 Левский Л. К. Изотопы инертных газов в метеоритах и некоторые проблемы нуклеогенезиса. М., 1973.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ного излучения ядер, возбуждаемых в процессе облучения, которое может производиться различными ядерными частицами и гамма-квантами.

Начало исследований в области активационного анализа на кафедре относится к 1958 г., когда под общим руководством заведующего кафедрой аналитической химии профессора Ю. В. Морачевского в содружестве с Институтом химии силикатов АН СССР развернулась работа по аналитическому контролю особо чистых кремниевых материалов. Впервые в мировой практике для систематического анализа силикатных материалов была применена ионообменная хроматография. Проведенный нейтронно-активационный анализ помог отработать промышленную технологию производства кварца высокой чистоты. В связи с запуском в 1960 г. на нашей кафедре бетатрона на 25 МэВ развернулись исследования в области фотоактивационного анализа, и была показана перспективность гамма-активационного метода для экспрессного анализа сплавов, руд и продуктов обогащения, неорганических материалов.

Одним из перспективных направлений развития представляется многоэлементный нейтронно-активационный анализ природных силикатных проб для решения проблем космохимии, геохимии, анализа минерального сырья. Соединение этого метода анализа с избирательным химическим растворением открывает новые возможности для исследования вещества Луны и метеоритов.[39] Проведены исследования состава и закономерностей распределения элементов в пробах реголита, доставленного советскими автоматическими станциями «Луна-16», «Луна-20», «Луна-24».[40]

Во втором своем аспекте ядерная химия представляет собой науку, как уже сообщалось выше, исследующую взаимовлияние превращений атомных ядер и элементарных частиц и молекулярно-кристаллического строения вещества. К числу важнейших проблем ядерной химии относят исследование химических последствий ядерных превращений. Здесь изучается химия процессов, индуцированных различными ядерными превращениями, физико-химическое поведение «горячих» и возбужденных атомов, возникающих в результате ядерных реакций, процессов электронного захвата, бета-минус — распада, изомерного перехода. Исследования химии «горячих» атомов (атомов отдачи) начаты около полувека назад.[41] Продукты ядерных реакций и ядерных превращений часто возникают в новых химических формах, отличных от тех, в которых находились исходные вещества. Это позволяет проводить химическое выделение продуктов подобных реакций, даже в случае образования изотопов (реакция «прилипания» медленного нейтрона к облучаемому ядру) или изомеров. Теоретическому и экспериментальному изучению подобных процессов были посвящены многочисленные работы советских авторов.

Укажем на большой вклад в решение проблем химии «горячих» атомов радиохимиков Московского университета. Так, ими проведены исследования химических реакций радиоактивных атомов в момент образования при ядерных превращениях и процессах ускорения ионов и молекул (чл.-корр. АН СССР Ан. Н. Несмеянов).[42] Изучались также

---

[39] Кузнецов Р. А., Лурье Б. Г., Минеевич В. Я. и др. Исследование распределений элементов в реголите «Луны-16». — Геохимия, 1981, № 3, с. 323—328.

[40] Кузнецов Р. А., Поликратов В. Б., Лурье Б. Г. Многоэлементный нейтронно-активационный анализ реголита, доставленного автоматическими станциями «Луна-16», «Луна-20» и «Луна-24». — Журнал аналитической химии, 1979, т. 34, № 8, с. 1564—1568.

[41] Филатов Э. С. Механизм элементарного акта горячей реакции. — Успехи химии, 1965, т. 34, вып. 9, с. 1607—1647.

[42] Несмеянов Ан. Н. Химия горячих атомов. М., 1976.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

химические последействия ядерных превращений в твердых телах методом ядерного гамма-резонанса — высокоэффективным современным методом ядерной химии; в результате была предложена новая модель стабилизации атомов отдачи в твердых телах (профессор А. М. Бабешкин).[43]

Вопросы химического состояния высокоэнергетичных атомов отдачи, образующихся при облучении мишеней ядерными частицами, основательно изучались и на нашей кафедре. Эти работы логически связаны с описанными выше исследованиями взаимодействия протонов высоких энергии с рядом элементов. Здесь объектами служили монокристаллы хлористого калия или натрия. Образцы облучались в различных условиях протонами с энергией 660 МэВ, после чего радиохимическим (а также и оптическим) методом изучалось поведение и химическое состояние радиофосфора, возникающего в кристаллах (из калия и хлора) по ядерным реакциям глубокого отщепления. Этот цикл работ позволил сделать выводы о состоянии атомов радиофосфора и изучить кинетику накопления различных химических форм «горячих» атомов в процессе протонной бомбардировки.[44]

Совершенно оригинальные методы изучения химии «горячих» атомов и радиохимического синтеза были разработаны на кафедре профессором В. Д. Нефедовым с сотрудниками для случая химических процессов, сопровождающих бета-распад радиоактивных изотопов. Процессы бета-распада были эффективно использованы для прогнозирования и получения новых химических форм различных элементов. Основу этим работам заложили исследования В. Д. Нефедовым химических изменений при процессах бета-распада тяжелых атомов. Трудно, конечно, кратко осветить полученный комплекс результатов; главные из них таковы.[45] Детально рассмотрены связанные с бета-процессами явления, приводящие к изменению химической природы и зарядовых состояний возникающих атомных и молекулярных форм; установлена взаимосвязь между электронными структурами и свойствами материнских и дочерних форм, а также степень «выживания» образующихся дочерних форм.

Разработанные теоретические положения были применены на практике для ядерно-химического синтеза неизвестных ранее химических форм полония, ксенона, технеция, брома. Следует особо отметить, что методом бета-распада были по сути дела заложены основы химии полонийорганических соединений. Выполнены также обширные исследования в области синтеза соединений ксенона и радона. Недавно удалось осуществить получение неизвестного ранее высшего фторида радона и доказать принадлежность полученного соединения высшему фториду при изучении аналогии процесса гидролиза синтезированного фторида радона и фторидов четырех- и шестивалентного ксенона, а также способность образующейся при гидролизе фторида оксидной формы радона соосаждаться с перксенатом бария.

Большое значение метод бета-распада имеет для получения промежуточных реакционноспособных частиц, таких, как карбениевые ионы. Будучи чрезвычайно реакционноспособными, эти ионы играют важную роль в радиационной, фото-, плазмо- и органической химии. Так,

---

[43] Несмеянов Ан. А. Радиохимия. М., 1978, гл. 7.

[44] Богданов Р. В., Мурин А. Н., Олевский Э. Б. Радиационно-химические превращения атомов фосфора в монокристаллах KCl.— Радиохимия. 1969, т. 11, вып. 5, с. 612—616.

[45] Нефедов В. Д., Синотова Е. Н., Торопова М. А. Химические последствия радиоактивного распада. М., 1981.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

две трети всех превращений органических веществ протекают с участием карбениевых ионов.

Ядерно-химические исследования по данной проблеме на кафедре проводятся по трем основным направлениям:

— развитие методов получения промежуточных реакционноспособных частиц различной природы;

— изучение взаимодействия этих частиц с различными классами соединений;

— исследование влияния разного рода факторов на протекание неизомолекулярных реакций карбениевых ионов.

Помимо радиохимических методов исследования химические последствия различных ядерных превращений (электронный захват, изомерный переход, бета-минус — распад, реакция захвата медленных нейтронов) интенсивно изучались последние десять лет авторами статьи с использованием эмиссионного варианта мессбауэровской спектроскопии — ведущего метода современной ядерной химии.[46] Для выявления природы химических последствий впервые был применен метод моделирования ближнего окружения распадающихся атомов. На основании полученных результатов предложена модель «конкурирующих акцепторов», позволяющая объяснять и прогнозировать валентные формы стабилизации дочерних атомов. В радиохимии это создает возможность целенаправленного воздействия на реакционную способность «горячих» атомов для производства обогащенных радионзотопов. Совокупность полученной методом Мессбауэра информации показывает, что наблюдаемые экспериментально последствия ядерных превращений могут быть использованы в качестве своеобразных индикаторов различных физико-химических свойств вещества. Это, естественно, расширяет возможности внедрения ядерно-химических методов в практику.

Изучение распределений электронных состояний по энергиям в конденсированных системах можно проводить также методами рентгеновской спектроскопии и электронной спектроскопии для химического анализа (ЭСХА). Как метод ЭСХА, так и метод изучения химических сдвигов в рентгеновских спектрах зародились на базе спектроскопии ядерных излучений и широко применяют приборы и методы этой науки. В этом смысле их иногда называют «субъядерными».

Знание электронной структуры актинидов является ключевым моментом в объяснении и предсказании их свойств и служит более глубокому пониманию их положения в Периодической системе. Развитие ядерной энергетики и атомной промышленности требует расширения информации об электронной структуре актинидов, всестороннего исследования не только их простых химических соединений, но и растворов, природных образований и т. д.

Целью работ, проведенных профессором Л. Л. Макаровым, явилось получение уникальной информации об электронной структуре тория, урана, нептуния в их соединениях. В 1972 г. впервые были обнаружены химические сдвиги рентгеновских линий для актинидов, после чего были систематически изучены многие соединения тория, урана и нептуния. При этом получены очень интересные результаты, носящие принципиальный характер и открывшие новую главу в химии актинидов.[47]

---

[46] Бондаревский С. И., Мурин А. Н., Серегин П. П. Эффект Мессбауэра в изучении химических последствий ядерных превращений. — Успехи химии, 1971, т. 40, № 1, с. 95—116.

[47] Макаров Л. Л., Мясоедов Б. Ф., Новиков Ю. П. и др. Сдвиги рентгеновских эмиссионных линий и их использование для изучения координационных соединений нептуния. — Журнал неорганической химии, 1979, т. 24, вып. 4, с. 1014—1024.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

До недавнего времени широко бытовало мнение, что на скорость ядерных превращений не влияют ни температура, ни давление, ни вид химического соединения и т. д. Это даже нашло отражение практически во всех учебниках. Но теперь надежно установлено, что на вероятность радиоактивного превращения ядра — прежде всего для случаев электронного захвата и изомерного перехода — можно влиять с помощью такого тонкого инструмента, как изменения в валентной зоне радиоактивных атомов. На стыке ядерной физики и химии родился новый ядерно-химический метод исследования. Авторами статьи в последние годы разработан оригинальный метод — измерение относительно небольших (сотые, десятые доли процента) изменений интенсивности гамма-излучения, сопровождающего ядерные превращения. В предложенном методе изменения электронного состояния изучаемых радиоактивных атомов достигаются проведением окислительно-восстановительных реакций (в растворах, в частности). Если ядро достаточно активно «реагирует» на эти изменения, то измерение интенсивности гамма-излучения образца (по отношению к эталонному), проводимое в ходе химической реакции, становится полезным инструментом для практического исследования различных физико-химических процессов.[48] Кроме решения специфических химических задач возможно также получение информации как для ядерной, так и для атомной физики, и прежде всего количественной информации об изменениях электронной плотности в области ядра.

Среди нерешенных задач ядерной химии одно из первых мест занимает проблема синтеза и поиска в природе далеких трансурановых элементов, в частности, принадлежащих теоретически предсказываемым «островкам стабильности». В нашей стране в решении этой проблемы принимает участие большой коллектив физиков (во главе с академиком Г. Н. Флеровым) и химиков, среди которых много выпускников нашей кафедры.[49] Важную роль при этом может сыграть «компьютерная» химия — предсказание физико-химических свойств далеких трансурановых элементов на основе квантово-химических расчетов. Характернейшей чертой нашего времени является то, что ядерная химия становится все более и более «практичной», вторгаясь активно подчас даже в совершенно неожиданные новые области применения.

В кратком, носящем справочный характер, очерке невозможно, конечно же, описать современную ядерную химию во всей ее удивительной увлекательности и во всем ее богатейшем многообразии.

В истории науки есть один примечательный факт. Эрнесту Резерфорду — одному из величайших физиков-экспериментаторов XX в. — в 1908 г. была присуждена Нобелевская премия по химии. На торжественном обеде, устроенном знаменитым шведским математиком Магнусом Миттаг-Леффлером, хозяин приветствовал Резерфорда: «Для меня это честь — приветствовать мистера Резерфорда, молодого пионера новой науки, которая не является ни физикой, ни химией, и в то же время представляет собой и физику, и химию...»[50] Очень знаменательные слова! И хотя сам Э. Резерфорд, как известно, был несколько поражен «метаморфозом в химика», но в этом парадоксальном решении Нобелевского комитета заключалась, как это сейчас очевидно, большая доля истины. Уже на заре учения о радиоактивности ядерная физика и

---

[48] Мурин А. Н., Бондаревский С. И., Еремин В. В. Влияние химического состояния атомов марганца-54 на вероятность их распада. — Радиохимия, 1981, т. 23, № 5, с. 767—771.

[49] Георгий Николаевич Флеров (к шестидесятилетию со дня рождения). Дубна, 1973, с. 22—23.

[50] Баженов А. И. Физики — лауреаты. М., 1971, с. 25.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

химия оказались неразрывно связаны, что принесло, как показывает история, богатейшие плоды.

Интересно также, что на начальном этапе развития науки радиохимии Ф. Панетом было дано ее определение как химии веществ, которые исследуются по их излучениям.[51] До сих пор в учебниках радиохимии указывается, что это определение было мало приемлемо даже для своего времени. Однако развитие современной радиохимии и ядерной химии дает массу примеров тому, что все более и более широкую взаимосвязь приобретают физико-химические свойства веществ и спектральные характеристики излучения входящих в их состав радиоактивных ядер: энергия гамма- и рентгеновского излучений или испускаемых ими электронов; время жизни ядерных уровней; интенсивность спектральных линий (гамма-, рентгеновского излучений и электронов); значение коэффициента анизотропии в угловой корреляции каскадного излучения и др.

В заключение стоит отметить, что в радиохимии крупного успеха удается добиться, лишь комбинируя физические и химические методы. Более того, приходится использовать методы самых, казалось бы, отдаленных разделов физической и химической наук. Такой комбинированный метод называется синергетическим (от греческого «синергетика»— совместное или согласованное действие). Есть все основания полагать, что радиохимия является наиболее синергетической из всех известных нам химических специальностей.

---

[51] Радиохимия и химия ядерных процессов / Под ред. А. Н. Мурина, В. Д. Нефедова, В. П. Шведова. Л., 1960, с. 12.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Ю. И. ПОЛЯНСКИЙ

БИОЛОГИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
в 20-х и начале 30-х годов

Санкт-Петербургский университет в начале XX в. был крупным научным центром дореволюционной России. Это в полной мере относится и к биологическим наукам. Важно подчеркнуть, что в философско-методологическом плане в дореволюционном университете развивались передовые материалистические идеи биологической науки. Конец XIX — первые десятилетия XX в. в биологии были периодом напряженной борьбы за дарвинизм, который основоположники диалектического материализма — Маркс, Энгельс, Ленин — оценивали как научное материалистическое, созвучное марксизму учение.[1] На рубеже XIX—XX вв. в нашем университете работали выдающиеся биологи дарвинисты, оказавшие решающее влияние на развитие биологии в России. Упомянем лишь некоторые наиболее яркие имена. Ботаник А. Н. Бекетов (1825—1902), возглавлявший ботаническую кафедру университета, известен как автор многочисленных исследований в области географии растений, активный пропагандист идей дарвинизма в России, учитель таких выдающихся деятелей ботанической науки, как В. Л. Комаров, К. А. Тимирязев и др. А. Н. Бекетов пользовался большим авторитетом и в научном и в научно-организационном плане, с 1876 по 1883 г. он был ректором университета. Велика была его роль в создании вместе с известным ученым зоологом К. Ф. Кесслером (1815—1881) С.-Петербургского Общества естествоиспытателей (1869 г.), явившегося крупной научно-общественной организацией, объединявшей ученых биологов разных специальностей. Трудами А. Н. Бекетова и К. Ф. Кесслера (в 1867 г.) был проведен первый Всероссийский съезд естествоиспытателей и врачей, явившийся крупной вехой в развитии отечественного естествознания.

Среди работавших в нашем университете крупных биологов первых двух десятилетий текущего столетия следует прежде всего назвать В. М. Шимкевича (1856—1923). Выдающийся зоолог дарвинист, автор университетских учебников по общей биологии и сравнительной анатомии позвоночных, учитель многих крупных биологов В. М. Шимкевич в первые годы Советской власти взял на себя обязанности ректора университета. Этот факт для университета и за его пределами имел исключительно большое значение. Ученый с мировым именем, не член партии становится во главе советского вуза! В назначении В. М. Шимкевича ректором важную роль сыграл первый советский нарком просвещения А. В. Луначарский, который хорошо понимал значение этого факта для советизации университета и других вузов страны. В. М. Шимкевич скончался в 1923 г. Я помню его похороны, в которых участво-

[1] См., напр.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 205, 348; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

вал весь университет и множество неуниверситетских почитателей этого выдающегося человека. Это было грандиозное шествие. Гроб с телом В. М. Шимкевича несли на руках студенты и преподаватели до могилы на Смоленском кладбище.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции в университете кроме старых кадров биологов (В. М. Шимкевич, А. С. Догель, В. Т. Шевяков, Н. Е. Введенский, А. А. Ухтомский, С. П. Костычев, С. П. Кравков, В. Л. Комаров, Н. А. Буш и др., многие из которых были учеными с мировым именем), существовала группа более молодых ученых (в возрасте 35—45 лет), основная научная и научно-организационная деятельность которых развернулась в послереволюционные годы. К числу их относятся В. А. Догель, Б. Н. Шванвич, Ю. А. Филипченко, К. М. Дерюгин, П. П. Иванов, В. С. Порецкий, Д. Н. Насонов и ряд других.

Некоторые ученые этой «средней прослойки» и становятся родоначальниками университетских научных биологических школ.

В университете перед Октябрьской революцией, как это вытекает из сказанного выше, работали многие талантливые биологи, но научных биологических школ, строго говоря, не было. Революция открыла ворота университета для самых широких слоев молодежи, тянущейся к науке. Кроме того, огромную организационную роль сыграло создание крупного научного центра, органически связанного с университетом, — Петергофского естественнонаучного института (с 1930 г. он называется Петергофский научно-исследовательский биологический институт).

Начиная с 1920 г. в переданном решением Советского правительства имении герцога Лейхтенбергского «Сергиевка» развернулась научная работа института. О роли Петергофского института в развитии университетской биологической науки мы уже писали в другой статье, к которой и отсылаем читателя.[1] В той же статье мы охарактеризовали становление и первые этапы развития ряда зоологических научных школ, а именно: зоологии беспозвоночных (чл.-корр. АН СССР В. А. Догель), гидробиологии (профессор К. М. Дерюгин), физиологии клетки (профессора Д. Н. Насонов, В. Я. Александров), зоологии и экологии позвоночных (профессор Д. Н. Кашкаров) и кратко охарактеризовали еще некоторые научные направления зоологических кафедр: профессора Н. Л. Гербильского (ихтиология), профессора А. С. Данилевского (экология насекомых), профессора П. В. Терентьева (математические методы в биологии). В настоящей публикации мы продолжим этот краткий обзор становления научных биологических школ Ленинградского университета в 20-е и 30-е годы и специально остановимся на кафедре генетики.

Одним из важнейших событий этого периода, оказавшим большое влияние на развитие науки не только в университете, но и далеко за его пределами, явилось создание Ю. А. Филипченко первой в нашей стране кафедры генетики. Развитие генетики в первой четверти XX в. следует расценивать как одно из важнейших прогрессивных явлений в истории биологии этого исторического периода. Раскрытие закономерностей изменчивости и наследственности, установление связи между клеточными структурами и наследственностью — все это поднимало биологию в целом на новую более высокую ступень, открывало новые пути и в познании законов эволюции органического мира. Вместе с тем

---

[1] Полянский Ю. И. О научных зоологических школах Ленинградского университета и Петергофского биологического института: Очерки по истории Ленинградского университета, т. I. Л., 1962, с. 29—38.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

генетика имела исключительное значение для селекции, призванной улучшать сорта культурных растений и домашних животных. Официальной датой открытия новой кафедры явился 1919 г. Первоначально кафедра размещалась в здании современного филологического факультета в нижнем этаже с окнами на набережную. Таким образом, уже в самом начале советизации университета на будущем биолого-почвенном факультете (а тогда на естественном отделении физмата) происходили крупные научно-организационные перестройки прогрессивного характера. К ним, кроме организации Петергофского института и кафедры генетики, следует отнести создание еще нескольких кафедр на «горячих точках» развития биологической науки. Это — кафедра гидробиологии (профессор К. М. Дерюгин) (о чем мы подробно говорили в предыдущем очерке), геоботаники (академик В. Н. Сукачев), энтомологии (профессор Б. Н. Шванвич, затем профессор А. С. Данилевский).

Для того чтобы охарактеризовать и оценить работу кафедры генетики в первые десятилетия ее существования, необходимо остановиться на ее создателе — Юрии Александровиче Филипченко. Без преувеличения можно утверждать, что это одна из наиболее ярких фигур среди биологов десятых и двадцатых годов. Ю. А. Филипченко родился в 1882 г., а скончался в 1930 г. в возрасте 49 лет от осложнения после гриппа. Его активная научная деятельность длилась немногим более 20 лет. В студенческие годы Ю. А. Филипченко работал как зоолог на кафедре зоологии беспозвоночных, которой в те годы заведовал известный зоолог-протистолог В. Т. Шевяков. Будучи оставлен при кафедре, он занимался вопросами эмбриологии и в 1913 г. с успехом защитил магистерскую диссертацию по развитию низших насекомых. Эта работа обратила на себя большое внимание, ибо в ней на обширном и оригинальном материале обсуждались некоторые общие вопросы эмбриологии, и в частности, проблема зародышевых листков. Уже в эти годы он обнаруживает глубокий интерес к нарождающейся генетике и в 1917 г. защищает первую в России докторскую диссертацию по генетике. Она была посвящена анализу изменчивости скелета грызунов. В этой работе широко применяются математические методы, которыми он владел очень широко. Ю. А. Филипченко постоянно проявлял большой интерес к проблемам эволюционной теории, которую он рассматривал в тесной связи с вопросами генетики. Таким образом, во главе новой кафедры стал ученый широко эрудированный, с огромным диапазоном научных знаний и интересов. Занимаясь на кафедре прежде всего проблемами генетики, Ю. А. Филипченко не забывал и другие стороны своих научных интересов — эмбриологию, эволюционную теорию. В учебном процессе на отделении кафедра сразу заняла одно из центральных мест. Сам Ю. А. Филипченко читал несколько основных курсов. Прежде всего — курс генетики — совершенно оригинальный и впервые прозвучавший в советском университете. Второй любимый им курс — «Изменчивость и методы ее изучения». Это, по существу, был впервые читаемый в советском вузе курс биометрии — применение математических методов к изучению закономерностей изменчивости. В области математики (теории вероятности) Ю. А. Филипченко обладал глубокими знаниями. Кроме названных выше курсов Ю. А. Филипченко читал «Частную генетику» (т. е. генетику отдельных видов) — курс, который распадался на две части — «Генетику растений» и «Генетику животных». Ю. А. Филипченко читал «Экспериментальную зоологию», включавшую механику и физиологию онтогенетического развития, и «Историю эволюционных учений». Пишущий эти строки слушал все названные курсы. Они поражали глубиной охвата

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

материала. Каждый из них базировался не на одном — двух руководствах и сводках, а включал всю мировую литературу по проблеме. Приходилось удивляться той широте знаний, которой обладал Ю. А. Филипченко. Свободно владея тремя западноевропейскими языками, он успевал просматривать огромное количество вновь выходящей литературы и при этом систематизировать материал. Все читавшиеся Ю. А. Филипченко курсы были изданы, причем многие несколькими изданиями. Их научная ценность настолько велика, что некоторые из этих книг были переизданы почти через полвека после его кончины, в наше время (в 70-е и 80-е годы), как произведения классические. Я, в 20—30-е годы начинающий биолог, хорошо знал Ю. А. Филипченко, который был близким другом моего учителя В. А. Догеля. Бесспорно, что Ю. А. Филипченко обладал выдающимся талантом ученого, но, кроме того, поражало (и имело огромное воспитательное значение для молодежи) его умение организовать работу как свою, так и коллектива кафедры.

Наблюдая его очень близко в Петергофском институте, можно было видеть, что работою была заполнена каждая минута его времени. Например, направляясь на прогулку в парк с семьей, он брал с собой логарифмическую линейку и, присаживаясь на скамейку, вычислял средние и сигмы выписанных на отдельную бумажку вариационных рядов. При всей поразительной способности организовать свое время, Ю. А. Филипченко был человеком общительным, веселым, интересным собеседником. С учениками у него были самые теплые, дружеские отношения, которые, однако, никогда не переходили в панибратство. На факультете и в биологическом институте он пользовался огромным уважением и авторитетом.

Среди биологов нередко можно наблюдать, что высоко эрудированные ученые критически обобщают литературные данные и материалы своих учеников и сотрудников, но сами, так сказать, «своими руками», экспериментальной работы не ведут. Это ни в какой мере не относится к Ю. А. Филипченко, который до последнего дня своей жизни работал сам. Его безвременная кончина была связана с тем, что он простудился при весеннем посеве пшениц на экспериментальных делянках в Петергофе. Естественно, что образ Ю. А. Филипченко как ученого, педагога, человека привлекал к нему многочисленных учеников. Его лаборатория в университете была всегда полна.

Как же строилась научная работа этой первой в России генетической кафедры в первые 10 лет ее существования? Широкая эрудиция Ю. А. Филипченко позволила ему не замыкаться в узкие рамки частных вопросов, а поставить работу широко и многогранно. В этом заключалась одна из характерных особенностей научной генетической школы Ленинградского университета. Какие темы разрабатывались и кто непосредственно работал рядом с заведующим кафедрой? Мы укажем лишь самое основное, ибо для того, чтобы охарактеризовать достаточно полно работу кафедры генетики за первое десятилетие ее существования, надо написать целую книгу, что, вероятно, и следует осуществить в рамках публикаций по истории Ленинградского университета. В области генетики на кафедре (напомним, что это была первая генетическая кафедра в России) в равной степени разрабатывались вопросы генетики как растений, так и животных. Это было возможно только благодаря широкой биологической эрудиции руководи-

---

[3] Филипченко Ю. А. 1) Изменчивость и методы ее изучения. М., 1978 (первое издание — в 1923 г.); 2) Эволюционная идея в биологии. М., 1977 (первое издание — в 1923 г.).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

теля кафедры. Ю. А. Филипченко — ученый, работавший в области фундаментальной науки, вместе с тем всегда и глубоко интересовался вопросами практики. Для своих теоретических генетических исследований он брал мягкие пшеницы, изучение генетики которых составило содержание его собственных экспериментальных исследований, проводившихся в Петергофе. При изучении этого материала его интересовал ряд теоретических проблем, в частности закономерности наследования «количественных признаков», а также формы взаимодействия компонентов генома при развитии колоса. Работу с мягкими пшеницами, так же как и статистическую обработку результатов, Ю. А. Филипченко проводил своими руками. Ему помогали молодой способный генетик Б. И. Васильев и лаборант. Внезапная смерть не позволила Ю. А. Филипченко довести до конца задуманное исследование, но основной материал был собран и обработан. Это дало возможность его ученику и ближайшему сотруднику Т. К. Ленину в 1934 г. опубликовать монографию «Генетика мягких пшениц»[4] — фундаментальное исследование, представляющее и в наши дни не только теоретический интерес, но дающее генетическую основу для селекционной работы. Параллельно с исследованиями мягких пшениц Т. К. Лепин изучал генетику твердых пшениц.

Исследования Ю. А. Филипченко по генетике мягких пшениц привлекали особое внимание генетика и селекционера, директора Всесоюзного института растениеводства (ВИР) академика Н. И. Вавилова, который в те годы проводил широкие исследования по географической изменчивости и центрам многообразия и происхождения культурных растений, в том числе пшениц. Н. И. Вавилов был частым гостем в Петергофе на опытных делянках Ю. А. Филипченко.

В области генетики животных работы велись в разных направлениях. В 20-е годы классический объект генетических исследований — мушка (Drosophila melanogaster) проникает и в советские генетические лаборатории, в том числе и в лабораторию Ленинградского университета. Однако поставленные на этом объекте исследования отнюдь не повторяют американские образцы, а ведутся в оригинальных направлениях филипченковской генетической школы. Особый интерес вызывают вопросы наследственной (мутационной) изменчивости. А. И. Зуйтин исследует влияние естественных климатических факторов (влажности, температуры) на мутационный процесс у дрозофилы и получает принципиально важные результаты, показывающие, что естественные факторы среды влияют на частоту мутаций. Особый интерес у Ю. А. Филипченко всегда вызывал вопрос о влиянии гена в индивидуальном развитии. В этом плане строились его собственные работы по развитию колоса у пшениц. Работу по действию генов в онтогенезе дрозофил на примере развития глаза у разных «глазных мутантов» дрозофил осуществил его ученик Н. Н. Медведев.

Интересные исследования по наследованию поведения у дрозофил проводила в двадцатые годы Р. А. Мазинг. Вопросы плейотропного действия генов разрабатывал Ф. Г. Добржанский — доцент кафедры генетики. В 1929 г. на кафедре появляется молодой студент М. Е. Лобашев, который приступает к изучению мутационного процесса при экспериментальном получении мутаций. Эти работы оказались чрезвычайно перспективными. Первые публикации М. Е. Лобашева относятся к 30-м годам уже после кончины Ю. А. Филипченко. М. Е. Лобашеву удалось открыть химический мутагенез, связать мутационный процесс с физиологическим состоянием клетки и на этой основе сформулировать

[4] Филипченко Ю. А. Генетика мягких пшениц. Л., 1934.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

физиологическую (паранекротическую) теорию мутационного процесса. В истории кафедры генетики М. Е. Лобашев сыграл исключительно большую положительную роль и с 1957 г. возглавил кафедру. Но это относится уже к другому, более позднему периоду истории университета, рассмотрение которого не входит в задачи настоящей статьи.[5]

Генетика немыслима без цитологического анализа, без исследования хромосом как материальных носителей генов. Это отчетливо понимал Ю. А. Филипченко. Он создает на кафедре группу цитогенетиков, которую возглавил профессор И. И. Соколов (ранее работавший на кафедре зоологии беспозвоночных). В числе учеников И. И. Соколова в этот период была оканчивавшаяся в 1984 г. А. А. Прокофьева, ведущий цитогенетик нашей страны. И. И. Соколов изучал хромосомный аппарат разных групп членистоногих, А. А. Прокофьева занималась кариотипами рыб, а затем перешла на изучение тонкого строения хромосом, положив начало собственному научному направлению.

Во второй половине 20-х годов начинается экспедиционная работа кафедры генетики, направленная на изучение породного состава и генетики домашних животных среднеазиатских республик и Казахстана. Эти экспедиции, проводившиеся кафедрой генетики совместно с бюро по генетике Академии наук СССР, ставили перед собою широкую задачу изучения генетики домашних животных с целью разработки дальнейших мероприятий по улучшению породного состава скота. Эти идеи были изложены, в частности, в небольшой брошюре Ю. А. Филипченко «Генетика и ее значение для животноводства в СССР», вышедшей из печати в год его смерти.[6]

Активными участниками экспедиций были Я. Я. Лус, Н. Н. Колесник, М. Л. Бельговский, Ю. Я. Керкис, М. Е. Лобашев, Б. Ф. Румянцев и ряд других сотрудников и студентов. Ведущим специалистом в организации экспедиционной работы был ученик Ю. А. Филипченко Я. Я. Лус, в дальнейшем (после 1948 г.) ставший профессором университета в Риге и членом-корреспондентом Академии наук Латвийской ССР. Строились широкие планы создания генетико-племенных хозяйств на юге страны для генетико-селекционной работы с крупным рогатым скотом и лошадьми. Этим планам, к сожалению, не суждено было сбыться. Я особо подчеркиваю практическую направленность научной деятельности Ю. А. Филипченко и его школы, ибо в период господства лысенковских лженаучных идей после сессии ВАСХНИЛ 1948 г. часто приходилось слышать, что Ю. А. Филипченко был оторванным от жизни теоретиком. Ничего нет ошибочнее такой трактовки его личности и научной направленности. А все знавшие его лично, в том числе и автор этих строк, хорошо помнят, что и в своих устных выступлениях, и беседах он всегда подчеркивал практическую значимость генетики для растениеводства и животноводства.

Характеристика деятельности кафедры генетики и самого Ю. А. Филипченко была бы неполной, если бы мы ничего не сказали о его работах по генетике человека. Эти работы в основном протекали не на базе университетской кафедры, а на базе созданного им в Академии наук в 1921 г. специального небольшого учреждения, которое сначала называлось «Бюро по евгенике», затем было переименовано в «Бюро по генетике», а в 1930 г. реорганизовано в «Лабораторию генетики». В дальнейшем на основе этой лаборатории возник Институт ге-

---

[5] Лобашев М. Е. Генетика в Ленинградском университете. — В кн.: Исследования по генетике, вып. 3. Л., 1967, с. 3—18.

[6] Филипченко Ю. А. Генетика и ее значение для животноводства в СССР. Л., 1930.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

нетики АН СССР. Поскольку работы по генетике человека не были непосредственно связаны с университетской кафедрой, мы не будем здесь на них подробно останавливаться, тем более, что они подробно и объективно освещены в недавно изданной книге Н. Н. Медведева, посвященной биографии Ю. А. Филипченко.[7] Отметим лишь, что работы Ю. А. Филипченко в этой важнейшей области были новаторскими и положили начало разработке медицинской генетики.

Выше уже говорилось, что кафедра официально именовалась кафедрой «Генетики и экспериментальной зоологии», и это название не было фиктивным, а соответствовало содержанию. Ю. А. Филипченко пришел в генетику из зоологии, внеся значительный вклад в эмбриологию. Он сохранил зоологические интересы,[8] хотя сам уже в области зоологии не работал, но продолжал читать интереснейший курс «Экспериментальная зоология», который был им подготовлен к печати и вышел в свет уже после смерти автора в 1932 г. Экспериментальные зоологические работы велись на кафедре довольно широким фронтом, и все они были посвящены проблеме регуляции. Укажем наиболее значительные из них. Один из талантливейших учеников Ю. А. Филипченко В. М. Исаев работал ряд лет над регенерацией и регуляцией у гидр. Им были получены интереснейшие результаты, в частности, по образованию так называемых химер — организмов как бы сложенных из тканей гидр разных видов. После трагической гибели В. М. Исаева во время экскурсии на Кавказ эти работы были продолжены И. И. Канаевым, опубликовавшим значительно позже известную монографию по организации и процессам регуляции у гидр.[9] Широкие экспериментальные исследования были осуществлены Я. Я. Лусом по регенерации у низших червей — турбеллярий.

По мере развития кафедры все больший удельный вес приобретала генетическая проблематика, работы же экспериментально зоологические и эмбриологические сосредоточились на кафедре эмбриологии, которую с 1949 г. по сентябрь 1984 г. возглавлял известный ученый-биолог Б. П. Токин.

Возникновение и первое десятилетие развития кафедры генетики и экспериментальной зоологии под руководством выдающегося биолога Юрия Александровича Филипченко представляет собою одно из ярких событий в истории биологических наук в Ленинградском университете. Это был подлинный взлет научной мысли в одной из наиболее прогрессивных и вместе с тем важных для практики областей биологической науки, ставший возможным в новых социальных условиях после Октябрьской революции. То, что происходило в 20-е годы в Ленинградском университете, сыграло огромную роль для развития биологической науки во всей стране. Большое значение имел и тот факт, что в эти годы на кафедре были подготовлены многочисленные кадры генетиков, многие из которых играли ведущую роль в развитии генетики во всей стране, не будучи сотрудниками университета. Среди них — Ю. Я. Керкис, Ю. М. Оленов, И. А. Рапопорт, Ю. Л. Горощенко, Н. А. Чуксанова и многие многие другие. В целом кафедра подготовила свыше 300 ученых-генетиков, и эта напряженная работа по подготовке научной смены продолжается и по сей день.

Дальнейшие пути развития генетики в университете оказались сложными. Они освещены частично в цитированной выше статье М. Е. Лобашева. После кончины Ю. А. Филипченко кафедру возгла-

---

7 Медведев Н. Н. Юрий Александрович Филипченко. 1882—1930. М., 1978.
8 Филипченко Ю. А. Экспериментальная зоология. М., 1932.
9 Канаев И. И. Гидра. Очерки по биологии пресноводных полипов. Л., 1952.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

вил А. П. Владимирский, а после его смерти в 1939 г. короткое время (до начала Отечественной войны) во главе кафедры был Ю. И. Полянский. В послевоенные годы после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. кафедра работала в плане установок Т. Д. Лысенко, и генетические работы на ней не велись. Нормальное существование и развитие кафедры возобновилось в 1957 г., когда заведующим кафедрой был избран выдающийся генетик М. Е. Лобашев. Эти этапы жизни кафедры освещены в литературе, и рассмотрение их не входит в задачу настоящей статьи.

Быстрое развитие генетики в Ленинградском университете в 20-е годы было важным, но не изолированным в масштабе страны явлением. Одновременно с Ленинградом развитие генетики началось в Москве, где во главе ее становятся Н. К. Кольцов, А. С. Серебровский, С. С. Четвериков и их сотрудники. Вместе с тем огромное значение приобретает деятельность Н. И. Вавилова — выдающегося ботаника, географа, генетика, директора ВИР, охватившего своими экспедиционными исследованиями весь земной шар и сформулировавшего ряд основных генетических закономерностей, в том числе закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Следует подчеркнуть, что все возникшие в 20-х годах генетические направления и школы развивались в нескольких различных направлениях, которые взаимно дополняли друг друга. Все это привело к быстрому развитию генетики в СССР, в результате чего в 30-е годы советская генетика выходит на одно из первых мест в мире.

Таким образом, первые два десятилетия Советской власти были годами бурного расцвета биологии в Ленинградском университете, годами, когда складывались научные школы, внесшие большой вклад в науку и послужившие прочным фундаментом для развития биологии в позднейшие годы. Октябрьская революция открыла двери университета для народа. Ученые биологи университета с энтузиазмом включились в творческую работу в новых социальных условиях. Для Ленинградского университета, подчеркнем это еще раз, особенно благоприятным моментом для развития биологических наук явилось создание Петергофского биологического института, где биологические эксперименты могли осуществляться непосредственно в природе и где осуществлялись непосредственные контакты между всеми рангами исследователей — от студента до профессора, академика.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

Г. В. ВОРОНЦОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ВУЗОВСКИХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ

Становление и развитие ИПК при Ленинградском государственном университете тесно связано с повышением роли университета как одного из ведущих учебно-методических центров высшей школы, оказывающего свое воздействие на рост научной и педагогической квалификации кадров обществоведов, на постановку учебно-воспитательной и методической работы на кафедрах общественных наук вузов страны. В настоящее время ИПК преподавателей общественных наук при Ленинградском университете занимает одно из видных мест в общей системе повышения квалификации вузовских обществоведов, в которую входят 9 институтов при ведущих университетах страны. Ежегодно в нем проходят переподготовку 500 преподавателей вузов РСФСР и других союзных республик страны. Наряду с ИПК при Московском, Киевском и других университетах, ленинградский институт стал важным звеном в системе повышения квалификации кадров высшей школы.[1] Этому способствовало постоянное внимание, которое оказывает Коммунистическая партия делу подготовки и повышения квалификации кадров в области общественных наук.

Необходимо отметить, что деятельность ИПК повышением квалификации вузовских обществоведов в университете, конечно, не ограничивается. Институт является лишь частью системы разностороннего повышения квалификации кадров, которые готовятся на историческом, философском и экономическом факультетах, на отделениях и кафедрах общественных наук, в аспирантуре университета. Успешному развитию этой системы во многом способствует то, что университет имеет богатые традиции, ценный опыт, выработанный в течение многолетней научно-педагогической практики, связанной с повышением квалификации преподавателей марксистско-ленинской теории.

Истоки этой практики мы находим в деятельности первых институтов и курсов, возникших в университете в первые послевоенные годы. Напомним, что с окончанием Великой Отечественной войны обнаружился острый недостаток преподавателей марксизма-ленинизма для высшей школы. Чтобы восполнить этот недостаток, Советское правительство принимает решение создать в 1949 г. институты повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском, Киевском и Ленинградском университетах.[2] На первом этапе развития этих институтов основной задачей ИПК было оказание помощи преподавателям в подготовке и защите кандидатских диссерта-

---

[1] Мохов Н. И. Повышение квалификации обществоведов на уровень современных требований. — Вестн. высшей школы, 1983, № 1, с. 4.

[2] Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1957, с. 343.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ций. Первый институт повышения квалификации при Ленинградском университете действовал в период с 1949 по 1956 г. и имел годичный срок обучения. В нем имелось два отделения: первое — для сдачи экзаменов кандидатского минимума (50 человек), и второе — для подготовки и защиты кандидатских диссертаций (50 человек).[3] Для выполнения важнейших учебных и научных задач, стоящих перед институтом, были созданы 3 кафедры: истории КПСС, философии и политической экономии, а также ученый совет, которому было предоставлено право проводить защиты кандидатских диссертаций.

Первым директором института был преподаватель исторического факультета университета Н. Я. Иванов, ныне доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории советского общества. Много сил развитию ИПК отдал также его преемник А. Н. Волынчук. Важную роль в подготовке квалифицированных специалистов для высшей школы сыграли член-корреспондент АН СССР, профессор Б. А. Чагин, профессора М. В. Серебряков, С. И. Тюльпанов, В. П. Тугаринов, В. П. Рожин, доценты А. Ф. Камышанов, М. Ф. Мишарин, А. М. Муравьев и др. В учебной работе ИПК, в его становлении и развитии активное участие принимал А. И. Попов, ныне заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР.

За период деятельности института его слушателями было защищено более 300 кандидатских диссертаций. Немало выпускников института возглавило кафедры общественных наук вузов Ленинграда и других городов страны, многие стали квалифицированными педагогами, видными учеными. Среди тех, кто успешно защитил тогда кандидатские диссертации, много сил отдали делу воспитания студенчества, организации учебной и научной работы в области преподавания общественных наук, следует назвать профессоров В. А. Медведева, Н. А. Моисеенко, Л. С. Кузнецову, П. Ф. Метелькова, доцента К. А. Кузнецова и др.

На первом этапе своего развития институты повышения квалификации полностью выполнили возложенную на них задачу — подготовили для страны большой отряд квалифицированных обществоведов, кандидатов наук. В 1955 г. в деятельности институтов начался второй этап. В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 25 августа 1955 г. в содержание работы ИПК при Московском и Киевском университетах были внесены существенные изменения с учетом повышения требований к подготовке диссертационных исследований и необходимости переноса центра тяжести на совершенствование педагогического мастерства преподавателей.[4]

В 1956 г. ИПК при Ленинградском университете прекратил свою дальнейшую деятельность. В связи с этим расширилась деятельность аспирантуры при кафедрах общественных наук университета, возросла роль и ответственность кафедр за подготовку кадров высшей квалификации.

Было бы неправильным умолчать еще об одной, хотя и эпизодической, но очень важной для своего времени форме подготовки педагогических кадров в области общественных наук. В 1951 г. при Ленинградском университете возникли годичные курсы подготовки преподавателей политической экономии, философии и истории КПСС, на которые после окончания соответствующих факультетов пришли учить-

---

[3] История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки. Л., 1969, с. 344.

[4] Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции, с. 344.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ся выпускники университетов, педагогических институтов и других вузов страны. Одним из видных организаторов этих курсов был М. О. Малышев, в дальнейшем доктор исторических наук, профессор исторического факультета, много сил отдавший делу подготовки и воспитания квалифицированных кадров.

В течение трех лет своей деятельности курсы выпустили около 300 специалистов, получивших солидную научную и методическую подготовку, а также право преподавать общественные науки в высших учебных заведениях страны. Большое число обществоведов было подготовлено для вузов Ленинграда и других вузовских центров Северо-Запада, а также для вузов Прибалтики. В вузах страны и сегодня успешно трудятся выпускники курсов. Среди них заведующий кафедрой научного коммунизма Тартуского университета доктор исторических наук И. Н. Волков, профессор Ленинградского университета С. И. Яковлева, доцент Вильнюсского государственного университета А. С. Бержинскайте, доцент Ленинградского университета В. М. Алексеева, доцент ЛГПИ имени А. И. Герцена Д. А. Егорова и многие другие.

Таким образом, первый ИПК и курсы обществоведов при Ленинградском университете внесли существенный вклад в дело развития системы повышения квалификации кадров.

К середине 60-х годов положение с подготовкой квалифицированных кадров в области общественных наук в стране резко улучшилось. Однако все более настоятельным становилось требование дальнейшего роста педагогического мастерства и методической подготовки преподавателей общественных наук высших учебных заведений. ИПК при Московском и Киевском университетах с этой задачей уже не справлялись, несмотря на существенное увеличение контингента их слушателей.

В связи с этим 3 сентября 1966 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимают решение о создании институтов повышения квалификации при Ленинградском, Уральском, Ростовском-на-Дону и Ташкентском государственных университетах.[5] Институт повышения квалификации при Ленинградском университете начинает функционировать в соответствии с этим решением с 1 февраля 1967 г. Решением партии и правительства на вновь созданные институты были возложены следующие задачи:

а) повышение идейно-теоретического, научно-методического уровня и педагогического мастерства преподавателей истории КПСС, философии, политической экономии и научного коммунизма высших учебных заведений;

б) изучение, обобщение и распространение передового опыта преподавания общественных наук в вузах, опыта учебно-воспитательной работы кафедр общественных наук вузов;

в) научная разработка проблем организации и методики преподавания общественных наук в вузах, совершенствование всех форм работы кафедр общественных наук;

г) разработка и оказание помощи преподавателям вузов в разработке актуальных проблем общественных наук.

Для решения этих задач во вновь сформированном ИПК при ЛГУ были созданы четыре кафедры: истории КПСС, философии, политической экономии и научного коммунизма. По решению ректората и парткома университета для создания этих кафедр факультеты на-

---

[5] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. М., 1972, с. 127.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museumes.spbu.ru/

правили в ИПК преподавателей, имеющих большой опыт педагогической и научно-методической работы. Кафедра научного коммунизма направила в ИПК профессора Т. Ю. Бурмистрову, экономический факультет — профессора Д. К. Трифонова, философский факультет — профессора В. А. Шкуна, кафедра истории КПСС — доцента Г. В. Воронцова.

Период с 1967 по 1970 г. был связан со становлением нового учебного заведения, формированием его научно-педагогического и учебно-вспомогательного персонала. Немало сил в дело создания и развития института вложили его первые руководители — директора ИПК — профессора В. Г. Онушкин и В. А. Ежов, заместитель директора по учебной и научной работе доцент В. И. Зубарев. В этот период институт еще не имел своего учебно-жилого корпуса. Поэтому число слушателей первого набора в 1967 г. было незначительным (60 человек). Начиная со второго набора институт начал принимать для обучения преподавателей из других городов страны. Однако число слушателей было немногим более 100 человек. В связи с этим на кафедрах в первые годы работало всего лишь 1—2 штатных преподавателя. Кроме того, на каждую кафедру привлекалось еще 4, 5 профессоров и доцентов для работы в ИПК по совместительству (на 0,5 или 0,25% ставки). Необходимо отметить, что уже в этот период формирование преподавательских кадров института проходило на основе принципа, сформулированного директивными органами: определение оптимального соотношения основного и переменного состава с таким расчетом, чтобы институты могли выполнять поставленные перед ними задачи дифференцированного обучения слушателей с учетом их теоретической квалификации, педагогического опыта, а также их научных и учебно-методических интересов.

Существенно изменило условия и содержание работы института введение в строй в 1971 г. учебно-жилого корпуса ИПК, оснащенного новой техникой и современным оборудованием. Наряду с учебными аудиториями, оснащенными техническими средствами обучения, и актовым залом, институт получил общежитие для иногородних слушателей. В помещении института расположились библиотека и столовая. Наличие специально-учебного корпуса позволило институту ежегодно принимать до 500 слушателей (250 человек в набор). За период с 1967 по 1983 г. в нем прошло переподготовку около 7 тысяч обществоведов вузов Ленинграда и других городов страны.

Существенно расширился преподавательский состав института, возрос его квалификационный уровень. Все кафедры ИПК возглавляют профессора, доктора наук. Во главе кафедры истории КПСС находится доктор исторических наук, профессор В. В. Привалов, кафедру философии возглавляет доктор философских наук А. С. Мамзин, кафедру политической экономии — доктор экономических наук И. К. Смирнов, кафедру научного коммунизма — доктор философских наук П. И. Селезнев. В педагогический коллектив входят 10 профессоров и 10 доцентов, имеющих большой опыт научно-методической работы в вузах. Соотношение постоянных преподавателей и совместителей отвечает основным требованиям, предъявляемым к ИПК. На каждой кафедре работают 4, 5 штатных преподавателей. Вокруг каждой кафедры сформирован актив штатных совместителей. На таких началах в ИПК работают более 50 профессоров, 30 из которых заведуют кафедрами ведущих вузов Ленинграда. Участие ведущих профессоров, заведующих кафедрами общественных наук университета обеспечивает высокий уровень научно-методической и учебной работы в институте. Плодотворную учебную работу в течение многих

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

лет ведут в институте профессора Ленинградского университета А. К. Бельх, Влч. Г. Иванов, Влад. Г. Иванов, М. А. Киссель, М. Я. Корнеев, Н. Д. Колесов, В. И. Котелкин. В. Г. Марахов, Д. З. Мутагиров, О. И. Ожерельев, В. А. Пешехонов, Н. В. Рыбакова, В. А. Смышляев, С. М. Стецкевич, А. А. Федосеев, Н. А. Черкасов и др. К учебной работе в институте привлекаются также сотрудники научно-исследовательских институтов АН СССР, руководящие партийные и советские работники. Такой подход к формированию педагогических кадров позволяет предложить слушателям систему спецкурсов и спецсеминаров, учитывающих различные интересы слушателей, их опыт и квалификацию.

Важнейшей стороной учебного процесса в институте была и остается теоретическая подготовка слушателей. Необходимым условием повышения идейно-теоретического уровня преподавания является развитие научных исследований в области общественных наук. Активное участие в научной разработке актуальных проблем общественных наук принимает весь преподавательский коллектив ИПК.

Актуальность тематики научных исследований определяется решениями съездов партии и пленумов ЦК КПСС, в том числе и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС.[6] Важное значение для развития научных исследований в области общественных наук и сегодня имеет постановление ЦК КПСС «О работе в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана и Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского по повышению идейно-теоретического уровня преподавания общественных наук»,[7] в котором было обращено внимание на необходимость глубокого освещения актуальных проблем коммунистического строительства, мирового революционного процесса, идеологической борьбы в современных условиях, всестороннего раскрытия руководящей роли КПСС в условиях развитого социалистического общества.

В научной и учебной работе института большое внимание уделяется разработке актуальных методологических проблем общественных наук.

Кафедра истории КПСС занимается научной разработкой проблем историографии и источниковедения истории КПСС. В институте с первых дней его создания читается спецкурс по проблемам историографии истории КПСС. Первым начал его читать доктор исторических наук, профессор Н. Н. Маслов. Курс источниковедения истории КПСС читает доктор исторических наук, профессор З. В. Степанов. Оба спецкурса были опубликованы Издательством Ленинградского университета.[8] Кафедра продолжает вести работу над проблемами историографии и источниковедения, широко привлекая для этой цели слушателей. Вышло в свет 7 выпусков, посвященных этим проблемам.[9]

Важной стороной научно-исследовательской работы кафедры является научная разработка истории ВЛКСМ и международного революционного молодежного движения. Заведующий кафедрой профессор В. В. Привалов является автором книг по истории Коммунистиче-

---

6 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 6, 27—35.

7 КПСС в резолюциях... т. 11. М., 1978, с. 405—411.

8 Маслов Н. Н., Степанов З. В. Очерки источниковедения и историографии истории КПСС. Л., 1974.

9 КПСС в условиях развитого социализма / Под ред. В. В. Привалова. Л., 1978; КПСС и Партийное руководство комсомолом / Под ред. В. В. Привалова. Л., 1981; КПСС и др. и массовые организации трудящихся / Под ред. В. В. Привалова. Л., 1982. в

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ского Интернационала Молодежи, которые переведены на языки народов социалистических стран, а также изданы на английском и испанском языках. В соавторстве с доктором исторических наук В. А. Зубковым он подготовил книгу «Ленин и молодежь»,[10] в 3-е издание которой включен раздел историографии проблемы «В. И. Ленин о коммунистическом воспитании молодежи». За цикл работ, посвященных истории ВЛКСМ и международному революционному молодежному движению, В. В. Привалов удостоен звания лауреата премии Ленинского комсомола.

Вопросам методологии общественных наук большое внимание уделяет кафедра философии. Преподаватели кафедры работают над проблемами методологии научного и социального познания. Положительную оценку получила книга профессора В. А. Штоффа, посвященная методологии научного познания.[11] Коллектив кафедры работает над темой «Учение о человеке в марксистской философии».[12] Философским проблемам естествознания посвящены книги профессора А. С. Мостепаненко, содержащие анализ философских проблем современной физики, и профессора А. С. Мамзина о философских проблемах биологии и физиологии человека.[13]

Кафедра политической экономии внесла существенный вклад в научную разработку истории политической экономии социализма.[14]

Среди важнейших научных работ кафедры научного коммунизма следует отметить работы профессора Т. Ю. Бурмистровой, посвященные проблемам развития наций и национальных отношений в условиях развитого социализма, а также работы профессора Л. И. Селезнева и доцента Б. М. Змеева о закономерностях развития национально-освободительного движения на современном этапе. Вопросам методологии и методики преподавания научного коммунизма посвящены труды доцента В. Я. Фетисова.[15]

Большую научную работу кафедра развернула в связи с подготовкой к 50-летию образования СССР. Накануне юбилея страны был опубликован ряд работ, подготовленных профессором Т. Ю. Бурмистровой или с ее участием, посвященных осуществлению ленинской национальной политики.[16]

Проблемам пролетарского интернационализма посвящены также книги преподавателей кафедры истории КПСС — профессора Ю. И. Воробцовой и доцента Е. А. Мельникова.[17]

Высокий научный потенциал кафедр, актуальность тематики научных исследований преподавателей института позволяют широко привлекать слушателей к научно-исследовательской работе ИПК, оказывать преподавателям кафедр общественных наук вузов помощь в

---

[10] Зубков В. А., Привалов В. В. Ленин и молодежь. Л., 1981.

[11] Штофф В. А. Методология научного познания. М., 1978.

[12] Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии / Под ред. В. А. Штоффа. Л., 1979.

[13] Мамзин А. С. Некоторые тенденции развития современной биологии. — Коммунист, 1976, № 12, с. 78—85; Мостепаненко А. М. Методологические и философские проблемы современной физики. Л., 1977, и др.

[14] История политической экономии социализма / Под ред. Д. К. Трифонова, Л. Д. Широкорада. Л., 1983.

[15] Фетисов В. Я. О преподавании научного коммунизма в вузах. — Коммунист, 1983, № 4, с. 110—114; Он же. Научный коммунизм как социологическая теория. Л., 1983.

[16] Бурмистрова Т. Ю. Интернациональное единство советского народа. Л., 1982; Бурмистрова Т. Ю., Зайцева Е. А., Захаров И. З. и др. Национальная политика КПСС. М., 1981, и др.

[17] Воробцова Ю. И. Интернациональная деятельность КПСС. Л., 1983; Мельников Е. А. В едином строю интернационалистов. Л., 1982.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

работе над кандидатскими и докторскими диссертациями, а также монографиями. За последние 10 лет более 100 соискателей ИПК защитили кандидатские диссертации, 30 преподавателям оказана помощь в подготовке и защите докторских диссертаций.

К научному потенциалу штатных преподавателей ИПК следует добавить достижения в научно-исследовательской работе преподавателей, работающих в институте на условиях штатного совместительства. Достижения в научной области широко используются в учебном процессе. Это прежде всего находит свое выражение в системе спецкурсов и спецсеминаров, посвященных важнейшим методологическим проблемам курсов общественных наук. Система спецкурсов, включенных в учебные планы кафедр ИПК, во-первых, позволяет осуществлять дифференцированный подход к различным категориям слушателей и, во-вторых, решать проблему повторной переподготовки преподавателей, предлагая им на выбор новые спецкурсы по актуальным проблемам общественных наук.

Среди этой системы важное место занимают спецкурсы, посвященные критике современной буржуазной идеологии. На кафедре истории КПСС читается спецкурс и проводятся спецсеминары по теме «XXVI съезд КПСС и критика буржуазной фальсификации политики КПСС и Советского государства» (проф. Г. Л. Соболев); на кафедре философии — «Проблемы философии и критики философских основ современной буржуазной идеологии и ревизионизма» (проф. А. И. Новиков, проф. М. А. Киссель); на кафедре политэкономии — «Критика современных буржуазных теорий политэкономии» (доц. Ю. В. Волков); на кафедре научного коммунизма — «Методика критики антикоммунизма в вузовском курсе „Основы научного коммунизма"» (проф. Т. Ю. Бурмистрова). На основе материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС в ИПК читается спецкурс по актуальным проблемам идеологической работы КПСС (проф. Н. Ф. Катков).

Важное место отводится лекциям и спецкурсам, посвященным вопросам методики преподавания общественных наук и актуальным проблемам коммунистического воспитания студенческой молодежи. Для слушателей читаются спецкурсы: «Актуальные проблемы коммунистического воспитания студенчества» (проф. В. Т. Лисовский), «Вопросы организации и методики проведения общественно-политической практики» и «Организация и методика учебно-воспитательной работы со студентами зарубежных стран» (проф. Е. С. Ольховский). Слушатели изучают основы библиографии и информатики по общественным наукам, методику применения технических средств обучения, основы педагогики и психологии в высшей школе. Среди вопросов методики важное место занимают вопросы проблемного чтения лекций и проведения семинарских занятий по общественным наукам.

Институт развернул работу по обобщению и распространению передового опыта преподавания общественных наук вузов. Были подготовлены и изданы книги по вопросам методики обучения и воспитания студентов в процессе преподавания общественных наук.[18]

---

[18] Лекции по общественным наукам — важнейшая форма обучения и воспитания студентов / Под ред. В. В. Шаронова. Л., 1979; Семинар — действенная форма обучения и воспитания студентов / Под ред. Т. Ю. Бурмистровой. Л., 1978; Кафедры общественных наук и формирование коммунистического мировоззрения будущих специалистов / Под ред. Г. В. Воронцова. Л., 1974; Самостоятельная работа студентов и роль кафедр общественных наук / Под ред. Ю. И. Воробцовой. Л., 1981; Единство обучения и воспитания в процессе преподавания общественных наук / Под ред. В. В. Шаронова. Л., 1982; Взаимосвязь кафедр естественных, общественных и специальных наук и формирование коммунистического мировоззрения студентов / Под ред. А. С. Мамзина. Л., 1983.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.spbu.ru

ИПК готовит к выпуску новую серию книг, посвященных актуальным вопросам обучения и воспитания студенческой молодежи.

Опыт работы института постоянно изучается министерствами высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР. В ноябре 1971 г. этот опыт обсуждался и был одобрен на заседании Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР.

Однако практика учебно-воспитательной работы в вузах выдвигает перед институтом новые задачи. Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук 1981 г., обсудившее задачи обществоведов в свете решений XXVI съезда КПСС, обратило внимание институтов повышения квалификации на еще не решенные ими задачи.[19] Важные задачи были выдвинуты перед институтами в постановлении ЦК КПСС 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании системы повышения квалификации преподавателей общественных наук высших учебных заведений».[20]

К этому времени в стране уже действовало девять институтов повышения квалификации преподавателей общественных наук, деятельность которых получила в целом высокую оценку партии. «Практика показала, — говорилось в постановлении, — что создание этих институтов полностью себя оправдало. Они оказывают большую помощь преподавателям в их теоретическом росте и в овладении научной методикой преподавания».[21]

Вместе с тем было отмечено, что организация и содержание переподготовки кадров обществоведов в современных условиях требуют значительного улучшения. Особое внимание было обращено на необходимость более широкого использования активных форм обучения слушателей, глубокого изучения произведений классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и международного коммунистического движения, укрепления учебно-материальной базы институтов, более широкого выступления перед слушателями ученых академических учреждений, руководящих партийных и советских работников. Постановление обратило также внимание на необходимость участия слушателей в работе партийных, советских, государственных и хозяйственных органов, на широкое ознакомление их с деятельностью трудовых коллективов партийных организаций, овладение навыками организаторской и агитационно-пропагандистской работы в массах.

Институт повышения квалификации, выполняя постановление ЦК КПСС, разработал новые учебные планы по истории КПСС, политической экономии, философии и научному коммунизму с учетом требований, содержащихся в постановлении. В новых планах определена система занятий, предусматривающая дифференцированный подход в обучении слушателей в зависимости от их опыта, научной и методической квалификации. Для молодых преподавателей проводятся методические занятия по всем курсам общественных наук. Для заведующих кафедрами организованы спецсеминары по вопросам организации научно-методической работы на кафедре. Преподавателям, не имеющим базового образования, оказывается помощь в подготовке к сдаче экзаменов кандидатского минимума.

В учебные планы включены занятия, посвященные глубокому изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и международного коммунистического движения. Важную роль

---

[19] XXVI съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1982, с. 13, 59, 61.

[20] Коммунист, 1982, № 14, с. 3—6.

[21] Там же, с. 3.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

в учебных планах заняли спецсеминары, завершающие чтение спецкурсов по актуальным проблемам общественных наук. На кафедре политической экономии большим интересом пользуется спецкурс и спецсеминар профессора И. К. Смирнова «Метод исследования экономического закона движения экономической формации в „Капитале" К. Маркса». На кафедре истории КПСС работы В. И. Ленина изучаются в спецсеминарах: «Ленинский план создания марксистской партии» (к 80-летию образования КПСС) и «В. И. Ленин о задачах строительства социализма». На кафедре философии организован спецсеминар по книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»; работы В. И. Ленина изучаются также в спецсеминарах: «Проблемы теории отражения и методологии научного познания», «Актуальные проблемы материалистической диалектики» и др. На кафедре научного коммунизма читается спецкурс и проводится спецсеминар по методике преподавания научного коммунизма, в котором особое внимание уделяется изучению произведений основоположников научного коммунизма. Большой интерес вызвала методическая конференция института «Изучение теоретического наследия К. Маркса в курсах общественных наук», посвященная 100-летию со дня смерти К. Маркса и 165-летию со дня его рождения.

Постановление ЦК КПСС выдвинуло перед институтами повышения квалификации важную и ответственную задачу — стать учебно-методическими центрами высшей школы по совершенствованию преподавания марксистско-ленинской науки и коммунистического воспитания студенческой молодежи.

Институт разработал перспективный план развития как учебного центра и опорного пункта передового опыта.[22] Для выполнения поставленных задач в этой области, во-первых, расширились связи ИПК с кафедрами вузов Ленинграда и других вузовских центров Северо-Западного региона; во-вторых, совершенствуется работа по обобщению и распространению передового опыта преподавания общественных наук в вузах.

Одной из форм распространения передового опыта и оказания методической помощи кафедрам общественных наук вузов является проведение городских, кустовых и региональных научно-методических конференций, совещаний и семинаров по актуальным проблемам преподавания общественных наук. Такие конференции ИПК проводит, как правило, совместно с советами ректоров вузовских центров Северо-Запада и других регионов Нечерноземья. Успешно прошли конференции в вузах Архангельска, Вологды, Калинина, Кирова, Петрозаводска, Сыктывкара, Ярославля и ряда других городов РСФСР, а также в вузовских центрах Латвии, Литвы и Эстонии. Летом 1981 г. ИПК на базе Калининградского университета организовал и провел научно-методическую конференцию по вопросам изучения материалов XXVI съезда КПСС в курсах общественных наук. В конце 1982 г. преподаватели ИПК совместно с обществоведами Тартуского университета участвовали в научно-методической конференции, посвященной 60-летию образования СССР.

Все более укрепляются интернациональные связи ИПК. Институт помогает университету выполнять его интернациональный долг в подготовке квалифицированных кадров для национальных республик и областей нашей страны. За 15 лет своей деятельности институт переподготовил 5600 преподавателей из вузов РСФСР, в том числе более

---

22 Реализуя постановление ЦК КПСС. — Вестник высшей школы, 1982, № 12, с. 64—66.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

400 преподавателей — из автономных республик и областей Российской Федерации. За это же время обучение в ИПК прошли более 800 преподавателей из других союзных республик. Наиболее широко в ИПК были представлены вузы Украины (143 преподавателя), Латвии (116), Эстонии (104), Литвы (90), из вузов республик Закавказья обучалось в ИПК около 100, а из республик Средней Азии и Казахстана — 150 преподавателей.

Важной особенностью работы ИПК со слушателями является то, что связи с многими выпускниками после их учебы в институте не прекращаются. Многие из них приезжают на научно-методические конференции, принимают участие в работе над научными и методическими сборниками, издаваемыми в ИПК, стараются попасть на учебу в ИПК при Ленинградском университете второй и даже третий раз. Число обучающихся в институте повторно достигает 30—40%, а третий раз — 7—10%.

Пожалуй, наиболее ярко связи ИПК с его выпускниками проявляются в работе над кандидатскими и докторскими диссертациями. В этом плане ИПК оказывает систематическую помощь национальным кадрам. Активную работу в этом направлении проводит кафедра научного коммунизма. Кандидатами наук под руководством профессора Т. Ю. Бурмистровой стали Р. Абдулатипов (ДагАССР), Г. П. Шкляев (УдмАССР), Т. С. Артеева (Ханты-Мансийский авт. округ), Л. И. Колесова (Долгано-Ненецкий авт. округ), О. Вафаев (УзССР) и др. Большую помощь оказывает кафедра преподавателям в подготовке и защите докторских диссертаций. Систематическую помощь преподавателям национальных республик и областей в научно-исследовательской работе оказывает коллектив кафедры философии. Кафедра помогла в подготовке докторской диссертации В. В. Давиташвили (ГССР). Успешно защитили кандидатские диссертации слушатели кафедры С. А. Газалиев и Э. Х. Бабамуратов (УзССР). Многие диссертации подготовлены в процессе длительной совместной работы слушателей с ИПК.

Показательна в этом плане творческая биография доцента кафедры философии и научного коммунизма Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы имени А. Ф. Ахундова Джангира Раз-оглы Мамедова. Д. Р. Мамедов проходил переподготовку в ИПК в 1975/76 учебном году. В период учебы в институте он стал соискателем кафедры философии, успешно сдал экзамены кандидатского минимума по специальности. Кафедра утвердила тему его кандидатской диссертации — «Соотношение интернационального и национального в истории общественной мысли», прикрепила к нему в качестве научного руководителя профессора А. И. Новикова. С этого периода научные связи Д. Р. Мамедова с ИПК стали более тесными и глубокими. Он регулярно поддерживал контакты с кафедрой, приезжал в научные командировки, выступал с докладами на научных конференциях ИПК. Все это помогло ему подготовить кандидатскую диссертацию, которая была обсуждена на кафедре философии ИПК и рекомендована к защите. В диссертации Д. Р. Мамедова было показано значение русско-азербайджанских связей, становление и развитие интернациональных идей в Азербайджане. После успешной защиты кандидатской диссертации в 1979 г. Д. Мамедов продолжает поддерживать тесные связи с ИПК; в данное время работает над докторской диссертацией.

Подобных примеров творческих связей ИПК со своими слушателями немало. В период своей учебы в Ленинградском ИПК (в 1972 г.) установил тесные контакты с кафедрой политэкономии доцент Самар-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

кандского архитектурно-строительного института имени М. Улугбека Эрлис Аликулов. В 1983 г. под руководством кафедры он подготовил к защите докторскую диссертацию на тему «Основные производственные отношения и основной экономический закон социализма (Проблемы методологии и теории)».

Интернациональные связи ИПК с вузами нашей страны все более крепнут. Преподаватели ИПК выезжают с лекциями в институты повышения квалификации при Киевском, Белорусском, Ташкентском и Казахском университетах.

Развивается также международное сотрудничество института с вузами социалистических стран, и прежде всего с преподавателями общественных наук вузов ГДР. С 1973 г. институт осуществляет сотрудничество с институтом Ф. Меринга при Лейпцигском университете К. Маркса, который является единственным институтом в республике, занимающимся повышением квалификации преподавателей марксизма-ленинизма вузов. На основе договора о сотрудничестве, заключенного между Ленинградским и Лейпцигским университетами, осуществляется обмен преподавателями, проводится совместная научно-методическая работа. Коллективы институтов провели в 1975 г. совместную научную конференцию, посвященную 30-летию разгрома фашизма. К 40-летию этой исторической даты оба института готовят новую научную конференцию, которая будет проходить в Лейпциге в 1985 г. В 1977 г. ученые ИПК принимали участие в совместной конференции в Лейпциге, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции и принятию новой Конституции СССР. Впереди — совместная работа по подготовке к 70-летию Великого Октября. Ведется совместная разработка темы «Нации и национальные отношения в период построения и развития зрелого социализма». Начиная с 1976 г. в ИПК ежегодно обучаются преподаватели вузов из ГДР (5—6 человек в течение учебного года). За то время в ИПК прошло переподготовку более 40 преподавателей марксизма-ленинизма вузов ГДР, представляющих вузы Берлина, Дрездена, Лейпцига, Магдебурга, Карл-Маркс-Штадта, Кётена, Эрфурта и других городов республики. Преподаватели из ГДР, проходящие переподготовку в ИПК, принимают активное участие в учебной и научно-методической работе института. Некоторые из них продолжают поддерживать связи с ИПК. Преподаватель научного коммунизма из Берлина М. Фишер в 1982 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на философском факультете университета. Тесные контакты с кафедрой истории КПСС ИПК продолжает поддерживать преподаватель кафедры истории СССР и социалистических стран Европы Лейпцигского университета Х. Кестнер. В данное время он успешно работает над докторской диссертацией, посвященной международному значению политики КПСС в области индустриализации нашей страны. Постепенно расширяются связи ИПК с преподавателями вузов других социалистических стран. Таковы основные пути становления и дальнейшего развития ИПК при Ленинградском университете как учебно-методического центра высшей школы в области преподавания общественных наук.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Л. А. ПЕТРОСЯН

ОТКРЫТИЕ ФАКУЛЬТЕТА ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ — ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Электричка, выходящая с Балтийского вокзала в 8 ч 22 мин, как раз успевает к началу занятий. Почти сразу за Старым Петергофом, слева по ходу поезда начинаются здания нового университета. Сегодня здесь учатся студенты трех крупнейших факультетов университета: математико-механического, физического, прикладной математики — процессов управления. Скоро будет закончено строительство химического факультета. Поезд задерживается на станции дольше обычного, и платформа практически мгновенно заполняется студентами, преподавателями и сотрудниками, спешащими на работу. В 9 ч 25 мин — начало занятий, и все уже сидят в просторных, светлых аудиториях; начинается работа в учебных лабораториях и на вычислительных машинах. Несмотря на огромные масштабы строительства, на сегодняшний день аудитории и лабораторных помещений уже не хватает, поэтому для факультета проектируется новое здание.

Основа деятельности факультета прикладной математики — процессов управления — это развитие фундаментальных исследований в области прикладной математики — процессов управления и организация на этой базе учебного процесса по подготовке молодых специалистов для различных областей народного хозяйства, науки и техники.

Обучение студентов проводится ориентированно и предметно, на базе проводимых научных исследований. Для факультета такой базой является научно-исследовательский институт вычислительной математики и процессов управления. На кафедрах факультета и в лабораториях НИИ ведутся важные исследования по заказам различных предприятий и отраслей народного хозяйства. Они тесно связаны с фундаментальными работами, проводимыми учеными факультета в области прикладной математики. Девяносто процентов работ в НИИ вычислительной математики и процессов управления проводятся по плану важнейшей тематики. Только за последние семь лет сравнительно небольшим коллективом факультета и НИИ (300 преподавателей и сотрудников) проведены исследования по хоздоговорам примерно на 10 млн руб. Выполненные работы высоко оценены специалистами.

Нужно отметить, что научная деятельность студентов не замыкается в рамках института. Развитие факультета проходит при постоянном научно-методическом взаимодействии с основными научными и вычислительными центрами Ленинграда, Москвы и других городов. В настоящее время факультет и НИИ ведут совместные исследования более чем с 35 крупными институтами и производственными центрами Ленинграда. Студенты факультета проходят производственную практику более чем на 40 предприятиях Ленинграда. Сотрудники НИИ и КБ города участвуют в учебном процессе: непосредственно читают

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

спецкурсы, руководят дипломными работами и исследованиями аспирантов. Такое взаимодействие правильно ориентирует деятельность факультета, вводит студентов с первых же самостоятельных шагов в круг наиболее важных и насущных прикладных задач. Комплексные лабораторные работы позволяют студенту сравнительно быстро пройти весь исследовательский цикл от физической и математической постановки задачи до ее конкретного завершения.

В настоящее время на факультете открыто девять кафедр, которые осуществляют весь процесс учебно-воспитательной работы. В 1980 г. был создан филиал кафедры механики управляемого движения при Ленинградском научно-исследовательском вычислительном центре АН СССР.

НИИ ВМ и ПУ имеет Московский филиал, в котором разрабатываются вопросы перспективного планирования высшего образования в РСФСР. На кафедрах и в научно-исследовательском институте сегодня работает 20 докторов и 120 кандидатов наук. Работы многих видных ученых факультета хорошо известны в СССР и за рубежом. Ученые факультета активно участвуют в работе международных и всесоюзных конференций и симпозиумов, публикуют работы в центральных и академических изданиях. Организация нового учебного процесса потребовала также создания новых учебников и учебных пособий, в которых отражалась бы наиболее существенная сторона подготовки кадров в области прикладной математики, а именно применения вычислительной техники во всех областях народного хозяйства, науки и техники. С 1970 г. ученые факультета опубликовали около 120 монографий и учебных пособий по прикладной математике. За последний год сотрудники факультета и НИИ опубликовали около 340 статей в научных журналах. За десять лет защищено 11 докторских диссертаций и около 120 кандидатских диссертаций. В апреле ежегодно проходит «Неделя факультета». В это время проводится научная конференция «Управление динамическими системами», на которой с докладами выступают студенты, преподаватели и сотрудники института. На конференции в качестве докладчиков и гостей присутствуют студенты других вузов страны. На V курсе все студенты проходят преддипломную практику, выдерживают государственные экзамены по специальности и научному коммунизму, защищают дипломные работы. Уже во время преддипломной практики начинается выбор будущего места работы.

Выбор богат, так как число предложений значительно превосходит число выпускников. Потребность специалистов по профилю факультета очень велика. Наши выпускники работают в научно-исследовательских институтах многих министерств и ведомств в системе АН СССР, в конструкторских бюро и крупных вычислительных центрах.

К 60-годам XX в. развитие промышленного производства, науки и техники достигло такого уровня сложности, когда решение вопросов проектирования, планирования и управления оказалось невозможным без научно обоснованного количественного анализа. Появилась реальная потребность в решении нестандартных задач, связанных с управлением техническими объектами и технологическими процессами, организационными и социально-экономическими системами. Одновременно происходило развитие электронно-вычислительной техники как инструмента математического анализа и управления. Возникла необходимость подготовки специалистов, хорошо знающих математику (в традиционном университетском объеме на физико-математических факультетах), владеющих мощным универсальным инструментом исследования — ЭВМ и способных вникнуть в суть прикладной проблемы самой различной природы с тем, чтобы представить математическую модель

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

предлагаемой (нередко на специфическом «разговорном» и нематематическом языке) задачи, исследовать ее средствами математики, как правило, с помощью ЭВМ, проанализировать полученные результаты и дать рекомендации по их практическому применению.

С этой целью в начале 70-х годов в университетах и вузах страны были открыты более двадцати факультетов, готовящих специалистов по прикладной математике. Одним из первых был факультет прикладной математики—процессов управления Ленинградского университета. 10 октября 1969 г. состоялось заседание учредительного совета факультета прикладной математики—процессов управления Ленинградского государственного университета. В состав совета входили: ректор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР К. Я. Кондратьев, академики Н. Н. Красовский, Ю. В. Линник, В. В. Новожилов, А. Н. Тихонов, академик АН БССР Н. П. Сергин, профессора В. И. Зубов, Н. Г. Баринов, Р. А. Нелепин, В. С. Новоселов, доценты Н. Е. Кирин, Н. М. Матвеев, В. П. Скитович, декан математико-механического факультета ЛГУ, член-корреспондент АН СССР С. В. Валландер.

К. Я. Кондратьев предложил членам совета обменяться мнениями о перспективах вновь созданного факультета в области учебной и научной работы и предоставил слово председателю совета академику В. В. Новожилову, зачитавшему приказ по Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР об организации факультета. И. о. декана факультета профессор В. И. Зубов сообщил о принципах, по которым он думает развивать вверенный ему факультет. В своем выступлении он остановился также на основных вопросах организации и развития факультета. Выступивший затем академик А. Н. Тихонов, возглавляющий аналогичный факультет в МГУ, особо подчеркнул остроту вопросов, связанных с использованием вычислительной техники, определяющей научно-технический потенциал страны. В заключительном слове академик В. В. Новожилов отметил единодушие участников совета в вопросе создания нового факультета.

С начала 60-х годов в ЛГУ интенсивно развивается работа по теории процессов управления. Эта работа вызывается потребностями техники и направляется учеными, связанными с промышленностью. Она велась прежде всего в области управления техническими объектами.

К моменту открытия факультета только лабораторией теории управляющих устройств и механизмов было выпущено 15 монографий в области прикладной математики—процессов управления. Часть монографий была переведена на иностранные языки. Молодежь принимала участие в этих научных работах. Написаны сотни статей. Важным показателем практической ценности выполненных исследований явилось внедрение этих работ в промышленность. Объем исследований был достаточно большим, и научному коллективу, который вел их на математико-механическом факультете, не удавалось выполнить все самому, поэтому к работе широко привлекались студенты и аспиранты.

В канун открытия факультета подготовка специалистов в этой области необоснованно привязывалась к математической специальности, где машины являлись небольшим довеском к общему математическому образованию и кадры не являлись специалистами, работающими в области применения электронно-вычислительной техники. В то время трудно было предвидеть, как изменятся взгляды по вопросам использования вычислительной техники, даже учебные труды в этой области из-за быстрого прогресса науки написать было нелегко. Становилось очевидным, что без создания новых учебно-научных центров невозможно подготовить специалистов, имеющих опыт работы на электронных машинах.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Перед нашим факультетом не ставилась в качестве основной задача развития общего математического обеспечения. Ставилась более специальная задача, связанная с математическим обеспечением, и делался крен в область вычислительных машин, связанных с процессами управления. Здесь имелся и имеется еще сегодня резкий недостаток кадров, так что факультет получил специальное очень важное и чрезвычайно нужное направление.

При создании факультета дебатировался вопрос о его названии. В частности, член-корреспондент АН СССР С. В. Валландер предлагал назвать факультет «Управление кибернетическими системами». Академик В. В. Новожилов, которому и принадлежит идея названия факультета, объясняет, что в названии «прикладная математика—процессы управления» «прикладная математика» звучит в том смысле, что речь идет не только о теории процессов управления, ею занимаются многие, но и о том, что эти вещи будут доводиться до конца, до программы, до промышленности — в этом смысл названия.

При определении перспектив развития факультета исходили из того, что подготовка специалистов по прикладной математике требует к себе несколько иного подхода, нежели просто математика, и это касается не только старших курсов, но и всего цикла обучения. Дело в том, что специалист по прикладной математике оказывается в весьма трудных условиях. Он должен иметь физическую задачу, должен построить ее математическую модель, а затем исследовать ее методами прикладной математики с самым широким использованием средств вычислительной техники. Именно поэтому здесь с первого курса необходимо прививать вкус к машинной математике. Кроме того, было необходимо, чтобы студент знал науку глубоко на самом высоком уровне.

Ядро факультета составили сотрудники кафедры теории управления математико-механического факультета Ленинградского университета и трех научно-исследовательских лабораторий, многие годы ведущие фундаментальные исследования в области прикладной математики—процессов управления с использованием средств вычислительной техники. Это были кафедра теории управления (заведующий кафедрой профессор В. И. Зубов), лаборатория управляющих устройств и механизмов (заведующий лабораторией профессор В. И. Зубов), лаборатория космической динамики (заведующий лабораторией профессор В. С. Новоселов), лаборатория теории оболочек (заведующий лабораторией профессор К. Ф. Черных).

В мае 1971 г. в целях расширения и совершенствования подготовки специалистов по созданию и применению в народном хозяйстве вычислительной техники, по прикладной математике и автоматизированным системам управления в Ленинградском университете был организован специальный факультет по подготовке в 1971—1975 гг. специалистов по прикладной математике (математическое обеспечение электронных вычислительных машин) и по автоматизированным системам управления со сроком обучения 3 года для лиц, имеющих специальное или незаконченное высшее образование и стаж практической работы по профилю избранной специальности не менее 3 лет. Кафедры факультета ПМ—ПУ успешно справились с задачей ускоренной подготовки математиков из числа преподавателей НИИ, КБ, предприятий промышленности. Значительная часть дипломных работ выполнялась в соответствии с потребностями НИИ и промышленных предприятий. Появление вычислительных машин вынудило по-новому обратиться к решению фундаментальных задач математики, созданию новых аналитических и качественных методов исследования дифференциальных уравнений в связи с задачами управления. Необходимо было на хорошей на-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

учной основе решить вопросы, связанные с широким применением ЭВМ и комплексов ЭВМ в системах управления, создания соответствующего специализированного обеспечения. С этой целью в мае 1971 г. при Ленинградском университете был организован Научно-исследовательский институт вычислительной математики и процессов управления. Создание научно-исследовательского института завершило формирование первого в стране учебно-научного центра прикладной математики — процессов управления, включающего в себя факультет прикладной математики — процессов управления, спецфакультет прикладной математики и научно-исследовательский институт вычислительной математики и процессов управления.

Первоочередной задачей методической комиссии факультета, бессменно возглавляемой основателем факультета членом-корреспондентом АН СССР В. И. Зубовым, явилось создание и постоянное совершенствование учебного процесса по прикладной математике. Учебный план по этой специальности вобрал в себя лучшие традиции Петербургской математической школы и физико-математического образования в Ленинградском университете. Эти традиции связаны с именами ученых-математиков, известных всему миру: Г. Л. Чебышева, А. М. Ляпунова, А. А. Маркова и др.

Известно, что университеты в наши дни дают весьма фундаментальное образование. Издавна сложилось так, что в его основе лежит тщательная проработка отдельных курсов программы. По этим курсам соответственно проводятся семинарские, лабораторные и иные практические занятия. Однако студент чувствует себя неуверенно, когда сталкивается с практическими задачами, для решения которых нужно использовать всю систему полученных знаний. Это — серьезная трудность, которая встает перед молодыми специалистами с первых шагов. К сожалению, далеко не всем удается быстро ее преодолеть. Вот почему мы стремились внести в процесс обучения элементы системности знаний. Теория и практика применения ЭВМ должны были стать частью фундаментального образования. Для этого в учебном плане первых четырех курсов предусматриваются комплексные лабораторные работы — проекты. В процессе их выполнения студенты должны научиться использовать законы различных отраслей науки — механики, физики, химии, биологии, экономики — для математического формулирования задач, которые предстоит решить с использованием вычислительной техники. Преследуя ту же цель, предполагалось активно привлекать студентов к работе над конкретными научными и народнохозяйственными проблемами.

Математика, как никакая другая наука, абстрактна. Но, пожалуй, она и конкретна, как никакая другая наука. И главное призвание специалиста в том, чтобы довести свои научные изыскания до внедрения в народное хозяйство.

Более чем десятилетний опыт деятельности учебно-научного центра прикладной математики при Ленинградском университете убедительно показывает, что такая организация учебного процесса является весьма целесообразной. Она вовлекает в учебный процесс подавляющее большинство инженерно-технических и научно-педагогических кадров, работающих в учебно-научном центре, создает незыблемую основу для успешного распределения молодых специалистов и их дальнейшего приспособления к работе на промышленных предприятиях и в научно-исследовательских институтах.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Е. П. ГОРБЕНКО

ПРОФЕССОРА СЛОВЕСНОСТИ

Отечественная наука о литературе в Ленинградском университете в области филологии следовала традициям Петербургского университета и гимназии, учрежденных на берегах Невы в начале XVIII в.[1] Глубинные традиции в области преподавания русской словесности могут быть обнаружены не только при наличии известной эстафетной цепочки деятелей — это слишком очевидно и не требует дополнительного анализа. Возможен путь опосредованного воздействия идей, определяющих дальнейшее развитие науки, в данном случае — истории русской литературы.

Современники официального воссоздания Петербургского университета в 1819 г. были прекрасно осведомлены о деятельности высшего учебного заведения для образования юношества, задуманного и существовавшего с петровских времен. Одним из первых подметил и попытался исторически обосновать преемственность в научно-педагогической деятельности профессоров Петербургского университета в XVIII в. и университета, воссозданного в начале XIX в., П. А. Плетнев: «...педагогическое влияние Академии наук *связало предшествовавшее ученое направление в России с последующим* (курсив мой. — *Е. Г.*). Академики приглашены были к преподаванию в Учительской семинарии».[2] Последующее преобразование учительской семинарии в педагогический институт, а затем — в Главный педагогический институт и вновь — в Петербургский университет окончательно закрепило линию преемственности.

Научная преемственность в области словесных дисциплин прежде всего затрагивала важную для русского просвещения проблему национальной ориентации высшей школы. С 1758 г., получив официальное право руководства Петербургскими университетом и гимназией, М. В. Ломоносов учреждает в них «российские классы», благодаря которым вся система преподавания была переведена с немецкого на русский язык.[3] Трудно переоценить значение ломоносовской «Риторики» —

---

[1] Существование и характер деятельности Петербургского университета в XVIII в. убедительно аргументированы в исследованиях Кулябко Е. С. 1) М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962; 2) Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. — Традиционная дата возникновения Петербургского университета доказательно пересмотрена (см.: Марголис Ю., Тишкин Г. Сколько лет Петербургскому — Ленинградскому университету? — Ленинградский университет, 1983, 18 марта).

[2] Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие имп. Санктпетербургского университета. СПб., 1844, с. 7.

[3] Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук, с. 90—91.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://bio.lomonosov.spbu.ru

практически первого пособия по русской литературе, написанного чистым русским языком.

Научные идеи Ломоносова в области российского стихотворства и истории русской литературы были развиты его учениками Н. Н. Поповским и А. А. Барсовым — первыми профессорами-словесниками в Московском университете. В конце XVIII в. история русской словесности как полный систематический курс в русских университетах не преподавалась, однако уже в этот период в лекционных курсах бывших воспитанников Петербургского университета наметились попытки исторического подхода к изучению предмета. Интересно обратить внимание на примечательный для нас факт: в основе московской филологической школы лежали традиции Петербургского университета.

Вскоре после смерти Ломоносова Петербургский университет прекратил свое существование. Его уцелевшая часть — университетская гимназия — функционировала до 1805 г. В 1796 г. ее закончил И. М. Борн, подлинный родоначальник идеи создания истории русской литературы. Человек высокой эрудиции, воспитанный в духе просветительских идеи XVIII в., одаренный замечательными литературными способностями, Борн некоторое время преподавал в Смольном институте. «Смолянкам» предназначалось и выпущенное им в 1808 г. пособие по истории русской литературы — «Краткое руководство к российской словесности» (СПб). Примечания к руководству написал друг и соратник Борна по Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств А. Х. Востоков.

Книга Борна — первая серьезная попытка исторического подхода к изучению литературы. Третья часть книги называлась «Краткая история российской словесности». В современной науке уже отмечалось, что Борн положил начало «формированию и утверждению определенной системы историко-литературных понятий».[4] Предложенная автором периодизация литературы опиралась на важнейшие этапы в развитии русского государства:

1. X в. — середина XV в. (о древней российской словесности).
2. Вторая половина XV — начало XVIII в. (о средней российской словесности).
3. До нынешнего времени (о новейшей российской словесности).

Располагая материал не по родам сочинений, а в хронологической последовательности, по периодам, Борн ввел индивидуальные характеристики русских писателей. Низкий уровень развития науки о литературе того времени, недостаточная археографическая изученность древней словесности не позволили Борну представить подробный обзор древних литературных памятников, тем не менее важна была сама постановка вопроса о необходимости исследования древней литературы: «...зачем же и без нужды раболепствовать и подражать чужому, когда имеешь свое, нередко чужое превосходящее?».[5] Борн полагал, что уже на основании немногих известных памятников можно сделать вывод о «многозначительной краткости» и «благородной простоте» славянской письменности.

Просвещеннейший человек своего времени, продолжатель традиций Радищева и Ломоносова в литературе, Борн оставил великолепные образцы в жанре гражданской лирики и всем характером своей общественно-литературной деятельности предвосхитил разночинную демократию XIX в. Теоретические рассуждения о развитии отечественной литературы Борн соединил с вопросами мировоззренческого, социаль-

[4] Возникновение русской науки о литературе. М., 1975, с. 258.
[5] Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808, с. 132.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ного характера. Понятия «русская нация» и «русская литература» мыслились просветителями конца XVIII в. неразрывными. О Борне и его сподвижниках по Вольному обществу В. Н. Орлов писал: «Они были полны напряженного интереса к жизни и судьбам человечества, и прежде всего — родного народа».[6] Демократические принципы Петербургского университета были понятны и близки продолжателям дела Ломоносова. Не случайно в руководстве Борна «первая эпоха новейшей словесности» связывалась с царствованием Елизаветы, когда начали функционировать Академия наук с учрежденными при ней университетом и гимназией.

В 1810 г. появилось «Рассуждение о словесности вообще» Н. Язвицкого (СПб), а 20 ноября 1811 г. «старшему учителю Язвицкому было поручено в здешнем педагогическом институте преподавание словесных наук».[7] Несомненно, Язвицкий был талантливым и дальновидным филологом, осознавшим необходимость оригинального пути развития русской историко-литературной мысли. Интенсивное движение теоретико-литературной мысли Запада, результатом которой явились многочисленные «правила», «опыты», «руководства» и «наставления», неизменный авторитет, каким пользовались в России иностранные профессора, и отсутствие отечественных эстетических теорий[8] привели к активному использованию русскими литераторами идей Баттё, Блера, Ансильона, Эшенбурга, Бутервека, Мейнерса и др.[9] За переводами последовали обильные «всходы» уже русских риторик, имевших в основе все те же иноязычные образцы. Главным недостатком этих сочинений было отсутствие системы и самобытности: риторики «для дворян», «для духовных училищ», «для русского юношества», «для молодых девиц»... Язвицкий одним из первых сумел конкретизировать и одновременно обобщить свой замысел «о словесности вообще». В его работе не столько решались, сколько ставились актуальные вопросы словесного искусства. У Язвицкого встречаем мы и определение ученого, посвятившего себя изучению литературы, словесника. Автор пособия поставил перед будущими историками литературы задачу создания полнокровного курса, в котором бы нашли разрешение вопросы стиля, вкуса писателя, путей развития словесности и причин ее отставания, малочисленности рядов писателей, вопросы перевода и оригинального творчества. Эстетические идеи Язвицкого существенным образом повлияли на научные воззрения Н. И. Бутырского, одного из первых профессоров воссозданного в 1819 г. университета, вплоть до названия его лекционного курса «О словесных науках вообще».[10]

Научный опыт Борна, питомца Академической гимназии конца XVIII в., и воспитанника Петербургского Педагогического института Язвицкого, безусловно, учитывались профессорами Петербургского университета. Предложенное Борном историческое исследование древних литературных памятников впервые в истории университетского обра-

---

[6] Орлов В. Н. Русские просветители 1770—1800-х годов. М., 1953, с. 244.

[7] Ленинградский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 13, оп. 1, д. 1034.

[8] Труды Тредиаковского и Ломоносова, ограниченные, по выражению В. П. Вомперского, «пределами рационалистических норм классицизма», уже не могли удовлетворить возросшие запросы русского общества (Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. с. 124).

[9] В России появились переводы иностранных курсов с незначительными изменениями и дополнениями из сочинений русских авторов. Характеристику русских и зарубежных риторик см. в кн.: Метлинский А. Взгляд на историческое развитие теории прозы и поэзии. Харьков, 1850.

[10] Институт русской литературы АН СССР (далее — ИРЛИ), ф. 154, арх. П. П. Лобойко, № 115.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

зования было осуществлено профессором Петербургского университета П. А. Плетневым в 1832—1833 гг.[11] Заинтересованное отношение к вопросам исторического изучения литературы — вослед предшественнику — Плетнев засвидетельствовал уже в 1819 г. в статье «О средствах усовершенствования русской словесности как науки»,[12] где сделал попытку ввести в научный обиход исторический взгляд на литературу, объяснить творчество писателя обстоятельствами и духом современной ему эпохи. В полной мере идея индивидуального подхода к творчеству писателей была реализована в рукописном курсе лекций Плетнева. Однако более существенно то обстоятельство, что между воспитанниками и профессорами Петербургского университета и гимназии конца XVIII в. и учительской семинарией, педагогическим институтом, Главным педагогическим институтом и Петербургским университетом начала XIX в. обнаруживается объективная историческая преемственность в задачах, идеях, просветительских принципах. Так, исследовательский опыт Борна и Язвицкого в области истории литературы непосредственно подводит к деятельности Плетнева и Никитенко, в работе которых и получает свое непосредственное осуществление.

В первой половине XIX в. кафедра русской словесности Петербургского университета была представлена трудами четырех небезызвестных в истории просвещения ученых: Н. И. Бутырского, Я. В. Толмачева, П. А. Плетнева и А. В. Никитенко. Несмотря на значительную разницу в годах, уровне знаний, мировоззрении, вкусах, наконец, на то, что Никитенко и Плетнев заменили Бутырского и Толмачева на кафедре словесности, их многое объединяло. Разночинцы по социальному происхождению (а Никитенко — из крепостных), в разное время получили они образование в духовных семинариях, а затем в Педагогическом институте в Петербурге.[13] Это были в полном смысле представители русской разночинной интеллигенции, знаниями, служебным положением обязанные исключительно собственному труду и талантам. Независимо от личного характера каждого профессора, эмоционально-психологических, сугубо личностных качеств их натур, можно говорить, что история русской словесности как наука, предмет на кафедре Петербургского университета имела свои традиции и систему. И основания к такому заключению есть. Это рукописные курсы лекций, опубликованные пособия, составившие серьезный вклад в историю становления молодой науки о литературе. В библиотеке университета среди немногих пособий по истории русской литературы были книги Борна, Язвицкого, Плаксина.[14]

Кафедра собственно русской словесности была учреждена при Педагогическом институте только в 1816 г. В фонде департамента народного просвещения Центрального государственного исторического архи-

---

[11] В архиве Плетнева в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР сохранились автограф «Подробной программы курса истории русской литературы» (ф. 234, оп. 1, № 72) и литографированный курс «Лекций о русской литературе» (ф. 234, оп. 1, № 4).

[12] Благонамеренный, 1819, ч. 8, с. 28—40.

[13] Никитенко был единственным, уже закончившим университет, и к тому же учеником Бутырского.

[14] Примечательна судьба В. Т. Плаксина. Будучи студентом Петербургского университета (с 1818 г.), в 1822 г., в период жестокой реакции, связанной с произволом Д. П. Рунича, он был исключен с такой формулировкой: «по неблагонадежности к учительскому званию». Занявшись педагогической деятельностью, Плаксин преподавал русскую словесность в Морском кадетском корпусе, артиллерийском училище, в Академии художеств. В 1833 г. он выпустил «Руководство к познанию истории литературы» — оригинальное учебное пособие, отдельные положения которого использовались впоследствии в лекционных курсах Плетнева и Никитенко.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ва Ленинграда сохранилось дело о ее учреждении и о назначении профессором по этой кафедре коллежского асессора Я. В. Толмачева.[15] Ко времени реорганизации Педагогического института в университет и Толмачев, и Бутырский имели равные шансы на занятие кафедры словесности. За плечами Толмачева было обучение в Харьковском коллегиуме, Киевской духовной академии, затем преподавание в профессорской должности в Петербургской духовной семинарии и Педагогическом институте. Бутырский получил образование в Коломенской и Тульской духовных семинариях, Педагогическом институте в Петербурге. В 1808 г. в числе лучших студентов он был отправлен за границу для подготовки к профессорскому званию, где изучал словесные науки и эстетику, слушал Бутервека. По возвращении в 1811 г. Бутырский читал «поэзию эстетическую» в Педагогическом институте.[16] В 1819 г. оба профессора занимают кафедру красноречия, стихотворства и русского языка в университете. Риторику и пиитику Бутырский читал по Геинзиусу и Бутервеку со значительными изменениями и дополнениями для русской аудитории. Его лекции «касались общего взгляда на словесные науки и показания различия прозы от поэзии».[17]

«Профессор Толмачев излагал историю русской словесности с критикою классических прозаиков и поэтов по собственным запискам»,[18] отраженным в книге «Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия» (СПб., 1815). Автор учитывал опыт прежних риторик, объяснял причины их несостоятельности, однако не избежал общих ошибок. Пространные рассуждения о поэтических фигурах и тропах, о воображении и слоге в произведении, о правилах красноречия подменяли главное — историю русской словесности. Так, в четвертой части книги «Правила словесности...» автор излагал историю греческого просвещения, правила Аристотелевой «Риторики», при этом русские литературные памятники даже не упоминались. Но основным и существенным недостатком сочинения было неверие автора в перспективы развития современной ему русской литературы. Ничто не могло поколебать уверенности Толмачева в преимуществе словесности древней перед новой. Он писал: «В новейшей словесности утеряны красоты все, которые происходили от расположения, устроения и сочинения слов, от звукотечения и лада периодов».[19] Современники скептически отзывались о странных этимологических казусах профессора, о его лекциях: «...т. к. сам он нисколько не готовился к лекциям и у него не было никакой системы в преподавании, то лекции его мало посещались студентами».[20]

Разительный контраст между системами изложения предмета, стилями поведения Бутырского и Толмачева сразу же сказался на симпатиях слушателей. Экспансивный, эмоционально неуравновешенный, обладавший ясным умом Бутырский легко переходил от радости к гневу, едко высмеивал «чиноопеснe» своих более предприимчивых коллег. Вынужденный одновременно со словесностью читать лекции по политической экономии, он не мог в полной мере охватить два предмета,

---

[15] Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 733, оп. 20, № 169.

[16] ЛГИА, ф. 13, оп. 1, № 892, л. 1; № 968, л. 1.

[17] Фортунатов Ф. И. Воспоминание о С.-Петербургском университете в 1830—1833-е годы. — Русский архив, 1869, № 2, с. 331.

[18] Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889, с. 267.

[19] Толмачев Я. В. Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия. СПб., 1815, с. 72.

[20] Фортунатов Ф. И. Воспоминание о С.-Петербургском университете в 1830—1833-е годы, с. 329.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

что естественно, сказывалось на качестве каждого. Методика преподавания Толмачева была в корне неприемлема для Бутырского. Плетнев в замечаниях о предшественниках неоднократно делал предположения, что образование, полученное Толмачевым в духовной академии, постоянная служба в духовных учебных заведениях наложили отпечаток на характер его преподавания и способствовали тому, что он «предпочитал формы и дух так называемого классицизма современным понятиям об изящных искусствах и успехах идеи о народности».[21]

Бутырский, напротив, вызывал симпатии отсутствием педантизма, современным взглядом на предмет. Ему принадлежит инициатива разбора удачных писательских опытов студентов на лекциях, продолженная затем Плетневым и Никитенко. Человек нового времени, сведущий в новейших эстетических теориях, он «предпочитал эстетику и критику сухим частным правилам сочинений. Он действовал на развитие вкуса вообще и был полезен слушателям своими взглядами на науку».[22] Историк университета В. В. Григорьев несправедливо подводит Бутырского под общий стереотип профессора-педанта, сохранившего верность идее превосходства поэзии древней перед новой.[23]

Бутырский имел талантливых учеников, среди которых были Загорский и Никитенко.[24] По сохранившейся тетради лекций Бутырского под названием «О словесных науках вообще» можно составить общее впечатление о читаемом им курсе. Он далек от мысли составить анализ, хотя бы общий, литературы с древних времен, но уже обращает внимание на способы преподавания предмета, или иначе — на методику, рассуждая о преимуществах теоретико-исторического метода перед просто историческим: «В первом случае произведения ораторов и поэтов рассматриваются по правилам, которые предполагаются известными, в хронологическом порядке, как один следовал за другим. В последнем случае сперва предлагаются правила систематическим образом; потом оцениваются ораторские сочинения и стихотворения, каждое под своим родом или классом».[25]

В оценке Никитенко Бутырский предстает талантливым и умным лектором, вполне постигшим дух студенческой аудитории. И все-таки отставка Бутырского и Толмачева в 1832 г. имела свои основания. В изучении истории словесности как науки наметился известный рубеж, требовалось систематическое и основательное осмысление достижений современной историографии, изысканий исследователей российских древностей. Ораторские способности, превосходная манера держаться, умение импровизировать уже не могли подменить знаний и исследовательских интересов профессора.

Приход на кафедру в 1832 г. Плетнева и Никитенко вполне соответствовал духу времени и был встречен с энтузиазмом студенческой аудиторией. Первый был овеян своеобразным ореолом спутника

---

[21] Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие имп. Санктпетербургского университета. с. 54.

[22] Там же.

[23] Григорьев В. В. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50-ти лет его существования. СПб., 1870. с. 21.

[24] Последний, в один год с Плехановым приглашенный к преподаванию на кафедре словесности, положительно характеризовал своего бывшего наставника: «У него тонкий, быстрый ум, верное эстетическое чувство и дар слова [...] В преподавании словесности он держится середины между строгим классицизмом и новыми требованиями века, или, лучше сказать, он держится системы здравого рассудка, который знает, что формы в изящных искусствах не значат ничего, если они не оживотворены духом» (Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955, с. 92).

[25] Бутырский Н. И. Лекции. 1824 г. Тетрадь первая. О словесных науках вообще. — ИРЛИ, ф. 154, арх. Н. И. Лобойко № 115, л. 2. (Это конспект лекций Бутырского, составленный студентом Фелицыным).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.ru

первоклассных поэтов, его часто можно было встретить в обществе Пушкина, он был неразлучен с безвременно скончавшимся Дельвигом. Другой сам не так давно вышел из студенческого звания (в 1828 г.) и хорошо представлял себе интересы молодежи.

Ко времени вступления в профессорскую должность Плетнев был широко известен в литературно-педагогических кругах как опытный критик, издатель, наставник, который «всеми своими успехами был обязан личному труду и личным достоинствам».[26] В некоторых учебных пособиях он даже упоминался в ряду первых русских литераторов: «Общею характеристикою наших прозаических писателей и поэтов с успехом занимались, кроме Мерзлякова, Карамзин, Макаров, Батюшков, Жуковский, князь Вяземский и Плетнев».[27] Современники вспоминали о большом успехе, каким пользовались лекции Плетнева.[28] Однако этим не ограничивалось влияние Плетнева на молодое поколение. Богатая журналистская практика 1820-х годов, активное участие в делах Вольного общества любителей российской словесности, редактирование печатного органа общества — журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» способствовали формированию широких литературно-общественных воззрений Плетнева как критика демократической ориентации. Примыкая по своим дружеским и литературным контактам к прогрессивным кругам русского общества, Плетнев и в зрелые годы не прерывал связи с политически неблагонадежными лицами, среди которых были Н. И. Тургенев и В. Г. Тепляков. Репутация нового профессора Петербургского университета была высока не только в глазах начальства,[29] но и в массе студенческой аудитории.

На университетскую кафедру Плетнев и Никитенко вступили, уже будучи близко знакомыми по Екатерининскому институту, где зарекомендовали себя мыслящими педагогами, где не пожелали ограничиться «натаскиванием» учениц в правилах риторики и пиитики, но стремились «направить их вкус, ввести в дух литературы».[30] Плетнев как педагог-словесник был опытнее Никитенко. За его плечами был семнадцатилетний стаж преподавания в женских институтах, кадетских корпусах, частных пансионах. Наконец, не последнюю роль играла атмосфера литературного Петербурга, питавшая его более двух десятилетий. Уже в статье 1819 г. «О средствах усовершенствования русской словесности как науки» Плетнев ставит вопрос о необходимости такого учебного пособия по истории русской литературы, которое учитывало бы достижения отечественной словесности. Плетнев предлагал к трем традиционным частям учебника — грамматике, риторике, поэзии — добавить новый: «характеристики классических писателей». Предложение Плетнева об усовершенствовании науки о литературе, в частности о пересмотре старой и разработке новой теории слогов, основанной на образцовых сочинениях русских авторов, прозвучало своевременно. Идею, высказанную в гипотетической форме ранее, Плетнев сумел оформить, обосновать и выдвинуть на суд общества: «...слог, как весьма справедливо доказал Бутервек, есть отличительность каждого писателя и не может

---

[26] Шевырок В. И. Профессор-словесник старого времени. — В кн.: Под знаменем науки. М., 1902, с. 553.

[27] Глаголев А. Умозрительные и опытные основания словесности. СПб., 1834, с. 63.

[28] «...Завлекал в свою аудиторию студентов от всех факультетов, так что, несмотря на малочисленность учеников собственно филологического отдела, малая зала, где он читал, была всегда битком полна, что и было причиною перенесения лекций Плетнева в другую, большую аудиторию» (М. Воспоминания из дальних лет. — Русская старина, 1881, № 5, с. 157).

[29] С 1826 г. Плетнев преподает русский язык и словесность при дворе.

[30] Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 101.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

иметь общей теории. Проза, по различию рода своего, принимает у одного и того же писателя особенное направление, а слог его нигде изменяться не может. Итак, слог высокий, слог средний, слог низкий суть слова почти без значения. Можно сказать: слог Тита Ливия, слог Иоанна Миллера, слог Карамзина, потому что это будет изображать способы выражений, каждому из них свойственные, которые можно чувствовать и в важных и в простых их сочинениях».[31]

Долгое время считалось, что профессора словесности Петербургского университета были талантливыми лекторами, но в научном отношении они оставались не более как интерпретаторами чужих идей. Так, автор статьи в Русском биографическом словаре о профессоре Московского университета С. П. Шевыреве, приступившем к чтению русской словесности в 1837/38 г., утверждал, что «история русской словесности до этого времени не считалась в числе предметов университетского преподавания, трудов по ней не было, памятники древней русской литературы оставались в большинстве случаев неизданными, а современное направление литературы и науки в России стремилось порвать связь с стариной, относилось к ней презрительно, выдвигало на первый план социальные запросы и требования»[32] — суждение явно тенденциозное. История развития русского просвещения, в том числе русской литературы, не ожидала в бездействии прихода Шевырева. В университетах существовали кафедры словесности со своими традициями и талантливыми профессорами. По свидетельству М. И. Сухомлинова, живую, наглядную сторону курса словесности составляли разборы произведений русских писателей. И это при том, что в изложении теории словесности русская профессура руководствовалась сочинениями иностранцев.[33] Факты убеждают: и Бутырский, и Плетнев читали курс по собственным «запискам», причем лекции Плетнева были первым в университетском преподавании систематическим курсом русской словесности с древних времен.[34]

В. В. Григорьев характеризовал Плетнева-профессора как историка литературы, рассматривающего в хронологическом порядке все произведения, ее составляющие, по собственным запискам.[35] Это было не столько чтение правил и всякого рода наставлений, сколько обучение на современных образцах. «Если Плетнев уступал Давыдову и особенно Надеждину в широте философского образования, то стоял

---

[31] Подшивалов В. С. Сокращенный курс российского слога. СПб., 1796. с. 87.

[32] Русский биографический словарь. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. с. 24.

[33] Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. с. 108.

[34] Материалы о лекционном курсе Плетнева см.: Шубин В. Ф. П. А. Плетнев как исследователь древнерусской литературы. — Русская литература, 1982, № 4, с. 95—108. К созданию такого курса побуждали Плетнева и друзья. Думаем, что обостренным интересом к древней словесности можно объяснить факт присутствия Пушкина 27 мая 1832 г. на лекциях по теории литературы И. И. Давыдова и по русской литературе М. Т. Каченовского в Московском университете. Приведем процитированные М. А. Цявловским воспоминания очевидца: «Речь о русской литературе, сколько мы помним, перешла вообще к славянским литературам, к древним письменным памятникам, наконец, — к „Песне о полку Игореве"» (Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве». — Новый мир, 1938, № 5, с. 264). Вполне очевидно, что в лекциях Каченовского не было отведено места древней словесности, и разговор о ней зашел только благодаря вопросам Пушкина. В связи с этим мы можем предположить, что отношение поэта к лекциям по древней словесности Плетнева, предпринятым в это же время, было положительным.

[35] Григорьев В. Р. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых ста лет его существования. с. 129.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

выше их по своим литературным вкусам и симпатиям, а как личность также во многом превосходил своих коллег».[36]

Преподавание словесности распределялось между Плетневым и Никитенко следующим образом: теоретическая часть приходилась на долю Никитенко, историю литературы читал Плетнев: «...до половины XVIII века — в III курсе; излагая достоинство замечательнейших произведений отечественной словесности с половины XVIII века до нынешнего времени — в IV курсе».[37] В течение двух лет (1832—1834 гг.) Никитенко занимал место адъюнкта при Плетневе, а уже в 1834 г. — экстраординарного профессора. Преподавание в университете он совмещал со службой в институтах благородных девиц, т. е. курс теории, порученный ему в университете, имел под собой практическое основание. Немаловажную роль в формировании эстетических воззрений Никитенко сыграли лекции его наставника профессора Н. И. Бутырского: «Не многие из наших глубоко вникают в его теорию, между тем в ней много истин, которые могли бы принести большую пользу нашей литературе, если бы к ним захотели повнимательнее прислушаться».[38]

Из теории Бутырского Никитенко вынес убеждение, что самый гениальный писатель не может подменить глубоких знаний в области языка и теории словесности фантазией. Вместе с тем из лекций наставника извлек он и другой урок: профессор не вправе останавливаться на достигнутом; уча других, он сам не перестает быть учеником, если хочет идти в ногу с временем.

Никитенко был чрезвычайно активным педагогом. Он не ограничивался кругом вверенных ему обязанностей, вникая в дела тех отделений университета, где, по его мнению, необходимо было ввести эстетическое образование. 3 июля 1841 г. он обращается с «Запиской...» в «Комиссию для распределения учебных предметов в университете» с требованием ввести в число «учебных предметов по юридическому отделению русскую словесность», полагая исключение ее из ряда дисциплин «несовместимым ни с назначением университета, который носит на себе имя русского, ни с потребностями времени и умственными пользами юношества».[39] Инициативность энергичного профессора увенчалась успехом. Более того, в 1845 г. он разработал специальный курс «Теории деловой словесности», — случай, беспрецедентный в истории литературы. Разбор принципов построения, назначения дипломатических, законодательных, судебных актов следовал в виде отдельных глав: «Деловая словесность заключает в себе все письменные акты, коих предметом служат различные цели, нужды и обстоятельства государственного управления».[40] Та же внутренняя неуспокоенность побудила Никитенко выступить в 1852 г. с «Запиской о необходимости практических упражнений в отечественной словесности для студентов всех факультетов университета».[41]

---

36 Шенрок В. И. Профессор-словесник старого времени, с. 562. — И. И. Давыдов был современником, ровесником (родился в 1794 г., а Плетнев — в 1792 г.) и земляком Плетнева (из-под Твери). С 1834 г. (по смерти Мезлякова) занимал кафедру русской словесности в Московском университете. Сразу по принятии кафедры приступил к изданию своих трудов: 1832 г. — «Система российской словесности», 1834 г. — «Программа по классу красноречия и поэзии», 1837—1838 гг. — «Чтения о словесности». Однако в сочинениях Давыдова, при всей обстоятельности и эрудиции автора, отсутствовал исторический взгляд на предмет, получивший в 1830-е годы распространение в литературе. История литературы преподносилась им слушателям не в системе, а выборочно.

37 ЛГИА, ф. 14, оп. 1, № 4596, с. 32.

38 Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 19.

39 ИРЛИ, 18130, л. 1.

40 Там же, 18138, л. 1.

41 Там же, 18141.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

В архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР сохранились автографы лекционных курсов Никитенко: «Теория словесности» (1839 г.) и «Теория поэзии» (1840 г.). Плетнев, характеризуя направление деятельности коллеги по кафедре, подчеркивал оригинально-народное начало разработанного им курса: «Профессор Никитенко при начертании теории словесности обратился к основным началам природы человеческой жизни, извлекая их из психологии и истории. Для доставления общим началам несомненной применяемости он вводит их в область русской народности, уравнивая правила мышления с требованиями нашего языка и успехами литературы».[42]

Позиции Никитенко в области предмета и назначения «искусства изящного» и науки о словесности не оставались неизменными. Стремление быть в курсе последнего слова в науке о литературе ориентировало его в направлении, близком к «реальной поэзии», к Белинскому. В 1830-е годы он еще не имеет достаточно четкого представления о сущности предмета теории словесности: «...главная моя цель: согревать сердца слушателей любовью к чистой красоте и истине и пробуждать в них стремление к мужественному, бодрому и благородному употреблению нравственных сил».[43] «Идея чистой красоты, или идея изящного, явившаяся результатом поверхностного усвоения гегельянской эстетики, лежит в основе эстетических построений Никитенко»,[44] — так оценивается советскими учеными позиция Никитенко 1830-х годов.

Дневник профессора вскрывает его отношение к преподавательской деятельности, осознание собственной роли на университетской кафедре: «Я больше оратор, чем профессор». «Мое естественное влечение обратить кафедру в трибуну. Я желаю больше действовать на чувство и волю людей, чем развивать перед ними теорию науки».[45] Рукописные курсы лекций Никитенко в большей степени, чем опубликованные им труды («О творящей силе в поэзии или о поэтическом гении» (СПб., 1836 г.); «Опыт истории русской литературы» (СПб., 1845 г.)), отражают его исходные позиции в области теории литературы. Красота провозглашается им непременным предметом «поэтической словесности». «Прозаическая словесность есть та, в которой красота не есть главный предмет, не есть цель, а только средство для наставления людей или для убеждения их в какой-нибудь истине».[46]

В 1840-е годы в литературе идет процесс развития прозаических жанров, утверждение принципов гоголевского направления, проза опережает поэзию. В записках Никитенко этот процесс воспроизведен с объективностью историка, хотя его личные симпатии на стороне «словесного выражения идеалов»,[47] т. е. поэзии. «Поэзия по идее отличается от прозы тем, что первой принадлежит мир идеалов, а второй — мир действительных вещей».[48] Подробное изложение родов и видов литературы с четкой формулировкой содержания, идеи, цели для каждого, объяснение на конкретных образцах из современной поэзии — Державина, Пушкина, Крылова — характерно для структурной основы

---

[42] Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие имп. Санктпетербургского университета, с. 80.

[43] Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 193.

[44] Бугаенко П. А. Эстетические взгляды А. В. Никитенко. — В кн.: Научный ежегодник за 1955 год. Филол. ф-т. Саратов, 1958, с. 18.

[45] Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 235. — Возможно, как раз такие признания и дали повод судить о Никитенко и Плетневе как о профессорах-импровизаторах, сильной стороной которых была не столько ученость, сколько красноречие.

[46] ИРЛИ, 18127, л. 2.

[47] Там же, 18127, л. 2 об.

[48] Там же, 18128, л. 3.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

курса Никитенко. Непоследовательность эстетических воззрений периода 1840-х годов касалась отдельных частных вопросов теории, в то время как в целом Никитенко не мыслил искусство вне действительности, оторванным от изображаемых им предметов. Даже гений творит по законам искусства — законам «природы и разума», «идеал выше природы, но не противоречит ей»,[49] писал он.

С 1 января 1849 г. по новому постановлению правительства ректор освобождался от чтения лекций, поэтому в ведение Никитенко переходит и курс собственно русской словесности, который читал Плетнев. «Опыт истории русской литературы» не дает возможности представить структуру, объем нового курса Никитенко, поскольку это только введение в предмет.[50] И тем не менее современные исследователи располагают достоверным документом о читавшемся профессорском курсе — это конспект лекций Никитенко в записи студента А. Н. Пыпина.[51]

Никитенко давал свою, отличную от плетневской, периодизацию литературы, выделяя два периода в допетровское время и три после Петра до современности с последовательным анализом состояния развития языка, жанровых форм литературы и выдающихся писателей древности: Владимира Мономаха, Даниила Заточника, Луки Жидяты, Кирилла Туровского и проч.

Нравственная неудовлетворенность своей деятельностью, накапливавшаяся годами, понимание бессилия перед существующими порядками Никитенко изливал на страницах «Дневника»: «Я должен преподавать русскую литературу — а где она? Разве литература у нас пользуется правами гражданства? Остается одно убежище — мертвая область теории. Я обманываю и обманываюсь, произнося слова: развитие, направление мыслей, основные идеи искусства. Все это что-нибудь и даже много значит там, где существуют общественное мнение, интересы умственные и эстетические, а здесь просто швыряние слов в воздух. Слова, слова и слова! Жить в словах и для слов, с душою, жаждущею истины, с умом, стремящимся к верным и существенным результатам, — это действительное, глубокое злополучие».[52]

Между тем преданность идеям литературы, идеям развития и просвещения юношества в тревожный для России период «мрачного семилетия» обернулась для Никитенко и Плетнева неприятными моментами. Жесткие меры нового комитета по делам печати, созданного в 1848 г. под председательством Бутурлина, затронули и деятельность таких умеренных в своих общественно-политических воззрениях представителей ученой интеллигенции, какими были в этот период два профессора словесности Петербургского университета. 6 апреля 1848 г. в канцелярии графа Орлова Никитенко было сделано внушение по поводу «Современника», редакторство которого он принял после Плетнева, и объявлено, что «государь император (...) изволил признать, что журнал „Современник" допускал в статьях своих мысли в высшей степени преступные, могущие поселить и в нашем отечестве правила коммунизма».[53]

В речи Плетнева на торжественном акте в университете 8 февраля 1849 г. цензура усмотрела «коммунистические склонности». В вину ему

---

[49] Там же, 18127, л. 8, 25—25 об.

[50] Общий анализ печатного труда Никитенко см. в кн.: Возникновение русской науки о литературе. М., 1975, с. 318—323.

[51] ИРЛИ, ф. 250, оп. 4, арх. А. Н. Пыпина, № 56.

[52] Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 240.

[53] Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50-е годы. Л., 1934, с. 243.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

было поставлено отсутствие в отчете «верноподданнических» чувств.[54] Выводы комитета были крайне неблагоприятны для Плетнева: «...если бы в последних строках заключения отчета не было упомянуто, что направление всем нравственным и умственным действием дается у нас по воле монарха, то вся XI статья отчета, по общему ее духу и содержанию, могла бы точно так же, не включая и не прибавляя ни слова, произнесена быть с кафедры парижского университета в 1850 году».[55] 3 января 1850 г. Плетнев писал об этом Жуковскому: «Бутурлинский комитет и на меня подал государю донос, находя в моих лекциях и годичных отчетах следы либеральных идей».[56]

Мировоззрение Плетнева 1840—1850-х годов достаточно противоречиво. Однако вывод, что в этот период «Плетнев проделал бурную эволюцию вправо»[57] представляется нам не вполне обоснованным. Плетнев не сумел понять запросов и стремлений революционной демократии, однако непонимание не приняло в его деятельности жестких форм преследования инакомыслящих. В 1840-е годы он активно поддерживает первые шаги в литературе молодого сибирского поэта-разночинца Е. Л. Милькеева, поощряет поэтические опыты студента А. Н. Плещеева, открывает новый литературный талант в лице харьковской институтки Н. С. Соханской, впоследствии известной под псевдонимом «Кохановская».

И литературная, и административная деятельность Плетнева неизменно вызывала симпатии к нему со стороны Белинского, Чернышевского, Добролюбова.[58] Признание в нем союзника в борьбе с реакционной партией Греча — Булгарина,[59] приветствие вводимых им преобразований в университете (публичные лекции в пользу бедных студентов, командировки молодых ученых за границу с целью усовершенствования в науках[60] — подобное отношение демократов 1840—1860-х годов было лучшим показателем неиссякающих духовных интересов одного из немногих оставшихся в живых современников Пушкина, профессора, ректора Петербургского университета.

---

[54] Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904, с. 285.

[55] Там же.

[56] Плетнев П. А. Сочинения и переписка. В 3-х т. Т. 3. СПб., 1885, с. 623—624.

[57] Петербургский университет в воспоминаниях современников. Т. 1. Л., 1963, с. 10.

[58] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1953—1956, т. 2, с. 403, 497; т. 9, с. 408, 410; т. 10, с. 270—271; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т., т. 3. М., 1947, с. 131—132.

[59] В 1854 г. Плетнев примкнул к писателям, бойкотировавшим юбилей Н. И. Греча (см. об этом письмо его к Вяземскому от 6(18) января 1855 г. в кн.: Плетнев П. А. Сочинения и переписка. т. 3, с. 413—415). И в этом он был солидарен с молодой революционной демократией.

Но тот, кто с Пушкиным, Крыловым
И с Гоголем век другом был,
Он прежде всех презренья словом
Твой пошлый праздник заклеймил, —

В этих строках стихотворения Добролюбова «На 50-летний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча», по замечанию М. К. Лемке, речь идет о Плетневе: «П. А. Плетнев пустил по поводу готовившегося юбилея какое-то остроумное и весьма злое четверостишие» (Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. В 4-х т., т. 1. СПб., 1912, стлб. 28). К сожалению, обнаружить стихотворную эпиграмму Плетнева не удалось.

[60] Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. В 9-ти т., т. 4. Л., 1962, с. 274—

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Деятельность Плетнева и Никитенко на кафедре русской словесности в Петербургском университете оставила заметный след в истории русского просвещения. В настоящее время с полной уверенностью можно говорить, что они соединяли в себе великолепный ораторский дар с основательностью ученых-исследователей. Их научный багаж отражал запросы, интересы времени. Талантливые педагоги, они поддерживали малейшую искру дарования в студентах, приветствовали первые удачные опыты молодежи. П. П. Ершов, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, И. С. Тургенев, А. Н. Пыпин, Н. Г. Чернышевский — молодое поколение русских литераторов — добрым словом вспоминали своих наставников, которым, при всей умеренности их политических воззрений, было что передать своим воспитанникам.

Проект "История Петербургского
университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

В. Ф. ШУБИН

ВЕЧЕРА ПЛЕТНЕВА В РЕКТОРСКОМ ФЛИГЕЛЕ

В 1841 г. рядом с трезиниевскими Двенадцатью Коллегиями, переданными молодому С.-Петербургскому университету, был возведен дом ректора, или Ректорский флигель, как потом его стали называть. Тогда же в нем поселился ректор университета Петр Александрович Плетнев (1792—1865).[1] Воспитанник Педагогического института, он с 1814 г. преподавал словесность в различных частных и государственных учебных заведениях. 28 сентября 1832 г. Плетнев стал ординарным профессором по кафедре русской словесности в университете,[2] а 13 февраля 1840 г. — ректором.[3] Через год он поселился в Ректорском флигеле, где прожил более двадцати лет. Все эти годы квартира П. А. Плетнева была местом встреч и бесед представителей литературного и ученого мира.

Традиция его литературных вечеров восходит к рубежу 1810—1820 г. В ту пору молодой Плетнев, автор появлявшихся в печати элегий, посланий, баллад, сблизился с А. Пушкиным, А. Дельвигом, В. Кюхельбекером, Е. Баратынским и другими поэтами. Вместе с ними Плетнев посещал литературные «субботы» В. А. Жуковского. Когда же осенью 1820 г. Жуковский отправился в заграничное путешествие, Плетнев предложил собираться по этим дням у себя. На предложение откликнулись с готовностью, и вскоре субботними вечерами у него стали сходиться А. И. Дельвиг и Е. А. Баратынский (ставшие его близкими друзьями), В. К. Кюхельбекер и Ф. Н. Глинка, К. Ф. Рылеев и А. Ф. Бестужев.[4] Младший брат Пушкина Лев нередко читал на

---

[1] В литературе обычно указывается, что флигель построен архитектором А. Ф. Щегловым в 1834 г. (Ленинград. Путеводитель. Л., 1977, с. 77; Орлов Вл. Поэт и город. Л., 1840, с. 184), что, по-видимому, следует считать ошибкой, так как в апреле 1841 г. П. А. Плетнев сообщал Я. К. Гроту: «...произвел осмотр отстраивающегося для ректора дома...» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым (далее — Переписка...). Т. I. СПб., 1896, с. 312.

[2] В недавно появившейся статье: Горбенко Е. П. П. А. Плетнев как исследователь древнерусской литературы (Русская литература, 1982, № 4, с. 95—168) впервые на анализе лекционных курсов и программ Плетнева дана высокая оценка его как историка русской литературы.

[3] Отдел рукописей Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ф. 708, д. 894 (формулярные списки). — В 1841 г. Плетнев был избран академиком, в 1853 г. — почетным вольным общником Академии художеств. — Там же.

[4] Е. Баратынский в эти годы служил в Финляндии, но, часто наезжая в Петербург, непременно посещал вечера Плетнева. Рылеев и Бестужев стали бывать на них, по-видимому, не ранее 1822 г. Существует ошибочное мнение, что вечера Плетнева сложились еще в конце 1810-х годов и что их посещал Пушкин до отъезда в южную ссылку в мае 1820 г. (Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества Пушкина. М., 1951, с. 164). Первоисточником в данном случае послужила статья В. Гаевского, получавшего сведения от самого Плетнева (Современник, 1853, № 5, с. 54). Однако Гаевский явно по ошибке назвал здесь Пушкина участником «суббот» Плетнева, так как в другом месте той же работы он писал, что у Плетнева стали собираться с

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

них новые, полученные от ссыльного брата, стихи. По словам Плетнева, на его вечерах «обсуживались все литературные новости недели, читались и разбирались собственные только что написанные стихотворения, и таким образом совершалось взаимное литературное образование собеседников».[5] Но после декабрьских событий 1825 г., когда был казнен К. Ф. Рылеев, на крепостное заточение и Сибирь осуждены В. К. Кюхельбекер и А. Ф. Бестужев, выслан Ф. Н. Глинка, а за самим Плетневым установлено «секретное и неослабное наблюдение» (подозрения властей вызвала его связь с опальным Пушкиным),[6] эти литературные вечера прекратились на несколько лет. «Буря жизни распугала гнездо поэтов»,[7] — с горечью писал Ф. Н. Глинка.

Вечера Плетнева возобновились только в начале 1830-х годов. В 1831 г. умер Дельвиг, и Плетнев в память покойного друга решил продолжить его «среды» и «воскресенья». К этому времени в крепкую дружбу переросли его давние приятельские отношения с Пушкиным. С 1825 г. П. А. Плетнев стал основным издателем произведений поэта. Своему другу и издателю Пушкин посвятил вышедшие в 1827 г. IV и V главы «Евгения Онегина», а в 1837 г. это посвящение — «Не мысля гордый свет забавить...» — предпослал (без указания имени адресата) всему роману.

В начале 1830-х годов Плетнев познакомился и сблизился с Н. В. Гоголем. Вместе с В. А. Жуковским он опекал начинающего автора, рекомендовал его на место преподавателя истории в Педагогический институт (по-видимому, Плетнев же чуть позднее рекомендовал Гоголя и в университет), ввел его в литературные круги, познакомил с Пушкиным.

А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, С. А. Соболевский были участниками литературных вечеров Плетнева в 1830-е годы. На них также бывали М. Д. Деларю, О. М. Сомов, А. В. Никитенко, А. Ф. Воейков, Э. И. Губер и другие петербургские литераторы. Во второй половине 1830-х годов у Плетнева появляются студент университета Иван Тургенев, воронежский поэт Алексей Кольцов,[8] а на рубеже 1830—1840-х годов — беллетрист И. И. Панаев и приобретавший все большую известность В. Г. Белинский.[9]

21 сентября 1841 г. Плетнев покинул свою квартиру на Невском проспекте[10] и поселился в только что отстроенном Ректорском флигеле. «Комнат множество, — радовался он, — и так можно роскошно расположиться, что теряюсь в обилии планов».[11] Выбрав комнату для

осени 1820 г., когда уехал Жуковский (Современник, 1854, № 1, с. 22), что, в свою очередь, подтверждается письмом С. А. Соболевского к М. Н. Лонгинову (Пушкин и его современники. Вып. XXXI—XXXII. [Л.], 1927, с. 43). О вечерах Плетнева 1820-х годов см. также: Русская старина, 1909, № 1, с. 177; Рылеев К. Ф. Стихотворения. Письма. М., 1956, с. 305; Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. XIV. [Л.], 1941, с. 66; Дельвиг А. А. Полн. собр. стихов. Л., 1959, с. 214.

[5] Современник, 1853, № 5, с. 54.

[6] Русская старина, 1899, № 6, с. 509—510.

[7] Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VIII, кн. 2. СПб., 1903, с. 91.

[8] О вечерах Плетнева 1830-х годов см.: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974, с. 130; Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. Л., 1955; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28-ми т. т. 14. [М.; Л.], 1967, с. 11—21.

[9] Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. 99; Переписка... т. 1, с. 120, 138, 163, 224 и след.

[10] Невский пр., 38. Более ранние его адреса см.: Шубин В. Ф., Файбисович В. М. К литературной жизни пушкинского Петербурга. — Русская литература, 1982, № 3, с. 158.

[11] Переписка... т. 1, с. 399.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

кабинета. Петр Александрович устроил по-соседству маленькую гостиную-«эрмитаж», рядом с ней библиотеку, с другой стороны — большую гостиную и спальню. «Чудо, что за местоположение! С постели смотрю на Неву, за нею на бульвар, а там и баснословный Исаакий»,[12] — писал он.

В новой квартире продолжились его вечера. Материалы об этих вечерах содержит переписка Плетнева с Я. К. Гротом, историком литературы и его молодым другом. Опубликованная в 1896 г. сыном Грота,[13] эта внушительная по объему переписка охватывает период с 1840 по 1865 г. Письма Плетнева 1840-х годов носят характер письма-дневника: ответив на вопросы своего корреспондента, обсудив с ним новости, Плетнев переходит к «журналу» — краткой сводке событий своей жизни за истекшие несколько дней. Тут и встречаем мы имена участников его «сред».[14]

Сразу можно выделить завсегдатаев. Это бывший директор Лицея Е. А. Энгельгардт, инспектор Педагогического института П. П. Максимович, университетские профессора А. Н. Савич (астроном), И. О. Шимковский (ботаник) и ряд других. Из литераторов постоянной участницей вечеров была А. О. Ишимова, детская писательница и переводчица, издававшая детский журнал «Звездочка» (Ишимова воспитывала дочь Плетнева после смерти его первой жены). Довольно часто бывали профессор и цензор А. В. Никитенко и писатель Е. П. Гребенка, а также журналисты-издатели Ф. Ф. Корф и А. А. Краевский. Иногда приезжали В. И. Даль, поэтесса Е. П. Ростопчина, романист И. И. Лажечников, художник, критик и переводчик В. П. Лангер, писатель В. А. Владиславлев, поэт И. П. Мятлев, В. Г. Белинский, И. И. Панаев и др.

Бросаются в глаза две особенности. Вечера Плетнева уже не связаны с каким-то определенным литературным единением (так, в 1820-е на них в первую очередь были представлены конкретные литературные группировки — «союз поэтов» и «ученая республика», а в 1830-е — пушкинский круг писателей). «Активная» функция вечеров (т. е. их роль в современном литературном процессе) заметно снижается, но ее заменяет и частично компенсирует новая функция, обозначившаяся уже в 1830-е годы, — вечера Плетнева становятся живой связью нарождающейся литературы с литературой пушкинской эпохи. Далее мы еще вернемся к разговору о связи Плетнева и посетителей его гостиной с молодой литературой, а пока отметим еще одну особенность. Ядро вечеров составлял просвещенный, но не преимущественно писательский круг, т. е. его «среды» в 1840-е годы приобрели черты «салона», а не «вечеров», для которых характерна профессиональная замкнутость. Вместе с тем «среды» Плетнева далеки от великосветского салона: они немноголюдны, менее этикетны. Здесь в тихой, уютной обстановке, за чаем обсуждались литературные новинки, городские и политические новости, перечитывались любимые произведения Пушкина, Гоголя, Баратынского, Дельвига. У Плетнева не было той «пустоши большесветия», которая отталкивала его в таких многолюдных салонах, как, например, салон Карамзиных.

Отсутствие «великосветскости» и литературная направленность привлекали на «среды» Плетнева В. Г. Белинского, хотя его взгляды во многом разнились со взглядами хозяина. Для Плетнева Белинский —

---

[12] Там же, с. 405, 447.

[13] См. сноску 1 данного очерка.

[14] Среды 1840-х годов у Плетнева собирались преимущественно по средам; воскресные — лишь время от времени надолго отменялись

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

человек с «истинными мыслями и знаниями искусства»,[15] но с непонятными, а подчас и чуждыми ему взглядами на литературу. Союзника в нем он видел в отношении к Ф. В. Булгарину, Н. И. Гречу и О. И. Сенковскому («шарлатанам, лавочникам, невеждам», как называл их Плетнев[16]). Гроту Плетнев сообщал, что Белинский на одном из его вечеров читал высмеивающую Греча и Булгарина чью-то пародию на «Братьев-разбойников» Пушкина.[17] В другой раз Плетнева порадовал Панаев, пришедший вместе с Белинским и читавший «преуморительную сцену из комедии Кони, где выведен Булгарин».[18] Формировавшиеся революционно-демократические взгляды Белинского постепенно увеличивали пространство, отделявшее его от Плетнева, а в 1844 г. привели к резкой критике издаваемого Плетневым «Современника» и практическому разрыву личных отношений.

Пушкинская когорта на вечерах Плетнева была представлена в основном П. А. Вяземским и В. Ф. Одоевским (Жуковский и Гоголь были далеко от Петербурга). Но Вяземский бывал совсем редко, Одоевский—немногим чаще; вечера Плетнева без Пушкина и Гоголя стали для них малопривлекательны.[19] К тому же с Плетневым они, пожалуй, более приятели, чем друзья. Лишь с годами, чем дальше в прошлое будет уходить пушкинская пора — время ведущего положения их круга в литературе, чем явственнее будут слышны голоса представителей новых общественных сил, чем уже будет становиться их круг, тем большую потребность друг в друге будут они испытывать. В 1850-е годы отношения Плетнева с Вяземским приобретут более тесный и дружеский характер.[20] Тогда же, судя по воспоминаниям сына Плетнева, Вяземский станет частым гостем в Ректорском флигеле.

Из прежнего круга жил в Петербурге, причем совсем недалеко от Плетнева, И. А. Крылов, но в эти годы он выезжал мало. Петр Александрович время от времени навещал его. Крылов же только дважды побывал в его доме, незадолго до смерти — в феврале 1844 г.[21]

В сентябре 1843 г. на «средах» Плетнева появился Е. А. Баратынский, на короткое время приехавший в Петербург перед заграничным путешествием. По возвращении он предполагал перебраться из Москвы, где чувствовал себя очень одиноко, в Петербург, ближе к «своим» — Плетневу, Вяземскому... Но во время путешествия Баратынский скоропостижно скончался.

Непременно бывал у Плетнева, приезжая в Петербург, Н. В. Гоголь. 7 октября 1841 г. Петр Александрович, тогда только что переехавший в Ректорский флигель, сообщал Гроту: «Возвратившись из Царского Села в 6-м часу, вдруг вижу вошедшего ко мне Гоголя. Он прибыл на житье и, напечатав здесь Мертвые души, переселится в Москву...».[22] В следующий, также краткосрочный приезд в 1842 г. Гоголь скорее всего жил у Плетнева в Ректорском флигеле или на его даче в Лесном.[23]

---

[15] Переписка... т. 1, с. 163.

[16] Там же, с. 118.

[17] Там же, т. 2. СПб., 1896, с. 38. — Имелась в виду пародия (см.: Куликов Н. И. Братья-журналисты. — Там же, с. 874; Русская старина, 1885, № 2, с. 471).

[18] Переписка..., т. 1, с. 138.

[19] Плетнев же довольно часто бывал в их домах.

[20] См., напр.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 7. СПб., 1882.

[21] Переписка... т. 2, с. 188; И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 207.

[22] Переписка... т. 1, с. 408, 411.

[23] С. Т. Аксаков сообщал сыну, что Гоголь намерен остановиться в Петербурге у Н. Я. Прокоповича (Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 622), но А. О. Смирнова-Россет указывала, что Гоголь жил у Плетнева (Гоголь в воспоминаниях современников. [М.], 1952, с. 467).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

Четыре года спустя в Ректорский флигель пришла посылка из Швальбаха — Гоголь прислал Плетневу для печатания первую часть рукописи «Выбранных мест из переписки с друзьями». «Наконец моя просьба! — писал он. — Ее ты должен выполнить, как наивернейший друг выполняет просьбу друга. Все свои дела в сторону, и займись перечатаньем этой книги...».[24] Торопясь выполнить просьбу Гоголя и погруженный, как обычно, в множество собственных дел, Плетнев, не читая, передал рукопись на цензуру А. Н. Никитенко. Когда же тот переска-зал ему предпосланное книге «завещание», Плетнев был немало удивлен: «Я полагаю, — писал он Гроту, — что религиозные споры в Западной Европе и неслыханный, даже не совсем заслуженный успех его в России произвели странное брожение в голове его — и он не умел этого переварить».[25] «Завещание» показалось ему какой-то причудой, странностью — отсюда тон раздражения. Но когда Плетнев ближе познакомился с гоголевской книгой, то резко изменил взгляд: «Это высочайшая книга нравственности».[26] Политическая благонамеренность Плетнева и близкая ему идея нравственного самосовершенствования стали залогом его горячей поддержки книги, вызвавшей негодование в передовых кругах. «...Главная и важная часть книги моей, — писал ему Гоголь в 1847 г., — едва ли, кроме тебя да двух — трех человек, кем-нибудь понята».[27]

Споры вокруг «Выбранных мест...» коснулись и вечеров Плетнева. Один из студентов университета, Г. П. Данилевский, вспоминал: «Хотя обвинения Белинского (имеется в виду ходившее по рукам знаменитое письмо к Гоголю. — *В. Ш.*) для меня смягчались в кружке тогдашнего ректора Петербургского университета П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковского, отзывами иного рода, тем не менее я и мои товарищи-студенты, навещавшие Плетнева, не могли вполне отрешиться от страстной и подкупающей своим красноречием критики Белинского. Плетнев, защищая Гоголя, делал что мог. Он читал нам, студентам, письма о Гоголе живших в то время в чужих краях Жуковского и князя Вяземского, объяснял эти письма и советовал нам, не поддаваясь нападкам врагов Гоголя, самостоятельно решить вопрос, прав ли Гоголь, издавая то, о чем он счел долгом открыто высказаться перед родиной? „Его зовут фарисеем и ренегатом, — говорил нам Плетнев. — клянут его, как некоего служителя мрака и лжи, оглашают его, наконец, чуть ли не сумасшедшим... И за что же? За то, что, одаренный гением творчества, родной писатель-сатирик дерзнул глубже взглянуть в собственную свою душу, проверить свои сокровенные помыслы и самостоятельно, никого не спросясь, открыто о том поведать другим...»[28]

Из воспоминаний Г. П. Данилевского (в ту пору заподозренного в близости к петрашевцам и даже попавшего на три месяца в Петропавловскую крепость, а потом — ревностного чиновника и благонамеренного писателя) очевидно, что филиппика Плетнева слабо действовала на слушавшую его молодежь (что Данилевский стремился выдать за своего рода простительное заблуждение молодости). Гораздо большее сочувствие и понимание Плетнев находил у своих сверстников. Тут, кроме упомянутого Данилевским Вяземского,[29] стоит назвать

---

[24] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14-ти т., т. 13. Л., 1952, с. 91.
[25] Переписка ... т. 2, с. 812, 814—815.
[26] Там же, с. 866.
[27] Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. 13, с. 370.
[28] Гоголь в воспоминаниях современников, с. 436.
[29] См., кстати, суждение Плетнева о стихотворении Вяземского «Святая Русь» (1848 г.), декларировавшего отказ бывшего представителя либеральной оппозиции от

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

и Ф. Н. Глинку, которому близка была политическая и нравственно-религиозная позиция Плетнева. Глинка появился на вечерах Плетнева весной 1848 г. после более чем двадцатилетнего перерыва. Получив разрешение посетить столицу, он пробыл в ней несколько месяцев, а чуть позже обосновался в ней на несколько лет. Все это время он — частый гость в Ректорском флигеле.[30]

На рубеже 1840—1850-х годов Плетнев сближается с Ф. И. Тютчевым,[31] художником и гравером Ф. И. Иорданом,[32] также посещавшими его вечера. К сожалению, с конца 1840-х годов в письмах Плетнева Гроту исчезает дневниковая часть («журнал»). Вечера в Ректорском флигеле в 1850-е годы не прослеживаются в подробностях, но общее представление о них дают воспоминания сына Плетнева: «Я вспоминаю эти светлые годы моего детства, всякую комнату ректорского дома, старинную мебель, библиотеку, нашу детскую... Из лиц, которые в то время нас часто посещали, я вспоминаю Якова Карловича Грота с семейством, Петра Петровича и Николая Петровича Семеновых (братья жены Я. К. Грота: Н. П. — историк и переводчик Мицкевича, П. П. — знаменитый географ и путешественник Семенов-Тян-Шанский. — *В. Ш.*), князя Вяземского, писательницу Александру Осиповну Ишимову, Ивана Давыдовича Делянова (попечителя университета. — *В. Ш.*), Федора Ивановича Тютчева, молодого поэта <С. А.> Николаевского, профессора Академии художеств Федора Ивановича Иордана... и многих других.

Я не застал периода, когда моего отца посещали Пушкин, Жуковский, Гоголь и другие корифеи нашей литературы, но память о них как бы витала не только в разговорах, но запечатлелась на окружающих предметах, точно говоривших стихами Жуковского:

Не говори с тоской — их нет.
Но с благодарностию — были!»[33]

Плетнев действительно рыцарски был предан прошлому. Пушкину, Дельвигу, Баратынскому, Крылову, Жуковскому он посвятил литературные очерки-портреты. Немало хлопот брал он на себя по организации изданий произведений покойных друзей. Так, в 1847 г. Плетнев подготовил образцовое для своего времени «Полное собрание сочинений» в трех томах И. А. Крылова. За помощью в вопросах переизданий к нему обращались и Н. Н. Пушкина-Ланская, и С. М. Дельвиг-Баратынская, и Н. Л. Баратынская. «Совершенно полагаюсь на Вас как на лучшего друга покойного Дельвига», — писала ему осенью 1849 г. С. М. Дельвиг-Баратынская, обращаясь с просьбой взять на себя посредничество между ней и А. Ф. Смирдиным при подготовке изданий стихотворений Дельвига. «Вы, по моему мнению, — добавляла она, — принадлежите к тем редким людям, которых время не изменяет».[34] В 1840 г. по просьбе книгоиздателей Заикина и Глазунова Плетнев «опекал» осуществляемое ими издание сочинений Пушкина.[35]

прежних взглядов: «...Вяземский напечатал прекрасные стихи... Они важны и по политическим обстоятельствам» (Переписка... т. 3. СПб., 1896, с. 240).

[30] Подробнее см.: Шуоми Э. Ф. Федор Глинка и его петербургский салон в 1850-е годы. — Русская литература, 1980, № 2, с. 159—163.

[31] Тютчев впервые побывал у него в феврале 1846 г. (Переписка... т. 2, с. 677).

[32] Записки ректора и профессора Академии художеств Ф. И. Иордана. М., 1918, с. 304 и след.

[33] Плетнев А. П. Воспоминания о Плетневе. — Исторический вестник, 1907, № 3, с. 956—957.

[34] Институт Русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (далее ИРЛИ), ф. 234, оп. 3, д. 81; см. также письмо Н. В. Путяты. — Там же, д. 552.

[35] Переписка... т. 1, с. 130.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Сохранилась записка к нему 1848 г. от Н. Н. Пушкиной-Ланской с просьбой прийти на совещание по поводу нового издания сочинений Пушкина.[36] С Натальей Николаевной, жившей в Петербурге, у Плетнева были теплые дружеские отношения. Он бывал в ее доме, и она иногда заезжала в Ректорский флигель проведать его. «Мы с вами давно очень не видались, — писала она ему в декабре 1847 г., — но я думать не могу и не хочу, чтоб столь искренния связи старинной нашей дружбы могли когда-нибудь прекратиться».[37]

О преданности Плетнева прошлому хорошо сказал И. С. Тургенев: «Он не расставался с дорогими воспоминаниями своей жизни; он лелеял их, он трогательно гордился ими. Рассказывать о Пушкине, о Жуковском — было для него праздником».[38]

Верность прошлому не притупляла у Плетнева интерес к современной литературе. Он мог принимать ее или не принимать,[39] но не мог быть к ней равнодушен. И гостиная его в Ректорском флигеле была широко открыта для молодежи. Тургенев писал, что Плетнев до самой старости с участием слушал произведения новых писателей и «произносил свой суд, не всегда глубокий, но почти всегда верный».[40] Сам Тургенев был глубоко благодарен этому «словеснику старого закала» за поддержку, оказанную еще в 1830-е годы, когда тот обратил внимание на его ранние, студенческие опыты. Подобную признательность сохранил к Плетневу и П. П. Ершов, подавший ему в 1834 г. в качестве зачетной работы свою сказку «Конек-Горбунок», которую Плетнев тут же высоко оценил и стал пропагандировать.[41] В 1842 г. Плетнев с большим сочувствием встретил книгу стихотворений выпускника университета Аполлона Майкова, и когда молодой поэт впервые посетил его, он с радостью писал Гроту: «И так Майков приобщился к моему маленькому кругу».[42] А через два года в этот круг вошел студент Алексей Плещеев, стихи которого Плетнев стал печатать в «Современнике». «У него виден талант, — сообщал Плетнев другу. — Я призывал его к себе и обласкал его».[43] Наставника и покровителя в лице Плетнева нашли также Н. С. Соханская (Н. Кохановская),[44] П. А. Кулиш (он даже жил некоторое время в доме Плетнева).[45]

Разумеется, молодые писатели тянулись к Плетневу не только в расчете на поддержку и покровительство, но и веря в его художественный вкус, интуицию. К тому же на Плетневе, как и его гостиной, словно лежал отблеск величия пушкинской эпохи. Все это прекрасно выражено в обращенном к нему стихотворении А. Н. Майкова:

За стаею орлов двенадцатого года
С небес спустилася к нам стая лебедей,

---

[36] ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, д. 554.

[37] Там же.

[38] Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева... с. 21. — Попутно заметим, что разрозненные свидетельства Плетнева широко использовались историками литературы: Я. К. Гротом, П. В. Анненковым, П. И. Бартеневым, В. П. Гаевским, П. П. Пекарским.

[39] Среди во многом «непринятых» Плетневым были М. Ю. Лермонтов (см. напр.: Переписка... т. 1, с. 129—130, 138—139, 145, 163; Письма Плетнева к Д. И. Ростеву. — Русский архив, 1877, кн. 3, с. 365), Ф. М. Достоевский (Переписка... т. 2, с. 663, 671).

[40] Тургенев И. С. Литературный вечер у Плетнева... с. 21.

[41] Толстяков А. П. Пушкин и «Конек-Горбунок» Ершова. — В кн.: Временник пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982, с. 28—36.

[42] Переписка... т. 1, с. 519; см. также с. 498.

[43] Там же, т. 2, с. 213.

[44] Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). Биографический очерк. СПб., 1909.

[45] См. его письма к М. В. Юзефовичу (Киевская старина, 1899, № 1—3).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

И песни чудные невиданных гостей
Доселе памятны у русского народа.
Из стаи их теперь один остался ты,
И грустный между нас, задумчивый ты бродишь,
И, прежних звуков полн, все взоры с высоты,
Куда те лебеди умчалися, не сводишь.

В 1861 г. в университете начались волнения, вызванные манифестом 19 февраля. Плетнев, находившийся за границей, по словам И. С. Тургенева, «скорбел о своем „бедном" университете, и осуждение его падало не на одних молодых людей».[46] Он был явно недоволен новым министром просвещения Е. П. Путятиным, деятельность которого отчасти спровоцировала студенческие волнения. Вернувшись в Петербург, Плетнев подал в отставку. Однако Путятина вскоре сменил А. В. Головнин, назначивший Плетнева главой комиссии, которая должна была рассмотреть все случившееся, приведшее к закрытию университета. Плетнев стал одним из тех, кто настаивал на необходимости упразднения в университете полицейских порядков.[47] В феврале 1862 г. он писал Л. Н. Толстому: «Может быть, из газет Вы усмотрели, что во время путятинского управления министерством я за лучшее почел распрощаться с ректорством. Это, однако же, не помешало новому министру на меня возложить восстановление всего разрушенного. Под другим наименованием я по-прежнему и живу, и действую в Университете».[48]

В Ректорском флигеле Плетнев, по-видимому, оставался до отъезда за границу в 1863 г. Через два года он умер в Париже в возрасте семидесяти трех лет.[49]

* *
*

В 1876 г. ректором университета и очередным хозяином Ректорского флигеля стал А. Н. Бекетов, у дочери которого в 1880 г. здесь родился сын — будущий поэт Александр Блок. Известно, что при появлении на свет он был принят на руки семидесятидвухлетней прабабушкой Александрой Николаевной Семеновой (тещей А. Н. Бекетова).[50] Современница Пушкина, она знала многих замечательных людей той поры, в том числе и Плетнева, у которого училась в частном пансионе вместе с будущей женой Дельвига.[51] В 1824 г. Плетнев посвятил ей стихотворение «Покой души, забавы, ожиданья...».[52] А. Н. Семенова первой начала обучать совсем еще маленького Блока грамоте. Так будущий поэт оказался символически связан с культурой пушкинской поры. Другим звеном этой символической связи можно считать и сам дом, в котором он родился и который знали и посещали многие его замечательные предшественники.

---

[46] Тургенев И. С. Литературный вечер у Плетнева... с. 21.
[47] История Ленинградского университета. Л., 1969. с. 72.
[48] Толстой. 1850—1860. Материалы. Статьи. Л., 1927. с. 23. — О знакомстве Плетнева с Толстым кроме этого изд. см.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90-та т., т. 60. М., 1949, с. 424.
[49] Похоронен Плетнев в Александро-Невской лавре.
[50] Орлов Вл. Поэт и город. Л., 1980. с. 184—191.
[51] Модзалевский Б. Л. Пушкин. [Л.], 1929.
[52] Поэты 1820—1830-х годов. Т. 1. Л., 1972, с. 342, 740.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Ю. Д. МАРГОЛИС

ШЕВЧЕНКОВЕДЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Изучение творчества и политической деятельности Т. Г. Шевченко своеобразно и ярко характеризует богатство интернациональных традиций Ленинградского университета, уходящих своими корнями во время совместной борьбы народов России против царского самодержавия.[1] В 50-х годах XIX в. в Петербургском университете сложилась «партия Шевченко», когорта революционно настроенных участников первого демократического натиска на царизм, а его вожди — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов создали основы революционно-демократической концепции творчества и деятельности великого Кобзаря. Во второй половине XIX — начале XX в. представители прогрессивной профессуры университета (Н. И. Костомаров, А. Н. Пыпин, В. И. Семевский, А. Я. Ефименко и др.) немало сделали для изучения жизни, политической деятельности и творчества великого Кобзаря с демократических позиций.[2] Приверженность большинства этой профессуры народническим доктринам объясняет и сильные (выявление фольклорных истоков поэзии Шевченко, ее антикрепостнического характера, места Шевченко в кругу крупнейших поэтов славянского мира), и слабые (преувеличение национальных мотивов творчества, невнимание к политическим аспектам деятельности поэта) стороны ее вклада в развитие шевченковедения. Богата яркими фактами участия демократического студенчества и прогрессивной профессуры Петербургского университета история дореволюционных шевченковских годовщин.[3] На пролетарском этапе революционного движения университанты-большевики использовали набатное слово Шевченко для вовлечения студенческой молодежи в массовые революционные действия, возглавленные пролетарским авангардом.[4]

После победы Великого Октября приобщение широчайших народных масс к классическому наследию стало одной из важнейших задач политики рабоче-крестьянского государства в области культуры. Этим была вызвана и необходимость изучения биографии и творчества

---

[1] Итс Р. Ф., Флоринский М. Ф. Национальные и интернациональные традиции Ленинградского университета. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. IV. Л., 1982, с. 3—14.

[2] Шевченкознавство. Підсумки і проблеми / Відп. ред. Є. П. Кирилюк. Київ, 1975. — Ученицей А. Я. Ефименко на ВЖК Петербургского университета была М. С. Шагинян, внесшая выдающийся вклад в развитие советского шевченковедения.

[3] Марголис Ю. Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, т. IV. Л., 1982, с. 33—51.

[4] Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. II. Петербургский — Петроградский университет. 1895—1917 / Под ред. В. В. Мавродина, В. А. Ежова. Л., 1982, с. 128.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Т. Г. Шевченко на новой методологической основе, потребность опровержения лживых — как националистических, так и великодержавно-шовинистических — «интерпретаций» наследия великого украинского поэта-революционера. Обогащая и поднимая на качественно новую ступень достижения демократической историографии и прогрессивного литературоведения в изучении Шевченко, накопленные в дореволюционное время, ученые Ленинградского университета внесли весомый и оригинальный вклад в марксистско-ленинскую шевченкиану.

* * *

Первым в ряду имен шевченковедов Ленинградского университета должно быть названо имя его профессора и ректора (в 1923—1927 гг.) крупнейшего советского слависта академика Н. С. Державина. Ученый считал, что история жизни Шевченко составляет не только органическую часть развития литературы, но и народной мысли, народной культуры. Глубокий знаток биографии Шевченко,[5] блестящий критик переводов «Кобзаря» на русский язык[6] Н. С. Державин существенно продвинул изучение истоков революционного демократизма поэта, показав органическую связь развития его общественно-исторических воззрений и учета опыта движения дворянских революционеров, фактов антикрепостнических выступлений крестьянства на Украине в 30—40-е годы XIX в., участия поэта в Кирилло-Мефодиевской организации.[7] Уместно заметить, что глубоко историчная постановка вопроса академиком Н. С. Державиным об истоках крестьянской революционности Шевченко далеко не сразу оказала свое плодотворное воздействие. Даже под редакцией Н. С. Державина в 1934 г. вышла, например, работа В. В. Данилова, плодотворно работавшего в последующие годы в шевченковедении, не свободная от черт вульгарного социологизма. Здесь можно прочесть, будто в ранний период Шевченко испытал влияние «традиционной дворянской идеологии», а на следующем этапе своего развития — воздействие «среднедворянской интеллигенции» и т. п. в целях представить «поэзию Шевченка как динамику классовых воздействий и реакций на них писателя».[8]

Державин рассматривал творчество Шевченко как одно из ярчайших проявлений славянского Возрождения первой половины XIX в.,[9] специально изучал связи Т. Г. Шевченко с одним из основоположников русской славистики — О. М. Бодянским, положил начало изучению процесса взаимовлияния Шевченко и русских, чешских, словацких, польских романтиков.[10] В тексте доклада, повторенном на торжественном заседании в Колонном зале Дома Союзов в Москве, посвященном 125-летию со дня рождения Шевченко, были — по обстоятельствам, внешним для шевченковедения, — опущены разделы о влиянии поль-

---

[5] Державин Н. С. **Тарас Григорьевич Шевченко. 1814—1861—1921.** — Известия, 1921, 10 марта.

[6] Державин Н. [Рец. на кн.:] Т. Г. Шевченко. Кобзарь. М., 1919. — Книга и революция, 1922, № 7.

[7] Державин Н. С. Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении: Доклад, прочитанный на пленарном собрании Института славяноведения АН СССР 27.XII.1931, посвященном 70-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко. — Изв. АН СССР. Отр. обществ. наук. 7-я серия, 1932, № 5, с. 395—401.

[8] Данилов В. В. Социальные основы поэзии Шевченко. — Труды Института славяноведения АН СССР / Под ред. Н. С. Державина. Т. II. Л., 1934, с. 103—114.

[9] Державин Н. С. Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении, с. 401—421.

[10] Там же, с. 406—421.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru

ской литературы на Шевченко и о развитии демократических идей в славянских странах в первой половине XIX в.[11]

Разностороннее развитие получила в работах Н. С. Державина мысль о сформировании на рубеже 50—60-х годов единого противокрепостнического и антисамодержавного фронта русских и украинских революционных демократов, причем «эта именно близость Шевченко к Чернышевскому и его сторонникам была особенно ненавистна украинским националистам».[12]

В то время, когда в шевченковедческих работах, в том числе и происходящих из круга ленинградских универсантов, еще можно было прочесть, будто ненависть поэта к польским и русским помещикам, русским чиновникам, немецкой и еврейской буржуазии часто переходила во вражду ко всем полякам, русским и другим народам, которые ни чуть не были виноваты в бедствиях Украины, Державин писал о «глубокой, органической, идейной и конкретной связи с русской политической мыслью и революционным движением в России: вне этой связи Шевченко как великий народный поэт Украины немыслим и неотделим от культуры великого русского народа, от его искусства и науки, от его литературы и художественного слова».[13] Разумеется, не все итоги этого исследования 30-х годов выдержали проверку временем. Иные потребовали уточнений: в частности, утверждение о том, что Шевченко «примыкал» к «наиболее радикальной части» кирилло-мефодиевцев, «принимая» идеи утопического социализма и вооруженного народного восстания. Последующие исследования выявили иную расстановку сил в крупнейшей на Украине нелегальной политической организации 1840-х годов; Шевченко занимал в ней особое положение единственного последовательного революционного демократа, идеолога крестьянской революции.[14]

Глубокий вклад в исследование общественно-политического окружения Шевченко внес в годы своего профессорства в Петроградском — Ленинградском университете выдающийся советский литературовед и историк Ю. Г. Оксман. В пору, когда изучение связей Шевченко с русскими революционными демократами еще не началось, Ю. Г. Оксман акцентировал внимание на общественно-политической деятельности поэта в 1840-х годах, подчеркнуто именуя его «кирилло-мефодиевцем». Ученый опубликовал ценные материалы о двух представителях радикального крыла Кирилло-Мефодиевского общества — Н. И. Гулаке и Н. И. Савиче.[15] По достоинству высоко оценив в специальном разборе монографию П. Филиповича о связях Шевченко с демократической традицией, Ю. Г. Оксман поддержал мысль о значительном влиянии герценовского восприятия декабристов на Шевченко: «В самом деле, патетика „Колокола" и „Полярной звезды" дает себя знать в самой фразеологии бывшего кирилло-мефодиевца — вспомним его противопоставление „первых русских благовестителей свободы" „не первому русскому коронованному палачу" или тираду в его же дневнике о декабристе Анненкове — „одном из первозванных наших апостолов"».[16]

---

[11] Державин Н. С. Творчество Т. Г. Шевченко в его историческом и идеологическом окружении. — Вестн. АН СССР, 1939, № 4-5, с. 88—97.

[12] Там же, с. 93.

[13] Вестник АН СССР, 1939, № 4—5, с. 96.

[14] Зайончковский П. А. Кирилло-мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959, с. 104.

[15] Оксман Ю. Г. Кирилло-мефодиевцы в Малороссии (обзор материалов Одесского фонда). — Борьба классов, 1931, № 1-2, с. 250—261.

[16] Оксман Ю. Г. [Рец. на кн.:] П. Филипович. Шевченко і декабристи. Київ, 1926. — Каторга и ссылка, 1927, № 2, с. 278—279.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Ю. Г. Оксман, для которого в высокой степени характерно то, что предметом его преимущественного интереса была «идеологическая сторона художественной и публицистической литературы»,[17] в качестве весьма актуальной задачи исследования «нашего революционного прошлого» выдвигал воссоздание истории Кирилло-Мефодиевского общества с учетом работ В. И. Семевского, на основе «систематических разысканий в наших политических архивах» и критического изучения «всего литературного наследия первых украинских социалистов и национал-либералов 40-х годов». (Заметим, что задача фундаментальной публикации материалов по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе сохраняет свою актуальность.) Существен вклад Ю. Г. Оксмана в оценку «историко-революционной значимости» дневника поэта, в атрибутирование его графики. Ю. Г. Оксман выступил против предпринимавшихся попыток приглушить буржуазный национализм П. Кулиша. Во второй половине 1950-х годов Ю. Г. Оксман принял деятельное участие в полемике об авторской принадлежности рецензии «Отечественных записок» на первое издание «Кобзаря».[18]

Понятно, что уже в первые годы Советской власти проблема «Шевченко и царская цензура» стала остро актуальной и в научном, и в еще большей степени в политическом отношении. Вопреки этому исследования по теме долгое время касались лишь ее «периферии».[19]

В 1931 г. в сборнике, подготовленном факультетом истории, языка и материальной культуры ЛГУ, была опубликована статья Ф. Х. Бутенко «К цензурной истории „Кобзаря"».[20] Разумеется, рамки статьи не позволяли даже и претендовать на исчерпание темы, но заслуга автора состояла в ее содержательной постановке.

Цензурная история Шевченко, творчество которого «было от слова до слова социальным», по мысли автора, «наиболее показательна»: стихами Шевченко «занимались иногда министры, святейший синод и даже „сам" император» (с. 120).

Обращаясь к фактам прохождения через цензуру «Кобзаря» 1860 г., Ф. Х. Бутенко специально остановился на полемике главного цензора С. Н. Палаузова и министра народного просвещения вокруг стихотворения «Думи мої, думи мої...», то странным образом упустил упомянуть, что в целом рукопись «Поэзія Т. Шевченка. Том первый» была Палаузовым одобрена. Запрещение же рукописи к изданию было следствием позиции, занятой цензором А. Г. Троиницким,[21] поддержанной Главным управлением цензуры. Не привлекла внимания автора и научная деятельность С. Н. Палаузова — ученика О. М. Бодянского, автора диссертации «Иоанн Гус и его последователи».[22] Как бы ни уступала эта диссертация глубиной интерпретации Гуса (вдохновенный религиозный реформатор) сравнительно с шевченковской поэмой «Єретик» (героический вождь, возглавивший борьбу чешского народа против Ватикана и агрессии немецких феодалов) — восторженное отно-

---

17 Берков П. Н. Ю. Г. Оксман — литературовед. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1962, № 14, с. 88.

18 Оксман Ю. Г. 1) Новейшая украинская литература о Шевченко и Кирилло-мефодиевцах. — Каторга и ссылка, 1929, № 5, с. 179—182; 2) Летопись жизни и деятельности В. Г. Белинского. М., 1958, с. 567—568.

19 Данилів В. «Киевская старина» по цензурным документам. — Бібліологічні вісті, 1925, № 3, с. 113—130.

20 Сборник работ студентов-выдвиженцев, аспирантов и научных работников / Под ред. и с предисловием Я. К. Пальвадре. Л., 1931, с. 127—141. — Ниже ссылки на статью Ф. Х. Бутенко даются в скобках.

21 Бородін В. С. І. Г. Шевченко і царська цензура. Дослідження та документи. Київ, 1969, с. 123.

22 Палаузов С. Иоанн Гус и его последователи. М., 1845. Ср. отзыв в журн.: Отечественные записки, 1845, февраль, с. 43.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

шение Пыпина-историка к Гусу[illegible] вне сомнения. Неизбежен выв[illegible]
ускользнувший от внимания автора статьи о цензурной истории [illegible]
заря»: одобрение, пусть отнюдь не безусловное, первого тома сочине-
ний, подготовленных Шевченко к изданию в 1858 г., имело глубо[illegible]
личные причины, уходящие в [illegible] цензора, в пору его [illegible]
к О. М. Бодянскому и И. И. Срезневскому.

Цензурная история «Кобзаря» 1860 г., считает Ф. Х. Бутенко, позволяет с достаточной ясностью «определить, какие стороны в твор[illegible]честве Т. Шевченко находились в наибольшем противоречии с по[illegible]мещичье-царским режимом. [illegible]ались во-первых, боялся в Т. Шев[illegible]ченко обличителя классового неравенства, во-вторых, боялся проявле[illegible]ний в его поэзии центробежной, сепаратистской мысли, в-третьих, бо[illegible]ялся Т. Шевченко как критика и разоблачителя религии и церкви [illegible]этого основного оплота царизма» (с. 134). Приведенное место позво[illegible]ляет видеть и сильные стороны классово заостренного анализа, и из[illegible]держки вульгарного социологизма [illegible] отмечено оригинальное [illegible]ко. Изображение Шевченко выразителем [illegible]паратистской мысли» было сознательно избранным средством фальси[illegible]фикации идейной направленности его поэзии в целях локализации ее [illegible]вия. Истинное значение политической позиции революционного поэта — пропаганда идеи крестьянской революции во имя идеала еди[illegible]ной, вольной, новой семьи свободных народов — было уяснено наибо[illegible]лее дальновидными деятелями самодержавного государства еще в ни[illegible]колаевское время.

«Типом» уже «совершенно новой пореформенной цензурной критики» автор представляет позицию цензора А. Смирнова, обосновавшего необходимость ареста «Кобзаря» издания Д. Е. Кожанчикова в 1867 г. На это издание, как известно, арест был наложен во внесудебном порядке. Трудность формального судебного преследования А. Смирнов мотивировал как тем, что «песни Шевченко суть только грустные воспоминания без всякой тенденции», так и тем, что будто бы «с 19 февраля 1861 г. состояние крестьян Ю[го]-З[ападного] края совершенно изменилось, и элегии Шевченко могут производить впечатление только как предание». К тому же, замечал цензор, по цене (1 р. [illegible]ть доступна только людям достаточным, которые знают об участи Малороссии может быть больше, нежели сколько можно узнать из элегий Шевченко» (с. 134). Последний аргумент Ф. Х. Бутенко и представляет как «вполне капиталистический по своему характеру» (с. 135). В определенном противоречии с этим утверждением автор констатировал ниже приверженность цензурного ведомства и во второй половине 60-х годов к крепостническим методам защиты союза «помещика и капиталиста с полицейским государством и церковью» (с. 135).

Это, по мнению Ф. Х. Бутенко, подтверждали многочисленные факты цензурного террора в отношении наследия Шевченко вплоть до революции 1905 г., вынужденного [illegible]изурного «либерализма» 1907—[illegible]р всех изданий «Кобзаря» под редакцией В. Доманицкого (1908, 1910, 1911 гг.), чья деятельность составила целую главу в истории шевченковской текстологии, возбуждение судебного преследования против и[illegible] — В. Яковенко и «Общества им. Т. Шевченко для вспомоществования нуждающимся [illegible]роженцам Южной России учащихся в высших учебных заведениях С.-Петербурга». Выше (с. 136) Ф. Х. Бутенко, используя дело «О недозволенной рукописи дворянина Яковенко „Биография Т. Шевченко"» и фондов Петербургского цензурного комитета, привел основные факты из истории запрета в 1892 г. биографии Шевченко, написанной В. Яковенко для серии Павленкова

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

«Жизнь замечательных людей». Ф. Х. Бутенко привел перечень стихотворений Шевченко (двадцать два названия, в их числе: «Сон», «Великий Льох», «Кавказ», «Холодний Яр», «Я нездужаю», «Во Іудеї во дни оны», «Хотя лежачого и не бъють», «Гімн черничий», «Марія»), в которых цензурный комитет усмотрел «состав преступлений, предусмотренных ст. 128 и 73 и 74 уголовного уложения изд. 1913 г.» (с. 140), и приговор 1913 г. о «Кобзаре» издания 1907 г. — уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения...» (с. 141).

Ученые Ленинградского университета деятельно участвовали в подготовке к 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко в 1939 г. — юбилею, вылившемуся в яркую демонстрацию дружбы и братства народов СССР.

В рамках подготовки к юбилею несколько ярких шевченковедческих исследований опубликовал профессор филологического факультета, видный советский некрасовед В. Е. Евгеньев-Максимов. Среди них — статья об участии Н. А. Некрасова в качестве эксперта в процессе издателей Д. Ю. Кожанчикова (книжный магазин которого на рубеже 50—60-х годов был одним из центров революционно-демократического подполья, местом встреч, в частности, и университетов «партии Чернышевского — Шевченко»[23]) и И. Т. Лысенкова о связях Шевченко с Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским, публицистические выступления, пропагандировавшие творчество великого Кобзаря. В. Е. Евгеньев-Максимов — соавтор пособия для учителей «Т. Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях».[24]

Ряд положений, выдвинутых В. Е. Евгеньевым-Максимовым, будучи новаторскими для своего времени, приобрели значение своего рода путеводных для развития шевченковедческой науки. Таково специальное внимание исследователя к эволюции исторических воззрений поэта от «любования подвигами гетманов и атаманов-старшин» до «изображения широких картин героической казацкой вольности».[25] Такова интерпретация безоговорочного предпочтения поэтом фольклорных исторических источников (о чем сказано, в частности, в «Гайдамаках») как целой программы «демократического реализма в освещении исторических событий».[26] Таково утверждение ученого, что изучение «русских повестей должно сделаться органической составной частью советского шевченковедения»,[27] причем повесть «Художник» «может быть учтена как один из достовернейших материалов и для биографии и самого Шевченко и Брюллова, и для истории Академии художеств начала 40-х годов».[28] И университета, добавим мы. В. Е. Евгеньев-Мак-

---

[23] Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. — Исторические записки, т. 39, 1952, с. 94; Хинкулов Л. Тарас Шевченко. М., 1960, с. 524—525; Жур П. Шевченківський Петербург. Київ, 1972, с. 123—124.

[24] Евгеньев-Максимов В. Е. 1) Т. Г. Шевченко и круг «Современника». — Литературная газета, 1939, № 1, 26 февр.; 2) Добролюбов и Чернышевский о поэзии Т. Г. Шевченко. — Огонек, 1939, № 2, с. 13—14; 3) Т. Г. Шевченко в Петербурге. — Ленинградская правда, 1939, № 30, 6 февр.; 4) В боротьбе з паном "плантатором" (епізод з біографії Шевченка). — Пролетарська правда, 1939, № 46, 24 февр.; 5) Найлюбимиший поэт. — Комсомолец Украины, 1939, № 11, 6 марта; 6) Тарас Григорьевич Шевченко: Жизнь и творчество. — В кн.: Т. Г. Шевченко в портретах и иллюстрациях: Пособие для учителей средней школы / Сост. М. М. Калаушин. Редакция и статьи В. Е. Евгеньева-Максимова и Э. Ф. Галлербаха. Л., 1940.

[25] Евгеньев-Максимов В. Тарас Григорьевич Шевченко: Жизнь и творчество, с. 13.

[26] Там же, с. 14.

[27] Там же.

[28] Там же.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

симов одним из первых в шевченковедении обращал внимание на то, что в годы студенчества в Академии художеств поэт нередко посещал лекции «профессоров университета».[29]

Изучая проблему взаимоотношений Шевченко с вождями русской революционной демократии, В. Е. Евгеньев-Максимов показал, что глубокую ошибку Белинского — отрицательную оценку им «ранних поэтических опытов» Шевченко — исправили «два критика, которые с полным правом могут быть названы его преемниками... Мы имеем в виду великих шестидесятников... представителей „мужицкого демократизма" (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 206) в русской литературе — Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского».[30] Добролюбовскую оценку народности поэзии Шевченко В. Е. Евгеньев-Максимов считал «по существу своему совершенно правильной» и даже полагал, что она «должна быть положена в основу любой современной ее характеристики».[31] Подчеркивая, впрочем, что Н. Г. Чернышевский «в одном очень существенном пункте дополнил Добролюбова», показав, что «Шевченко был чужд всякого национализма и в известной мере уже усвоил себе точку зрения, близкую к классовой».[32] Именно этим ученый аргументировал свое убеждение, что Шевченко был «очень далек» от «аполитизма» Кирилло-Мефодиевского общества.[33]

Особенно глубоко (по понятным причинам) В. Е. Евгеньев-Максимов исследовал отношение к Шевченко Н. А. Некрасова. Считая, что «можно и должно говорить о настоящем культе» демократического русского писателя в поэзии Некрасова, Евгеньев-Максимов еще в работе 1923 г. подчеркивал, что отношение Некрасова к великому украинскому поэту было таким же, как и к русским писателям «революционного направления» Н. Г. Чернышевскому, М. И. Михайлову, Д. И. Писареву.[34]

В канун 125-летия со дня рождения поэта вышел в свет и том «Избранных стихов» Т. Г. Шевченко со вступительной статьей и комментариями И. Г. Ямпольского, питомца и преподавателя (с 1966 г.— профессора) Ленинградского университета, одного из зачинателей научного исследования русской демократической литературы XIX в. Пересмотрев свои ранние интерпретации шевченковского творчества, не свободные от определенных вульгаризаторских влияний, И. Г. Ямпольский во вступительной статье и в комментариях к сборнику воссоздал облик Шевченко не только как поборника крестьянской революции, но и как певца дружбы народов.[35] Критика положительно оценила отбор стихотворений для тома (впрочем, отсутствие в книге поэмы «Сон» было справедливо отмечено как существенное упущение[36]) и высокое качество редактирования, приблизившее «перевод к подлиннику». Перу И. Г. Ямпольского принадлежат исследования о творче-

---

[29] Там же, с. 5.

[30] Евгеньев-Максимов В. Добролюбов и Чернышевский о поэзии Шевченко. — Огонек, 1938, № 2, с. 13—14.

[31] Там же, с. 13.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Евгеньев-Максимов В. Культ русского писателя в поэзии И. А. Некрасова. — В кн.: Некрасов. К 50-летию со дня смерти. Л., 1923, с. 34—45.

[35] Шевченко Т. Г. Избранные стихотворения / Предисл. и примеч. И. Ямпольского. Л., 1938.

[36] Резец, 1939, № 7, с. 25.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ских взаимоотношениях Шевченко с Некрасовым,[37] Гулак-Артемовским,[38] поэтами «Искры».[39]

Различные аспекты темы «А. М. Горький о Т. Г. Шевченко» (в частности, историографический и источниковедческий) нашли отражение в монографии Н. К. Пиксанова 1946 г.,[40] в которой, в частности, в общей форме отмечена ценность мыслей о значении творчества Шевченко, высказанных Горьким в его каприйских лекциях по истории русской литературы.[41] В этих лекциях Горький, называя Шевченко «первым истинно демократическим поэтом в России», «не искажавшим субъективными добавлениями народных дум и чувств», высказал сожаление, что деятели русской демократической культуры «не учились у Шевченко».[42] Уместно напомнить, что советским шевченковедением в последующие годы было мобилизовано огромное количество фактов, подтверждающих, что революционно-демократическая поэзия Шевченко была широко освоена передовой русской общественной мыслью, демократической литературой, прогрессивной историографией.[43]

В 1940—50-х годах на филологическом и историческом факультетах читал курс истории русской литературы видный шевченковед И. Я. Айзеншток, в кругу многолетних научных интересов которого были биография поэта, проблемы текстологии шевченковского наследия, связи поэта с русской литературой, с российским освободительным движением.[44] В годы работы в Ленинградском университете И. Я. Айзеншток участвовал в издании Собрания сочинений Т. Г. Шевченко в пяти томах на русском языке,[45] а в 1948 г. опубликовал исследование «Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков».[46]

В 1949 г. академик Л. С. Берг в разделе «Бутаков и Шевченко» своей монографии по истории географических открытий ввел в научный оборот документы из фонда Морского инспекторского департамента, в их числе секретное письмо военного министра князя А. Чернышева от 4 декабря 1850 г. на имя начальника Морского штаба адмирала князя А. С. Меньшикова «о взыскании с капитан-лейтенанта Бутакова за упущение по наблюдению за рядовым Шевченко», о котором в июне 1850 г. «дошло до высочайшего сведения, что этот рядовой вел с некоторыми лицами переписку, рисовал и иногда ходил в партикулярном платье...». Эти документы, рисующие благородство А. И. Бутакова, яркими штрихами дополнили историю русско-украинских общественных и научных контактов.[47]

В 1951 г. на филологическом факультете защитил докторскую дис-

---

[37] Ямпольский И. Г. Заметки о Некрасове. — Научн. бюл. Ленингр. ун-та, 1947, № 16—17, с. 48—51.

[38] Бернандт Г., Ямпольский И. Гулак-Артемовский и его русские связи. — В кн.: Из истории русско-украинских музыкальных связей: Сб. статей. М., 1956, с. 226—228.

[39] Ямпольский И. Г. 1) Поэты «Искры», т. 1—2. Л., 1955; 2) Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973; 3) Середина века: Очерки о русской поэзии 1840—1970 гг. Л., 1974.

[40] Пиксанов Н. К. Горький и национальные литературы. М., 1946, с. 30—32.

[41] Горький М. О русской литературе. М., 1939, с. 189, 199.

[42] Там же, с. 189.

[43] Приймак Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX в. М.; Л., 1961; Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983.

[44] Айзеншток Іеремія Якович. — Шевченківський словник, т. 1. Київ, 1978, с. 26—27.

[45] Тарас Шевченко. Собр. соч. в 5-ти т. М., 1947—1949.

[46] Айзеншток И. Я. Т. Г. Шевченко и петрашевец А. В. Ханыков. — Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 67, 1948, с. 102—107.

[47] Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1949, с. 212.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

сертацию на тему «Иван Франко и русская литература» М. М. Пархоменко.[48] Диссертант к тому времени был известен уже и как шевченковед; его первое исследование, посвященное Шевченко, было опубликовано еще в 1939 г.[49] Исследуя многогранные связи творчества И. Франко с русской литературой, обосновывая свой вывод о том, что «Франко верный из украинских критиков и историков литературы <...> в своих статьях, письмах, высказываниях почти систематически <...> проследил эти связи, начиная с отдаленных времен и кончая собственным творчеством», М. М. Пархоменко подчеркивал, что тем самым Франко продолжал и поднимал на новую ступень революционно-демократические традиции своего великого предшественника — Тараса Шевченко.[50]

Причин участия Шевченко в реакционном «Маяке» коснулся в своих очерках по истории русской журналистики 1840—1850-х годов А. Г. Дементьев. Верной представляется мысль о том, что редакция журнала стремилась расширить ряды поборников «спасительного самодержавия» за счет привлечения писателей-украинцев. Справедливо и то, что участие Шевченко в «Маяке» «носило случайный характер» и наверняка связано с тем, что близкий к журналу П. Корсаков был благожелательным цензором «Кобзаря» 1840 г. А вот утверждение, что принципы «официальной народности» «Маяк» славил «на каждой своей странице, во всех своих отделах и притом в псевдонародном, юродивом стиле»,[51] нуждается в коррективах, которых требует сам факт опубликования в журнале произведений автора «Кобзаря» и «Гайдамаков».

Проблему билингвизма Шевченко, бо́льшая по объему часть литературного наследия которого написана на русском языке, исследовал в одной из своих статей Н. А. Мещерский.[52] Его же перу принадлежат статьи о дружбе Шевченко с Э. Желиговским,[53] в связи с этим о творческой истории поэмы Шевченко «Юродивый», основанные на вовлечении в научный оборот материалов фонда Олонецкого губернатора о пребывании польского поэта-революционера в ссылке в Петрозаводске, и о «битом» губернаторе М. Е. Писареве, бывшем правителе канцелярии генерал-губернатора Бибикове (у Шевченко — «Капрал Гаврилович Безрукий»).[54]

Членом Ученого Совета филологического факультета состоит Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук, заведующий отделом Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР Ф. Я. Прийма, автор монографии «Шевченко и русская литература XIX века», итоговой для одной из магистральных в шевченковедении проблем. Ф. Я. Прийма — лауреат Ленинской (1964 г.) и Шевченковской (1966 г.) премий.[55]

---

[48] Пархоменко М. Иван Франко и русская литература. М., 1950.

[49] Пархоменко М. М. «Гайдамаки» Т. Г. Шевченко. — Литературная учеба, 1939, № 3.

[50] Иван Франко про російську літературу / Под ред. М. М. Пархоменко. Львів, 1947. с. 75.

[51] Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.; Л., 1951.

[52] Мещерский Н. А. Т. Г. Шевченко и русский язык. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1964. № 14, с. 117—126. — Удивительно, что в монографии Т. К. Чарторижской (Чарторижская Т. Г. Взаимодействие русской и украинской лексики в русских произведениях Шевченко. Киев, 1981) это исследование даже не упоминается.

[53] Мещерський М. О. 1) Шевченко і Желиговський. — Радянське літературознавство, 1964, № 5. с. 131—132; 2) Тарас Шевченко и Эдвард Желиговский. — На рубеже, 1964, № 2, с. 106—110.

[54] Мещерський М. О. До джерел поезії Шевченка «Юродивий». — Радянське літературознавство, 1962, № 6, с. 129—130.

[55] Прийма Ф. Я. 1) Шевченко и русская литература XIX века. Л., 1961; 2) Т. Г. Шевченко і російський визвольний рух. Київ, 1966.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Филологический факультет ЛГУ окончил П. В. Жур, автор ряда монографических исследований о жизненном пути и творчестве Шевченко[56] (в их числе — книги «Шевченковский Петербург» 1964 г.), один из инициаторов издания и член редколлегии «Шевченковского словника»,[57] лауреат Шевченковской премии (1967 г.). Деятельность Шевченко — революционного мыслителя, одного из основоположников революционно-демократического направления в отечественной историографии не могла не привлечь внимания специалистов по истории СССР, для которых классовая борьба, общественное движение, история исторической мысли всегда были объектами плодотворного и интенсивного изучения. На протяжении четырех десятилетий учебный план исторического факультета включает специальный курс «История Украины», обязательный для студентов, специализирующихся по истории СССР. Давно и с полным основанием в поле зрения шевченковедов находятся работы по истории Украины, принадлежащие перу В. В. Мавродина,[58] В. И. Легкого,[59] Е. М. Косачевской.[60]

Многие связанные с Шевченко факты общественно-культурной жизни Петербурга 40—50-х годов (отклики на выход в свет легальных сочинений поэта, его «близкое участие в деятельности кружка петрашевцев», связи с кругом Н. Г. Чернышевского и др.), а также факты, относящиеся к распространению изданий шевченковских произведений, к их исполнению драматическими артистами и музыкантами в пореформенное время, отметили в соответствующих главах очерков истории Ленинграда А. В. Предтеченский,[61] С. С. Волк,[62] Ш. М. Левин.[63]

Генетическую связь поэзии Шевченко с творчеством И. Е. Репина изучал Н. М. Волынкин. Отмечая пристальный интерес русского художника к антифеодальной освободительной борьбе украинского крестьянства в XIX в., Н. М. Волынкин пишет: «Нам кажется, что наиболее полно этот интерес нашел свое проявление в той любви и горячих симпатиях, которые Репин питал к Шевченко».[64] Называя скульптора М. О. Микешина в числе информаторов художника о том, что правящие круги отвергли попытки увековечить образ великого украинского поэта, исследователь отмечает: «То, что невозможно было для Микешина при выполнении им официальных заказов, свободно делал Репин... мало считавшийся с возможностью каких-либо... репрессий со стороны правительства».[65]

На историческом факультете ЛГУ состоялись защиты докторских диссертаций видных советских шевченковедов и историографов М. И. Марченко и Л. А. Коваленко. В своем диссертационном труде, посвященном развитию украинской историографии с древних времен до

---

56 Жур Петр Володимерович. — Шевченківський словник, т. 1. Київ, 1976.

57 Марголис Ю. Д. Шевченко от «А» до «Я». — В мире книг, 1978, № 6.

58 Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940.

59 Легкий В. И. Крестьянство в освободительной войне 1648—1654 гг. Л., 1957.

60 Косачевская Е. М. Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. Львов, 1965.

61 Предтеченский А. В. Политическая и общественная жизнь Петербурга 30—50-х годов XIX века. — В кн.: Очерки истории Ленинграда, т. 1. М.—Л., 1956.

62 Волк С. С. Просвещение и наука в Петербурге от XVIII в. до 1861 г. (общественные науки). — Там же.

63 Левин Ш. М. Общественное движение в Петербурге накануне отмены крепостного права. — В кн.: Очерки истории Ленинграда, т. 2. М.—Л., 1957.

64 Волынкин Н. Освободительное движение украинского народа в творчестве И. Е. Репина. — В кн.: Русско-украинские связи в изобразительном искусстве. Киев, 1956, с. 133.

65 Там же, с. 134.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

середины XIX в., М. И. Марченко специальную, третью, часть посвятил историческим взглядам Т. Г. Шевченко. В основу этой задачи положена монография автора, опубликованная четырьмя годами ранее.[66] Автору этих строк уже представлялся случай анализировать эту книгу, Автору этих строк уже представлялся случай анализировать эту книгу, ставшую важной вехой междисциплинарного изучения историзма Шевченко — одного из магистральных направлений советского шевченковедения 50—60-х годов.[67] Здесь уместно повторить, что новаторской особенностью труда М. И. Марченко является сама попытка рассмотреть исторические взгляды Шевченко в их совокупности и интерпретировать их как воплощение революционно-демократической концепции истории. М. И. Марченко учел ряд критических замечаний, высказанных ему при предварительном обсуждении диссертации. Он счел возможным отказаться от трактовки исторических воззрений Шевченко в его ранних произведениях как «абстрактного опоэтизирования гетманщины и казачества»[68] и показал, что в этих произведениях, «особенно в исторической поэме „Тарасова ніч" (1839), центральное место занимает вопрос о роли народа в героической борьбе против социального и национального гнета».[69] В изучении ранних исторических сочинений Шевченко (включая поэму «Гайдамаки») исследователь и достиг наиболее значительных результатов. Развитию исторических взглядов Шевченко во второй половине 40—50-х годов XIX в. М. И. Марченко уделил несоразмерно мало внимания, а влияние Шевченко на развитие передовой русской общественной мысли не рассматривал вовсе. Но объективно эти аспекты проблемы историзма Шевченко выдвигались после работы М. И. Марченко в качестве особо актуальных.

Историческим взглядам Шевченко посвятил главу в своей диссертации о демократических течениях в историографии Украины XIX в. и Л. А. Коваленко, предшествующие статьи которого, хотя и не свободные от недостатков (прямолинейность трактовок, отсутствие внимания к эволюции мировоззрения Шевченко),[70] стали едва ли не первым в советской историографии опытом обобщенного изложения вопроса об исторических взглядах революционного поэта. Сильной стороной главы о Шевченко в докторской диссертации было обоснование глубокой народной основы исторических воззрений поэта и постановки вопроса о значении его творчества «для развития передового исторического знания».[71]

Подводя таким образом, итог целому этапу изучения исторических воззрений Шевченко, диссертации М. И. Марченко и Л. А. Коваленко самим своим содержанием объективно намечали перспективу дальнейших исследований. Предстояло рассмотреть исторические взгляды Шевченко во всем богатстве и сложности их становления и развития; наметились контуры самостоятельной нестандартной по содержанию и трудоемкой по объему и разнообразию круга подлежащих изучению источников задачи выявления непосредственного и опосредованного воздействия Шевченко на развитие всероссийской передовой исторической мысли второй половины XIX в. Эти задачи были сформулированы на диспутах в связи с защитами докторских исследований М. И. Марченко

---

[66] Марченко М. І. Історичні минуле українського народу в творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1957.

[67] Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченка. Л., 1964, с. 32—33.

[68] Марченко М. І. Історичні минуле українського народу... с. 11.

[69] Марченко М. И. Украинская историография (с древнейших времен до середины XIX в.): Автореф. докт. дис. Л., 1960, с. 32.

[70] Максимов Л. О журнале «Вопросы истории». — Большевик, 1952, № 3, с. 63.

[71] Коваленко Л. А. Демократические течения в историографии Украины XIX века: Автореф. докт. дис. Киев, 1964, с. 19.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

и Л. А. Коваленко. Ученые факультета приняли участие и в реализации этих задач.

В 1958—1983 гг. цикл работ об эволюции исторических взглядов Шевченко, о влиянии его исторической концепции на развитие русской демократической историографии XIX в. на тему «Шевченко и Петербургский университет» опубликовал автор этих строк.[72]

Взгляды В. И. Семевского на роль Шевченко в Кирилло-Мефодиевском обществе обстоятельно проанализировал в своем диссертационном исследовании, защищенном на историческом факультете ЛГУ, Ю. М. Критский.[73]

Существенный вклад в разработку темы «Шевченко и Семевский» внес Ф. П. Шевченко. Напомнив, что А. И. Ульянов вместе с сестрой А. И. Ульяновой посещал цикл лекций В. И. Семевского о крестьянском вопросе, в котором специально рассматривались и взгляды великого украинского поэта-революционера, а также то, что А. И. Ульянов был главным секретарем студенческого научно-литературного общества, председателем которого был профессор О. Ф. Миллер — знаток и почитатель шевченковской поэзии,[74] Ф. П. Шевченко высказал обоснованное предположение: «Находясь во время каникул дома, Александр и Анна своими сведениями о Тарасе Шевченко могли делиться с другими членами семьи, в частности, с Володей, когда он был в последних классах гимназии и все новое воспринимал очень остро».[75]

Однако проблему места Шевченко в развитии российской революционно-исторической мысли отнюдь нельзя считать разрешенной. Напротив, необходимо ее всестороннее изучение.

Оригинальный вклад в шевченкиану внесла Е. М. Косачевская, автор монографий по проблемам истории классовой борьбы и общественного движения России дореформенного периода и цикла славистических исследований.[76] Имя Н. А. Маркевича, воспитанника Петербургского университетского пансиона, поэта, историка, этнографа, фольклориста, прочно связано с творческой биографией Шевченко. Но характер этой связи, ее место в жизни Шевченко не могли быть выяснены без глубокого изучения творчества и общественно-политических позиций Н. А. Маркевича. Такое изучение и предпринято Е. М. Косачевской.[77]

Новизна, богатство и разнообразие источников, прогрессивная политическая позиция автора «История Малороссии» вызвала глубоко сочувственное отношение Шевченко. Пятьдесят шестая глава «Истории Малороссии» Н. А. Маркевича должна быть введена в круг литературных источников поэмы «Гайдамаки». Символичным подтвержде-

---

[72] Марголис Ю. Д. 1) Исторические взгляды Т. Г. Шевченко / Отв. ред. С. Б. Окунь. Л., 1964; 2) Т. Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983; 3) К вопросу о шевченковских традициях в русской демократической историографии (Т. Г. Шевченко и В. И. Семевский). — В кн.: Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.

[73] Критский Ю. М. Исторические взгляды В. И. Семевского: Автореф. канд. дис. Л., 1970.

[74] А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927, с. 90, с. 244—245.

[75] Український історичний журнал, 1964, № 2, с. 8.

[76] Косачевская Е. М. 1) Восточная Галиция накануне и в период революции 1848 г. 2) М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971, и др.

[77] Косачевская Е. М. 1) Человек яркой судьбы. — Ленинградский университет, 1979, 12 марта, с. 9; 2) До питання про суспільно-політичні погляди М. А. Маркевича. — Український історичний журнал, 1979, № 1, с. 91—92; 3) Письма Н. А. Маркевича к О. М. Бодянскому (из истории русско-украинских научных и культурных контактов). — В кн.: Духовная культура славянских народов. Л., 1983, с. 210 и след., и др.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

нием этого является тот факт, что эта глава была использована Н. В. Гербелем — одним из представителей «партии Шевченко» в Петербургском университете в годы первой российской революционной ситуации, в качестве послесловия ко второму (1869 г.) изданию «„Кобзаря" Тараса Шевченко в переводе русских поэтов». Выдвинута обоснованная гипотеза о причастности Н. А. Маркевича к творческой истории малоизученной поэмы Шевченко «Тризна», воспевшей подвиг героев 14 декабря. Именно Маркевич познакомил Шевченко в 1843 г. в Гуровке с декабристом П. В. Граббе, прототипом одного из ключевых образов поэмы. Дополнительное подтверждение причастности Маркевича к творческой истории «Тризны» — отголоски в шевченковской поэме неопубликованной поэмы Маркевича «Из песни о Дмитрии Донском».[78] Яркой гранью содружества Шевченко и Маркевича явилась творческая история «Живописной Украины», в частности офорта «Дары в Чигирине Богдану и украинскому народу». Шевченко датирует это событие по Маркевичу. На основании записок Маркевича выявляются подробности того, как Шевченко сопровождал Маркевича в его поездках по Украине с целью выявления песенно-поэтических богатств народной культуры. В фондах Маркевича сохранились записи «прямо с голоса» 1600 украинских народных песен. Эти записи вызывали восхищение Шевченко.[79]

Значительный интерес для шевченковедения представляют и мемуары правнука Н. А. Маркевича — И. Б. Маркевича — одного из крупнейших дирижеров современности, в годы второй мировой войны — активного участника движения Сопротивления, в послевоенные годы — деятельного участника движения за разрядку в Европе. В частности, речь идет о внимании к семейному преданию Маркевичей, согласно которому Н. А. Маркевич был кирилло-мефодиевцем.[80]

В Научной библиотеке имени А. М. Горького Ленинградского университета сохранился уникальный шедевр шевченкианы. Речь идет об одном из немногих экземпляров «Кобзаря» издания 1840 г.,[81] избежавших переверстки, предпринятой П. Мартосом. Переверстки, приведшей к существенным изъятиям в текстах поэмы «Тарасова ніч» и стихотворения «До Основьяненка». В экземпляре «Кобзаря», хранящемся в библиотеке университета на Неве, эти строфы были опубликованы. Напечатанными оказались строфы, воспевшие свободолюбие народа:

Над річкою, в чистім полі,
Могила чорніє;
Де кров текла козацькая,
Трава зеленіє.
Сидить ворон на могилі
Та з голоду кряче...
Згада козак гетьманщину,
Згада та й заплаче!..[82]

---

[78] Косачевская Е. М. Стать за народ и зло казнить... — Радуга, 1982, № 3.

[79] Косачевская Е. М. У колі російських друзів. — Музика (Київ), 1979, № 3, с. 29—30.

[80] Косачевская Е. М. Ігор Маркевич: біля джерел. — Всесвіт, 1982, № 3, с. 160—161.

[81] Этот экземпляр был зарегистрирован в числе новых поступлений в библиотеку университета в 1897 г. (см.: Каталог русских книг Библиотеки императорского С.-Петербургского университета, с. 1038). В 1961 г. известный шевченковед Ю. А. Меженко опубликовал результаты изучения этого экземпляра (Меженко Ю. Невідоме видання «Кобзаря» 1840 р. — Літературна газета, 1961, 3 березня, с. 2). Ср.: Фесенко В. А. Великий Кобзарь. — Ленинградский университет, 1964, 10 марта, с. 2.

[82] Шевченко Т. Повне зібрання творів. В 10-ти т., т. 1. Київ, 1939, с. 66.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

Эта тема, получившая развитие во всем художественном творчестве Т. Г. Шевченко 1840—1860-х годов, обогащенная новым содержанием в поэмах «Сон», «Еретик», «Великий льох», «Кавказ», в поэтическом наследии времени первой революционной ситуации, закрепленная в набатных строках «Заповіта», — продолжила путь одной из фундаментальных для всероссийской революционной демократии идей — через победоносную крестьянскую революцию — к единой, вольной, новой семье свободных народов.[83]

В 1962 г. Научная библиотека имени А. М. Горького Ленинградского университета и Академия наук Украины сделали всем, кому дорога память великого поэта, замечательный подарок, издав стотысячным тиражом фототипию уникального экземпляра «Кобзаря». У экземпляра, «принадлежащего Ленинградскому университету, большая, трудная судьба. Но это судьба и счастливая. Он выдержал все испытания, пережил самые тяжелые времена и уже в наши годы чудесно воскрес — для долгой жизни — для бессмертия»,[84] — читаем в исследовании Л. Н. Большакова и В. С. Бородина.

В Ленинградском университете выполнен целый ряд шевченковедческих исследований. Их история отмечена динамичным преодолением вульгаризаторских тенденций, стремлением изучать жизнь и творчество Шевченко в развитии, в органической связи с общественно-культурным движением времени. С конца 1920-х годов их характеризуют проблемность, богатство мобилизуемых источников и наблюдений, междисциплинарный подход. В творческих планах литературоведов и историков Ленинградского университета — новые исследования о месте шевченковского наследия в истории русско-украинского революционного и культурного единения.

---

[83] Там же, с. 354.

[84] Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря»: Судьба книги Шевченко. М., 1978, с. 17—18.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Г. А. ТИШКИН

О ЮБИЛЕЙНОЙ РЕЧИ К. Д. КАВЕЛИНА В 1860 г.

Интерес к событиям конца 50-х годов XIX в. в Петербургском университете вызван теми обстоятельствами, что общественная жизнь этого столичного учебного заведения позволяет детально проследить за развитием многих явлений периода первой революционной ситуации в России. Это были годы общественного оживления, колебания «верхов», внутри- и внешнеполитических трудностей, вызванных поражением царизма в Крымской войне. Студентам Петербургского университета удалось добиться у руководства университета и у Министерства народного просвещения некоторых уступок. Начал выходить «Сборник» студенческих научных работ, было создано некое подобие органов самоуправления — факультетские сходки и касса для оказания помощи малоимущим студентам. В здании университета была открыта студенческая библиотека, в которой нелегально хранились бесцензурные издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Студенты университета без разрешения попечителя стали выпускать рукописные газеты и журналы, в которых остро критиковались существующие в самодержавной России порядки. Весьма существенным событием общественной жизни страны стало появление в аудиториях Петербургского университета в осеннем семестре 1859 г. первых студенток.[1] Профессор К. Д. Кавелин именно с этого семестра начал читать лекции на юридическом факультете. И, как свидетельствует в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев, именно эти лекции начала посещать первая студентка Н. И. Корсини.[2] К. Д. Кавелин слыл среди молодежи сторонником университетского образования женщин. Это способствовало его популярности среди студентов, его лекции активно посещались как мужчинами, так и женщинами. Есть и другие примеры выступлений К. Д. Кавелина в поддержку идеи расширения прав женщин. К ним относится и его речь на юбилейном университетском акте в феврале 1860 г.

Заслуга К. Д. Кавелина в разработке проблем обычного права отмечалась в трудах советских историков.[3] Проблема возникновения у людей сознания существования человеческой личности и ее прав названа А. Н. Цамутали «важной составной частью кавелинской концепции исторического развития». Меньше внимания историки уделили выступлениям К. Д. Кавелина в поддержку равноправия полов. В 50—60-х годах XIX в. он неоднократно обращался к этой проблеме, осо-

---

[1] Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 4. Л., 1982, с. 23—25.

[2] Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 213.

[3] Александров В. А. Обычное право в России в отечественной науке XIX—начала XX века. — Вопросы истории, 1981, № 11, с. 42; Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977, с. 43.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

бенно к истории законодательства о наследовании. Именно в уравнении прав на наследство многие либеральные деятели той исторической эпохи видели основу равноправия полов, они придавали законам о наследовании архиважное значение, хотя в действительности неравенство мужчин и женщин в наследовании (сестра при брате получала после родителей четырнадцатую часть недвижимого и седьмую часть движимого имущества) затрагивало интересы незначительного числа женщин, происходивших из обеспеченных семей, родители которых могли оставить наследство.

Законы, формировавшие наследственное право в России в XIX в., восходили к отдаленному периоду, были пережитком поместной системы. А. Г. Маньков считает временем образования порядка наследования XVII век, время, когда наблюдалась тенденция к переходу от семейной общности имуществ супругов, детей и родителей к раздельному владению.[4]

Проблема наследственных прав женщины привлекала внимание общественности уже в XVIII в. — первой половине XIX в. Однако активизация женского движения, актуальность идей женской эмансипации в 60-е годы XIX в. стимулировали интерес юристов к анализу прав наследования. В 1857 г. в Петербургском университете В. Д. Спасович защитил магистерскую диссертацию об имущественных отношениях супругов по польским законам, а в 1859 г. в Московском университете для соискания той же степени была подготовлена работа И. Д. Беляева.[5] Речь К. Д. Кавелина о наследовании (на юбилейном акте в Петербургском университете в 1860 г.) внесла определенный вклад в развитие идей эмансипации, она привлекла к себе значительное внимание.[6] Шумные рукоплескания в актовом зале университета, которыми встретили его студентки-шестидесятницы, свидетельствовали о том, что тема эта их сильно волновала.

К. Д. Кавелин в своем выступлении, во-первых, согласился с выводами профессора Петербургского университета К. А. Неволина в том, что порядок наследования по русскому законодательству основан на родовом начале, и потому различие имуществ родовых и благоприобретенных играет в нем весьма существенную роль и, во-вторых, обратил внимание на особенности русского законодательства о наследовании, сравнив его с аналогичным порядком в других государствах. Он пришел к выводу о превосходстве русских законов о наследовании над иностранными. «Решительное преимущество нашего законодательства перед иностранным состоит в праве наследования супругов друг после друга. У нас оставшийся в живых супруг не только наследует наряду с нисходящими, но даже имеет перед ними разные преимущества по наследованию, а именно, часть его ни в коем случае не изменяется и выделяется из наследства в полном количестве, а уже остающееся затем идет в раздел между остальными родственниками».[7]

В своем публичном выступлении на юбилейном акте в Петербургском университете, которое в том же году было опубликовано полностью на страницах журнала «Современник» (№ 2), Кавелин в це-

---

[4] Маньков А. Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права в России. Л., 1980, с. 216.

[5] Спасович В. Д. Об имущественных отношениях супругов по древнему польскому праву. СПб., 1857; Беляев И. Д. О наследовании без завещания по древним русским законам до «Уложения» царя Алексея Михайловича. М., 1859.

[6] Кавелин К. Д. Взгляд на историческое развитие русского законодательства об этом предмете с римским, французским и прусским. — Собр. соч., т. 4. СПб., 1900.

[7] Там же, с. 632.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

лом признал неравноправное положение женщин по законам Российской империи. И насколько позволяла обстановка и цензурные препоны, высказал пожелание изменить существующее положение на более справедливое. Причем поиски справедливости он связывал с изменением социальных отношений. «И историческое, и сравнительное изучение нашего порядка законного наследования указывает на то, что ему предстоит еще дальнейшее развитие. По каким началам и в каком объеме оно совершится — это будет зависеть от хода развития всей нашей общественной и частной жизни и от направления, которое примет наше законодательство».[8] Конечно, либерал Кавелин выражал в словах «ход развития нашей общественной жизни» надежду на реформистскую деятельность правительства, а не на революционные преобразования. Но политическая обстановка кануна крестьянской реформы способствовала тому, что студенческая молодежь слышала в речи Кавелина то, что ей хотелось услышать.

Речь о правах наследования женщин, произнесенная Кавелиным, вызвала не только шумные рукоплескания, но и громкие критические возражения. Особенно резко они прозвучали со страниц «Отечественных записок». Их автором был А. В. Лохвицкий, в 1861—1867 гг. — профессор права в Александровском Лицее, а в последующее время — издатель газеты «Судебный вестник». Этот бойкий, самоуверенный, порой грубый автор в 50—60-х годах XIX в. неоднократно выступал с критикой сочинений отечественных правоведов, в которых затрагивался женский вопрос. Он ожесточенно выступал против всего, что казалось ему в трудах юристов либеральным.[9] Обычным приемом Лохвицкого вести спор было прежде всего обвинение оппонента в недостаточной компетентности. Так было и в этот раз. Нападая на Кавелина за его выступление на юбилейном акте, Лохвицкий упрекнул его в низком научном уровне доклада, в незнании документов по истории русского законодательства и даже в бессмысленной растрате своего таланта.

«Московские ведомости», а затем и «Современник» обратили внимание на грубый тон выступления Лохвицкого и постарались дать ему свое объяснение, усмотрев причину в уязвленном самолюбии критика. «Говорят, что в Петербургском университете недавно шла речь о замещении кафедры юридической энциклопедии по случаю смерти Калмыкова. Мы слышали, что одним из кандидатов на эту кафедру был Лохвицкий, знаменитый автор тощей диссертации „О пленных по русскому праву" и одесских лекций о женщине, — писал в „Современнике" И. И. Панаев, заимствуя информацию из „Московских ведомостей". — Но попытка этой знаменитости попасть на университетскую кафедру была безуспешна. Из Петербурга пишут, что эту кафедру занял Кавелин. Поэтому многим показалось странным появление в „Отечественных записках" недоброжелательной критической статьи Лохвицкого об известной актовой речи Кавелина... в которой Лохвицкий силится умалить заслуги своего бывшего профессора».[10]

Однако сводить в этой полемике все к уязвленному самолюбию

---

[8] Там же, с. 642.

[9] Лохвицкий А. В. 1) О сочинении В. Спасовича «Об отношениях супругов по имуществу по древнему прусскому праву». — Отечественные записки, 1857, № 9, отд. II, с. 75—77; 2) Разбор сочинения В. Никольского «О началах наследования в древнейшем русском праве». — Русское слово, 1860, № 2, отд. II, с. 38—43; 3) Замечание на статью Филиппова «Взгляд на русское законодательство». — Русское слово, 1859, № 10, отд. II, с. 15—22.

[10] Петербургская жизнь. Заметки нового поэта. — Современник, 1861, № 2, отд. II, с. 398.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

будет неверно. Можно отыскать и другие, более основательные причины выпада против Кавелина. Обратимся к тексту самой заметки Лохвицкого. Из него видно, что причин можно обнаружить еще две. Первая заключается в том, что критик не согласен с выводом Кавелина о неравноправном положении женщин по русским законам. Лохвицкий прямо пишет об этом: «...наговорив на двух страницах голых фраз о тяжелом положении женщин в древнейшей России...» Вторую причину Лохвицкий тоже не скрывает. Она заключается в том, что Кавелин, как считает Лохвицкий, близок к демократическим кругам столицы, к сотрудникам журнала «Современник» От этого, по его мнению, идут все недостатки творчества Кавелина: низкий уровень научных работ, утрата таланта, недостойный серьезного ученого интерес к правовому положению женщины. А все это потому, как пишет Лохвицкий, что «Современник» его любит и не «свистит». «Но вся беда в том, что его ученые произведения становятся все хуже и хуже, и, наконец, он (Кавелин. — *Г. Т.*) дошел до „Речи о наследстве", — сожалеет Лохвицкий. «Что же было причиной, что человек с таким талантом дошел до такого жалкого результата?» — задает риторический вопрос Лохвицкий и сам на него отвечает: «Причиной отчасти сам же литературный и журнальный круг („Современника". — *Г. Т.*). Он поступил в число редакторов одного еженедельного издания („Век". — *Г. Т.*), где будет объяснять (на основании программы) доступно для всех возрастов и состояний дух и смысл всякого рода узаконений. На эту дорогу он вступил, напутствуемый печатным благословением одного журнала („Современника". — *Г. Т.*), который уверен, что вся публика вместе с ним с любовью будет следить за Кавелиным на том новом поприще, и дает ему кое-какие весьма здравые советы, именно, трудиться и не лениться».[11]

Юбилей Петербургского университета давно прошел, а в печати продолжались отклики на события, с ним связанные. Публикация в «Современнике» речи Кавелина, приветствие журналу «Век», в котором Кавелин заведовал юридическим отделом, прозвучавшее в заметке Н. А. Некрасова «Новая газета „Век" с 1861 г.», опубликованной в «Современнике», были использованы Лохвицким в статье против Кавелина. В ответ на грубый тон Лохвицкого в иронически-снисходительном тоне откликнулся в 1862 г. «Свисток».[12]

Кавелин не оставил без обстоятельного ответа резкий выпад Лохвицкого. Достойная отповедь была дана ему на страницах «Современника», того публицистического органа, который вел последовательную и неустанную борьбу за равноправие полов, за справедливое решение женского вопроса. «Неудовлетворительность, ветшалость нашего порядка наследования по закону,—отвечал Кавелин. — живо чувствуется всеми, представляя нестройное собрание разнородных начал, он не способствует самым очевидным требованиям справедливости».[13]

Новые возражения по поводу содержания речи Кавелина и его «Ответа» были изложены А. В. Лохвицким в статье «Нечто о выписках и о способе доходить до высших результатов путем самостоятельного мышления».[14]

Интерес к правовому положению женщин, ярко проявившийся в

---

[11] Лохвицкий А. В. Сравнительный метод в праве и речь г-на Кавелина. — Отечественные записки, 1861, № 1, отд. II, с. 27—28.

[12] Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок / Под ред. М. А. Алексеева, Н. И. Балашова, Г. И. Бердникова и др. М., 1982, с. 225

[13] Кавелин К. Д. Ответ г-ну Лохвицкому. — Современник, 1861, № 2, отд. II, с. 217—234.

[14] Отечественные записки, 1861, № 5, отд. II, с. 1—17.

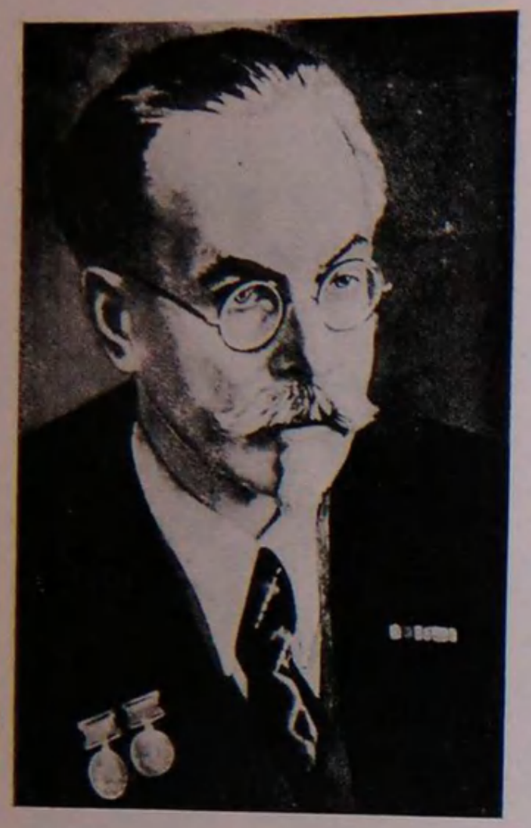
Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

[illegible] 1860 г., прослеживается в его творчестве и [illegible] доказательством тому [illegible] которые он читал в Военно-юридической академии в 1883—1884 гг., — «Права семейственные», «Право наслед- [illegible] исследований 60-летний Кавелин считал возмож- [illegible] взглядов на семью и ее роль в обществе». Однако и в 80-е годы Кавелин не смог дать точную оценку российского законодательства о семье, составить [illegible] «Мужчина, [illegible] пассивный предмет удовлетворения своих желаний».[15] Выступления Кавелина на тему [illegible] ого внимания обще- [illegible] назад. И это было естественно, [illegible] права, совпадали с мечтами первых студентов, устремившихся на лекции профессоров Петербургского университета.

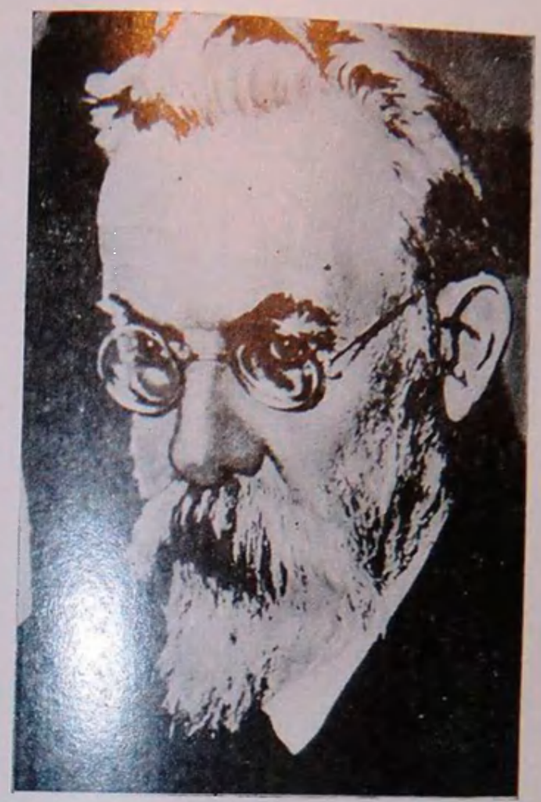
[15] Кавелин К. Д. Права семейственные. — [illegible]

Заседание Ученого совета ЛГУ во время Дней Тартуского университета весной 1982 г.

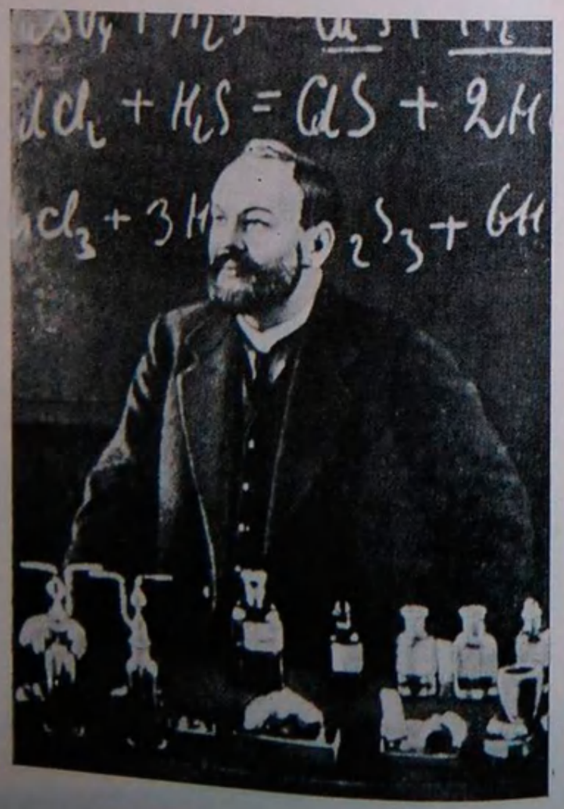
Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/



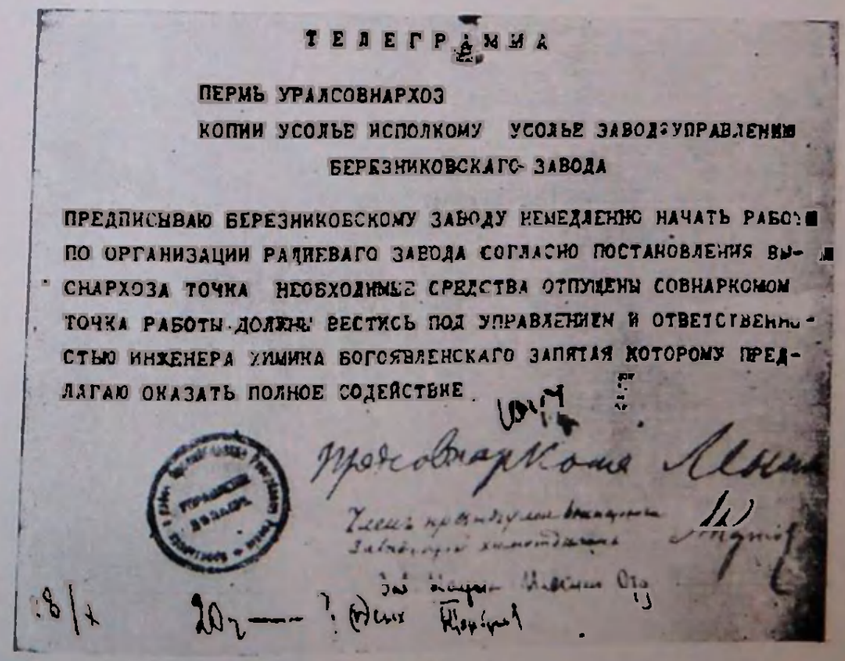
Академик В. Г. Хлопин



Академик В. И. Вернадский



Профессор Л. А. Чугаев



ТЕЛЕГРАММА

ПЕРМЬ УРАЛСОВНАРХОЗ

КОПИИ УСОЛЬЕ ИСПОЛКОМУ УСОЛЬЕ ЗАВОДОУПРАВЛЕНИЮ БЕРЕЗНИКОВСКАГО ЗАВОДА

ПРЕДПИСЫВАЮ БЕРЕЗНИКОВСКОМУ ЗАВОДУ НЕМЕДЛЕННО НАЧАТЬ РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАДИЕВАГО ЗАВОДА СОГЛАСНО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСНАРХОЗА ТОЧКА НЕОБХОДИМЫЕ СРЕДСТВА ОТПУЩЕНЫ СОВНАРКОМОМ ТОЧКА РАБОТЫ ДОЛЖНЫ ВЕСТИСЬ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ИНЖЕНЕРА ХИМИКА БОГОЯВЛЕНСКАГО ЗАПЯТАЯ КОТОРОМУ ПРЕДЛАГАЮ ОКАЗАТЬ ПОЛНОЕ СОДЕЙСТВИЕ.

Телеграмма В. И. Ленина Уральскому Совнархозу

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

1905 г. Участники и судьи соревнований на «Курсах атлетики»

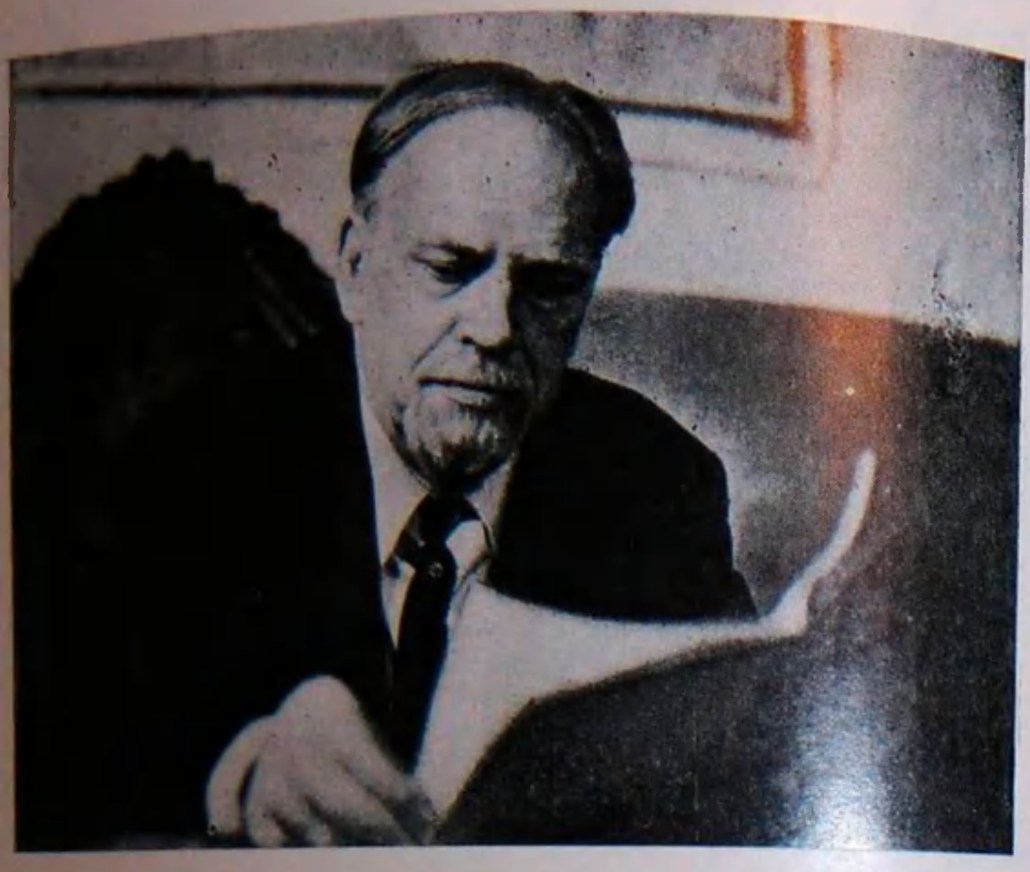
1904 г. Активисты «Курсов атлетики» с ректором Санкт-Петербургского университета А. М. Жлановым

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://historymuseums.spbu.ru/

Н. К. Пиксанов

Группа бестужевок. В центре — Д. Н. Овсянико-Куликовский; в нижнем ряду вторая справа — М. Ф. Щербакова

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/



С. В. Калесник

С. В. Калесник в кругу друзей. 1971 г. (слева направо в верхнем ряду — К. С. Огородникова, Н. Б. Калесник, С. С. Шульц; внизу — К. Ф. Огородников, С. В. Калесник)

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

Н. В. ЗЫРЯНОВА

ЖУРНАЛ «СОВРЕМЕННИК» И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

(к вопросу о первых студентках)

Шестидесятые годы XIX в. положили начало новому, разночинскому, этапу освободительного движения в России. Активное участие в революционных событиях принимало студенчество Петербургского университета. Организованный характер его выступлений обусловливался непосредственной связью вожаков студенческого движения с лидерами революционно-демократического лагеря. Важную роль в проникновении в студенческую среду свободолюбивых идей, формировании передовых взглядов у молодого поколения сыграл «Современник». Любимый журнал демократического читателя середины прошлого столетия благодаря усилиям Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова превратился в боевой орган революционной демократии. Н. Г. Чернышевский, писал В. И. Ленин, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей».[1] Оценку, данную В. И. Лениным руководителю «Современника», можно отнести ко многим сотрудникам прогрессивного издания, чье пламенное слово в защиту угнетенных поднимало на борьбу новые силы.

В числе тех, кто испытал на себе идейное влияние популярного журнала, были студенты Петербургского университета. С каким нетерпением они ожидали выхода в свет очередного номера «Современника»! На его страницах студенческая молодежь находила ответы на многие злободневные вопросы современной им действительности. Статьи, посвященные освобождению крестьян, борьбе за свободу негритянского населения в Америке, были созвучны настроениям большинства учащихся столичного университета. Журнал также предоставлял возможность студентам знакомиться с сочинениями их преподавателей. Именно здесь публиковали свои статьи профессора К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, Н. И. Костомаров, П. В. Павлов. Значение их педагогической и общественной деятельности в демократизации академической жизни в Петербургском университете отмечали уже читатели-современники.

Перемены, коснувшиеся крупнейшего учебного заведения страны во второй половине XIX в., получили отражение на страницах журнала «Современник». С нашей точки зрения, причина столь пристального внимания со стороны редакции этого издания к университету заключалась в той ведущей роли, которую он начал играть в освободительном движении России. С другой стороны, нельзя обойти вниманием тот факт, что, как правило, авторами художественных произведений, крити-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

8 Заказ № 201

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ческих заметок, обзоров о Петербургском университете являлись ви-
томцы этого учебного заведения. Н. Г. Чернышевский, М. И. Михай-
лов, Н. А. Некрасов, Н. Н. Панаев, покинув студенческие аудитории,
продолжали следить за событиями университетской жизни. Первые
печатные издания студентов, диспуты известных ученых, годовые рек-
торские отчеты были темой их публицистических выступлений. В обста-
новке нараставшего в стране общедемократического подъема они под-
держали студентов в борьбе против реакционной правительственной
политики, направленной на ограничение прав студентов и возможности
поступления в университет выходцам из разночинской среды.

Особый интерес представляет вопрос о том, какой отклик на стра-
ницах «Современника» получила учеба женщин в Петербургском уни-
верситете. Петербургский университет явился первым учебным заведе-
нием, порог которого переступила женщина. Реакционно-монархиче-
ские, либеральные и революционно-демократические круги, проявив жи-
вое участие в обсуждении нового явления в общественной жизни Рос-
сии, высказали на страницах своих печатных органов противополож-
ные мнения. В роли последовательных защитников студенток выступили
сотрудники «Современника». Статьи, в которых они выразили свое
отношение к первым шагам женщин в области эмансипации, органи-
чески вплетались в общий ход рассуждений о правах женщин на стра-
ницах этого журнала.

Отражение первых опытов борьбы женщин за высшее образование
в публицистике XIX в. рассматривалось в статьях Г. А. Тишкина.[2]
Однако данная тема не была предметом специального изучения и по-
этому не получила достаточно полного освещения. Первое упоминание
о посещении женщинами Петербургского университета на страницах
«Современника» мы встречаем в рецензии Н. А. Добролюбова на пер-
вый выпуск студенческого научного сборника. Опубликованная в но-
ябрьской книжке журнала за 1857 г. небольшая по объему заметка
привлекает внимание сообщением о том, что проходившее в апреле
собрание студентов, на котором учащиеся читали свои статьи, посетили
«любительницы просвещения». Очевидно, упомянутое событие произ-
вело огромное впечатление на присутствовавших дам. Одна из них на-
писала восторженное письмо в редакцию «Сборника, издаваемого сту-
дентами императорского С.-Петербургского университета», в котором
выразила надежду, что «в журнале этом скажется слово за женщину,
что зажжет молодое поколение и в будущих спутницах своих найти до-
стойных сотрудниц... научит женщину сбросить пустую жизнь, уни-
вающую всякую нравственную деятельность».[3]

Через два года после опубликования этого письма Н. И. Корсини
(Утина), а вслед за ней и другие девушки начали посещать лекции в
Петербургском университете. «Некоторые из наших женщин стали
высказывать недовольство тем образованием, которое дается в инсти-
тутах, и храбро идут слушать лекции в университеты, несмотря на не-
которые неприятности, встречаемые ими здесь»,[5] — сообщал Г. З. Ели-
сеев. Современники свидетельствовали, что первые студентки появи-
лись на занятиях профессора истории права К. Д. Кавелина. На наш
взгляд, это не случайно. В своих беседах и спорах с коллегами, ле-

---

[2] Тишкин Г. А. Петербургский университет и начало высшего женского обра-
зования в России. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982,
т. 4, с. 25—28.

[3] Современник, 1857, № 11, отд. 4, с. 8.

[4] Тишкин Г. А. Первые студентки Петербургского университета. — В кн.:
Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976, вып. 3, с. 61.

[5] Современник, 1861, № 5, отд. 2, с. 78.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

циях, записках и научных трудах он не раз высказывал мысль об освобождении женщины от семейного и общественного угнетения. «Мы должны быть рады, счастливы, что женщины пробуждаются наконец ото сна, который мы, мужчины, искусственно нагнали на них целыми веками порабощения. Для меня, например, настоящее пробуждение женщин к отвлеченным интересам явно свидетельствует о том, что как бы живая душа ни была придавлена — пробьет час, и она непременно воспрянет!» — горячо защищал талантливый ученый стремление русских женщин к получению высшего образования. Одна из активных участниц революционного движения в России Н. И. Корсини в конце 70-х годов писала о том неизгладимом впечатлении, которое произвел на нее К. Д. Кавелин. Он «заронил в уме моем первый зародыш самосознанья и зародил его так глубоко, что никакие обстоятельства жизни, никакие прихоти судьбы не смогли уничтожить его».[6] Воспоминания первой студентки университета открывают возможность исследователю не только восстановить картину отношения передовой профессуры к появлению женщин в столичном учебном заведении, но и расширяют наши представления о читателях «Современника», в числе которых были и первые студентки Петербургского университета. Ценно сообщение Н. И. Корсини о том, что именно К. Д. Кавелин рекомендовал ей читать «Современник».

Очевидно, немеиьший интерес проявляли женщины к лекциям историка Н. И. Костомарова. Его исследования внесли определенный вклад в изучение правового положения русской женщины в феодальном обществе. В напечатанных в журнале «Современник» «Очерках домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», подробно анализируя «семейные нравы» прошлого, Н. И. Костомаров заявлял: «Русская женщина была постоянною невольницею с детства до гроба... считалась существом ниже мужчины». Одним из первых в демократической публицистике он указал на существующую разницу в общественном положении представительниц привилегированных слоев общества, с одной стороны, и женщин из трудового народа — с другой.[7]

В условиях жесточайшей цензуры сотрудникам «Современника» было трудно выразить свое отношение к первым успехам женского движения в России. Разговор о правах женщин как одного из угнетенных слоев русского общества предоставлял возможность публицистам писать и о других острых проблемах современности. Поэтому «проницательный читатель» под требованием освобождения женщины невольно подразумевал идею освобождения человеческой личности вообще. Между тем на страницах «Современника» был опубликован ряд статей, авторы которых откликнулись на посещение женщинами лекций в университете. Это «Женщины в университете» — М. И. Михайлова, «Сами против себя» — Ю. Г. Жуковского, «Американские нравы» — А. Н. Пыпина, «Мнения о женщинах...» — Г. З. Елисеева и др. Написанные в 60-е годы, они отразили мнения тех представителей русской общественности, которые в период обсуждения проекта нового университетского устава 1863 г. высказались в пользу предоставления женщинам права на получение высшего образования.

Сотрудники «Современника» единодушно приветствовали появление первых слушательниц в студенческих аудиториях Петербургского университета. Поэт, писатель, публицист М. И. Михайлов назвал по-

---

[6] РО ИРЛИ (Рукописный отдел Института русской литературы), ф. 293, оп. 3, д. 142, л. 3, 8.

[7] Современник. 1860, № 4, отд. 1, с. 334—337.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

сещение женщинами лекций в университете в числе отрадных симптомов времени, отметив большое преимущество университета перед существовавшими женскими учебными заведениями: «...все такие заведения и гимназии имеют прежде всего ту невыгоду, что хотят быть специально женскими, давать специально женское образование, исключая, таким образом, из круга познания женщины все мужское, то есть общечеловеческое».[8] Для М. И. Михайлова вопрос о высшем женском образовании, как и вопрос об изменении всей системы женского воспитания, был вопросом о поиске реального пути спасения общества от нравственного падения, преобразования господствующих общественных отношений. С позиции демократического просветительства второй половины XIX в. он утверждал: «Только коренная реформа в женском воспитании и может вести нас к этому строю и упрочить его, а вместе с тем упрочить и благосостояние и порядок общества».[9]

Передовые общественные круги связывали с положительным решением вопроса о предоставлении женщинам права на получение высшего образования дальнейший рост самосознания женщины, ее вовлечения в революционно-освободительное движение. «Женщина в университете, — писал в „Современнике" М. И. Михайлов, — научится видеть настоящие интересы жизни и общества; она окрепнет в сознании, что истинная нравственность не в пассивной покорности, а в самостоятельном развитии своей природы...»[10] Слова популярного среди молодежи революционного демократа оказались пророческими. Первые универсантки стали активными участницами студенческих демонстраций. Они — в рядах членов «Земли и воли», организаторы и преподаватели воскресных школ. Журнал «Современник» много внимания уделял этому «детищу студенческой молодежи». Воскресным школам посвятил свою статью «Научились ли?» Н. Г. Чернышевский. Г. З. Елисеев подчеркивал их значение в распространении просвещения в народе и сближении революционеров с трудящимися массами.[11] К сожалению, «Современник» не дает представления о тех слушательницах университета, которые проводили занятия в воскресных школах. Однако в небольшой повести П. В. Павлова «Отрывки из посмертных записок» мы встречаемся с героями, которые преподают в воскресной школе. Среди них упоминается вольнослушательница университета.[12] Эти факты не представляли бы интереса, если бы автор упомянутого художественного произведения не являлся профессором Петербургского университета (с 1861 г.) и не был сам организатором первых воскресных школ сначала в Киеве, а затем в Петербурге. Близкий к революционным, студенческим кругам, он не мог не знать первых студенток столичного университета А. Блюммер, М. Богданову, В. Глушановскую, Н. и Е. Корсини, преподававших в воскресных школах Петербурга.[13]

Участие первых слушательниц Петербургского университета в революционном движении, без сомнения, проходило в тесном контакте с лидерами революционно-демократического лагеря, а следовательно, с сотрудниками «Современника». Не без основания в повести «Нигилист» С. В. Ковалевская в числе лиц, принадлежавших к кружку «Современника», называет студенток. Они послужили прообразами ге-

---

[8] Там же, 1861, № 4, отд. 1, с. 504.
[9] Там же, 1860, № 4, отд. 1, с. 481.
[10] Там же, 1861, № 4, отд. 1, с. 506—507.
[11] Там же, 1861, № 2, отд. 2, с. 353.
[12] Там же, 1862, № 3, отд. 3, с. 252.
[13] Тишкин Г. А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, с. 29.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ронпь, которые наравне с мужчинами на заседании редакции журнала обсуждали наболевшие вопросы действительности.[14] Свидетельством близости пионерок женского движения к «Современнику» стала публикация на его страницах рассказов и повестей Н. П. Суслоной.[15] Вслед за Н. И. Корсини она начала слушать лекции в Петербургском университете, а затем в Медико-хирургической академии. Произведения Н. П. Суслоной во многом автобиографичны. Автора глубоко волнует судьба русской женщины. В словах одной из героинь она выразила стремление соотечественниц к независимости в семье и обществе: «Мне надо одно убеждение... что никто не имеет права на мою личность, точно так же, как и во мне самой глубоко уважение к свободе всякого человека...»[16]

Необходимость высшего образования для женщин рассматривалась публицистами «Современника» также в связи с вопросом о приобщении женщин к трудовой деятельности. Последнее открывало путь к достижению экономической самостоятельности. «...Пока женщина живет на счет мужчины, она в зависимости от него»,[17] — считал Н. Г. Чернышевский. Но в 60-е годы XIX в. сфера приложения женского труда оставалась ограниченной. Так, например, в 1865 г. в Петербурге из 221,4 тыс. проживавших в городе только 8423 женщины работали на фабриках, в ремесленных мастерских, занимались торговлей. Наибольший процент трудившихся составляла прислуга.[18] Ограниченная возможность выбора женских профессий не соответствовала реальным потребностям. Слишком много было женщин, которые, встав на путь борьбы за независимость, в поисках средств существования стремились найти себе работу. Поэтому революционные демократы выступали за расширение сферы приложения женского труда, что предполагало, в свою очередь, приобретение специального образования. Овладение профессиональными знаниями, по мнению А. Н. Пыпина, «могло бы прямо расширить практическую деятельность женщины».[19] Эту мысль поддержал педагог В. Я. Стоюнин. В статье «О частной педагогической предприимчивости» он высказал пожелание об открытии высших женских училищ, где бы женщины «имели возможность знакомиться с наукою в ее практическом применении».[20]

Обучение женщин в Петербургском университете было по-разному встречено русской общественностью. Отдельные преподаватели, которых А. Н. Пыпин образно сравнил с «последними могиканами крепостных нравов», считали предосудительным само присутствие дам на лекциях. Молодым девушкам, недоумевал М. И. Михайлов, в ответ на

---

[14] Ковалевская С. В. Нигилист. — В кн.: Избранные произведения. М., 1982, с. 280—283.

[15] О принадлежности рассказов «Сашка», «Рассказ в письмах» и повести «Фантазерка» Н. П. Суслоной см.: Белкин М. С. Русские женщины-врачи — пионерки женского медицинского образования. — В кн.: Советский врачебный сборник. М.; Л., 1949, вып. 14, с. 32; Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960, т. 4, с. 460; Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. М., 1960, с. 105. Исследования И. Ф. Масанова, М. С. Белкина, А. А. Смирнова оспаривают предположение В. Е. Евгеньева-Максимова (Евгеньев-Максимов В. Е. Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1939, с. 232) и В. Э. Боград (Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847—1866. М.; Л., 1959, с. 406, 442, 445), согласно которому указанные произведения написаны сотрудницей «Современника» А. Я. Панаевой.

[16] Современник, 1863, № 3, отд. 1, с. 149.

[17] Там же, 1863, № 3, отд. 1, с. 115.

[18] Карнович Е. П. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., 1865, с. 16—55.

[19] Современник, 1865, № 1, отд. 1, с. 96.

[20] Там же, 1865, № 6, отд. 1, с. 343.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

желание учиться нередко приходилось слышать: «Это невозможно, несовместно с достоинством ученого учреждения».[21] Спустя несколько лет после закрытия женщинам доступа в университет Ю. Г. Жуковский вспоминал о том, как были приняты первые слушательницы, о тех насмешках и брани, которым они подвергались со стороны известных творцов науки.[22] Об одном из них, знаменитом физике Э. Х. Ленце, с иронией писал Н. Г. Чернышевский. «Почтенный академик» категорически утверждал, «что особы женского пола, бывавшие когда-либо на университетских лекциях, все принадлежат к презреннейшему разряду женщин и что никогда нога честной девушки не вступала в здешнее святилище наук».[23] Однако студенчество и передовая профессура Петербургского, Харьковского, Киевского университетов в основном доброжелательно отнеслись к появлению женщин на лекциях. Это позволило сотрудникам «Современника» выразить надежду, что примеру Н. Корсини, М. Богдановой, Н. Сусловой и других пионерок женского движения в России последуют многие русские женщины.[24]

Таким образом, опыт учебы первых студенток в Петербургском университете вызвал закономерный интерес у сотрудников «Современника». Публицисты передового органа революционной демократии поддержали стремление «шестидесятниц» добиться признания за женщиной равного с мужчиной права на получение высшего образования, рассматривая это как первый шаг к достижению политической и экономической независимости женщины. Защита сотрудниками журнала справедливого требования участниц женского движения второй половины XIX в. вдохновляла их на борьбу за осуществление своих идеалов. В лице первых слушательниц университета «Современник» приобрел не только постоянных и внимательных читателей. На его страницах появились произведения авторов, стоявших у истоков движения за высшее женское образование в России.

---

[21] Там же, 1861, № 4, отд. 1, с. 506.
[22] Там же, 1865, № 1, отд. 2, с. 9.
[23] Свистов. Собрание литературных, журнальных и других заметок / Под ред. М. А. Алексеева, Н. И. Балашова, Г. И. Бердникова и др. М., 1982, с. 528.
[24] Современник, 1861, № 4, отд. 1, с. 507.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru

О. Н. АНСБЕРГ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» (1868—1884 гг.)

Время с конца 60-х до начала 80-х годов XIX в. составляет важный этап в истории Петербургского университета. Это период, когда в его стенах сложились получившие мировое признание научные школы, когда благодаря деятельности ряда крупнейших ученых университет прочно определил свое место «на передовых рубежах русской и мировой науки».[1] Это время действия наиболее благоприятного для университета устава 1863 г., который, как указывает Р. Г. Эймонтова, «начал проводиться в жизнь в более или менее полном объеме лишь в конце 60-х годов».[2]

1884 г. был последним годом существования «Отечественных записок», а также годом принятия нового реакционного университетского устава. Это совпадение не случайно. Закрытие журнала, ставшего с переходом редакции к Н. А. Некрасову в 1868 г. крупнейшим органом революционной демократии, было проявлением наступающей реакции, как и победа крайне правых сил в университетском вопросе.

Университетский вопрос традиционно привлекал внимание общественности и занимал важное место в идейно-политической борьбе в пореформенное время. Представляется поэтому интересным рассмотреть, каков был вклад в эту борьбу крупнейшего органа революционно-демократического направления, самого популярного и читаемого среди учащейся молодежи журнала.[3] Проблема эта ранее не изучалась. В указанной статье Р. Г. Эймонтовой имеется лишь упоминание о том, что выступление профессора Н. А. Любимова, высказавшегося печатно в 1873 г. за пересмотр университетского устава, «вызвало негодую-

---

[1] История Ленинградского университета. 1819—1969. Л., 1969, с. 138.

[2] Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 г. — В кн.: Исторические записки, 1960, т. 70, с. 196.

[3] Тираж журнала, начиная с 1869 г., не опускался ниже 6 тыс. экз., а в 1881—1882 гг. достигал рекордной цифры — 10 тыс. экз. (Богрид В. Э. Журнал «Отечественные записки» (1868—1884). Указатель содержания. М., 1971, с. 727—728). Число читателей, безусловно, было гораздо больше, но определить его можно только приблизительно. Так, Н. К. Михайловский считал, что в 1877 г. их было 100 тыс. человек (примерно 12 читателей на 1 экземпляр) (Отечественные записки, 1887, № 4, с. 196). Английский исследователь Р. Дж. Вэр подсчитывал среднее число читателей каждого номера на основании отчетов публичных библиотек и указывал, что один экземпляр журнала в течение месяца после его выхода прочитывало в библиотеке несколько сот (до тысячи) человек (Ware R. J. Russian journals and its public: Otechestvennye zapiski, 1868—1884. — Oxford Slavonic Papers. New series. 1981, vol. 14, p. 130—132). Студенческие библиотеки получали бесплатные экземпляры «Отечественных записок». Сохранилось несколько свидетельств о том, что петербургские студенты обращались к М. Е. Салтыкову-Щедрину с просьбами о бесплатной присылке журнала (М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1975). С подобными просьбами студенты обращались и к Н. К. Михайловскому, о чем свидетельствует ряд писем из его архива (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 181, оп. 2, д. 65, 96, 188 и др.).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

щие отклики „Отечественных записок" и „Вестника Европы".[4] В книге Г. И. Щетинина «Университеты в России и устав 1884 г.» имеется раздел «Передовая русская общественность начала 80-х годов об университетах», в котором рассматриваются некоторые из выступлений «Отечественных записок» по университетскому вопросу (в частности, «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева в № 3 за 1881 г.) и высказывается ряд интересных наблюдений. Так, автор пишет, что «Отечественные записки» «разделяли общую неосведомленность о разработке мер внутренней политики»[5] и показывает на конкретном примере, что редакция журнала не имела достоверных сведений о ходе рассмотрения проекта нового устава. Г. И. Щетинина, однако, не ставила своей задачей подробно рассматривать позицию журнала, да и хронологические рамки ее исследования охватывают только часть интересующего нас периода.

Представляется также важным проследить, в какой мере научная и общественная жизнь столичного университета, деятельность его крупнейших ученых, быт и настроения студенчества, студенческое движение получили отражение на страницах «Отечественных записок».

Интересным явилось бы изучение личных связей сотрудников находившейся в Петербурге редакции «Отечественных записок» со студентами и профессурой университета, участия универсантов в журнале. В частности, поскольку среди цензоров были профессора университета, можно ставить вопрос об университете как одном из каналов влияния общественного мнения на цензурную политику в отношении журнала. Так, известен относящийся к 1876 г. эпизод, когда начальник Главного управления по делам печати профессор В. В. Григорьев возмутительно грубо принял М. Е. Салтыкова-Щедрина, приехавшего хлопотать о своей статье, но после того как «в университетском совете ему чуть не сделали скандала» и потребовали объяснений через А. Д. Градовского,[6] он был вынужден вторично принять писателя, на этот раз с соблюдением всех приличий.[7]

Исследователь истории университетского студенчества также не может пройти мимо изучения журнала, существенно влиявшего на настроения и духовный облик учащейся молодежи и, безусловно, запечатлевшего какие-то черты этого облика. «Отечественные записки» сознательно адресовались прежде всего к молодежной аудитории, о чем свидетельствует как ряд высказываний руководителей журнала, так и непосредственное знакомство с его публицистическими материалами. Популярность журнала среди молодежи показывает, что присутствовавший в тексте образ «читателя», к которому обращался журналист, воспринимался этой молодежью как ее достоверный портрет.

Сюжеты, связанные непосредственно с жизнью университета, хотя и получали отражение в журнале, как будет показано ниже, однако не являлись ведущими. Не они в первую очередь привлекали молодежь к «Отечественным запискам». В период расцвета народничества, стремления передовой молодежи идти «в народ» интересы крестьянства были для нее более актуальны, чем собственно студенческие, «академические». Этим, в частности, объясняется и отсутствие крупных студенческих выступлений вплоть до 1878 г. при высоком уровне общественной активности студенчества и ведущей его роли в революцион-

---

[4] Эймонтова Р. Г. Университетская реформа... с. 194.

[5] Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976, с. 120, с. 14, 21.

[6] Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М., 1976, т. 19, кн. 1, [illegible] об этом: Терновский М. В. «Отечественные записки», 1868—1884. Исто[illegible] литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966, с. 99.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

ном движении. «Как во время всех массовых движений, отвлекающих революционную молодежь в ряды действовавших революционных партий (1905, 1917 гг.), так и в эпоху хождения в народ (1874—1877 гг.) роль университетов в революционном движении можно изучать только вне стен университета»[8]. И особенно это надо сказать о 70-х годах, когда часть революционной молодежи направилась в деревню. За период с 1869 по 1878 г. не было крупных студенческих движений в стенах университетов. «Отечественные записки», уделявшие преимущественное внимание проблемам деревни, аграрному вопросу, судьбам общины, получившие прозвище «мужиковствующего» журнала, удовлетворяли, таким образом, насущную идеологическую потребность студенческой молодежи.

Вопрос об отношении к высшему образованию, о нравственной допустимости занятий наукой для молодых людей 70—80-х годов был связан с вопросом о «долге» интеллигенции перед народом, с представлением о необходимости революционного действия и являлся для них насущным и больным вопросом. Критикуя казенную, официальную науку, публицисты «Отечественных записок» доказывали, что настоящая наука не противоречит борьбе за благо народа и что революционная деятельность возможна только на основе правильной, научной теории (хотя народничество такой теорией, по существу, не являлось, но в их представлении оно опиралось на лучшие достижения современной ему науки). Этой общей идее подчинено большинство обращений журнала к конкретным вопросам университетской жизни.

В рамках статьи многие из перечисленных выше вопросов могут быть, конечно, только поставлены, подробное их освещение потребует специальных исследований. Нами будут рассмотрены прежде всего материалы «Отечественных записок», непосредственно касающиеся научной и общественной жизни Петербургского университета.

Как уже говорилось, в начале 1870-х годов был поставлен вопрос о пересмотре университетского устава. В августе 1872 г. министр просвещения Д. А. Толстой обратился к университетским советам с предложением высказаться о желательных изменениях в уставе 1863 г.: при этом о предстоящем пересмотре устава говорилось как о решенном деле. Все университеты высказались за оставление в силе существующего устава, а предлагавшиеся ими поправки сводились к пожеланиям увеличить материальные средства университетов и улучшить материальное положение преподавателей.[9]

При обсуждении этого вопроса в Московском университете, однако, за пересмотр устава в сторону резкого ограничения университетского самоуправления высказался профессор П. А. Любимов (не поддержанный никем из членов совета). Он опубликовал текст своего выступления в журнале «Русский вестник» (1873, № 2).

Откликом на это выступление было напечатанное в «Отечественных записках» (1873, № 5) письмо А. А. Майкова «Рачители университетского устава», в котором, указывая на близость мнений, высказанных Любимовым в «Русском вестнике» к передовицам «Московских ведомостей», А. А. Майков полемизировал одновременно с обоими реакционными органами. Рассматривая точку зрения Любимова, Майков показал, что для Любимова недостаточно консервативен не только устав 1863 г., но и уставы 1835 и 1804 гг. и иронически советовал сво-

---

[8] Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, с. 173. См. также: Ткаченко П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х годов XIX ... М., 1978.

[9] Эймонтова Р. Г. Университетская реформа... с. 123.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

сму оппоненту «перешагнуть в прошлое столетие и с умилительным вожделением представить себе образ профессора элоквенции Василия Кирилловича, по спине которого гуляет начальническая палка».

Продолжая полемику, Любимов опубликовал в № 79 «Московских ведомостей» «Объяснение» по поводу статьи «Рачители университетского устава», в котором, в частности, заявлял, что стал бы спорить не с неизвестным публицистом «Отечественных записок» (письмо Майкова было подписано буквой «О»), а с кем-либо из коллег-профессоров, например с В. И. Герье или С. А. Усовым. В следующем номере (№ 4) «Отечественные записки» опубликовали (с язвительным редакционным примечанием по этому поводу) статью профессора Московского университета известного зоолога С. А. Усова «Разбор мнения ординарного профессора Любимова по поводу пересмотра университетского устава», в которой программа Любимова разбиралась и критиковалась самым подробным образом. Любимов ответил новыми статьями в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», и «Отечественные записки», в свою очередь, поместили (в № 6) короткие полемические реплики Усова («Заметка на заметку») и Майкова («Ответ г. Любимову»)

Наиболее развернутым выступлением «Отечественных записок» в связи с проектами пересмотра устава было обозрение Н. А. Демерта «Наши общественные дела» (1873, № 6), целиком посвященное университетскому вопросу. Нарисовав яркую картину во многом неблагополучного положения университетов (нехватка профессуры, в ряде случаев низкое качество преподавания, необоснованное присвоение ученых званий), обозреватель «Отечественных записок» подверг резкой критике попытки реакционной публицистики представить это как результат университетского самоуправления. Показав, что предложения о пересмотре устава вытекают не из желания улучшить положение дел в университетах, а из общего стремления реакционных сил к контрреформам, Демерт дал выразительную характеристику роли существовавшего устава (при всех его недостатках): «Устав 1863 года имеет для университетов почти такое же значение, как Положение 19 февраля для крестьян». Для благосостояния университетов, считал Демерт, нужно не ограничение, а расширение самоуправления и широкий контроль общественного мнения за их деятельностью. «Если не прекратить господствующих в настоящее время в наших университетах халатных обычаев, то в ученые степени будут возводиться вовсе не за ученые достоинства, а по степеням родства и дружбы с влиятельными членами почтенной корпорации. Наконец, мы дождемся, что профессорами будут назначаться, как в дворянские предводители, отставные ротмистры, поручики и местные помещики-плантаторы, которые умели прославиться вовсе не в науке, а просто в истории местных скандалов. Нужно попробовать если не совсем уничтожить, то по крайней мере уменьшить профессорское кумовство и панибратство, при существовании которых университеты наши напоминают собою духовные консистории старинного устройства: но из этого вовсе еще не следует, будто бы нужно изменить радикально основания устава 1863 года, который тут не при чем».

Отмечая серьезные недостатки в постановке учебного процесса, в том числе и в Петербургском университете, «Отечественные записки» в то же время с глубоким уважением отзывались о деятельности видных университетских ученых. Как писал Н. А. Демерт в цитированном выше обозрении, «в последнее десятилетие появилось у нас немало (в особенности по отделам естественных, медицинских, мате-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

матических наук) таких ученых, которыми бы не постыдился ни один из европейских университетов».

В «Отечественных записках» была помещена рецензия на книгу Д. И. Менделеева «Основы химии» (1869, № 11), в которой этот труд горячо рекомендовался вниманию читателей; рецензия на руководство для изучения ботаники, составленное А. Н. Бекетовым; речь А. С. Фаминцына «Дарвин и его значение в биологии», прочитанная на торжественном акте в Петербургском университете 8 февраля 1874 г. (1874, № 3); знаменитая статья В. В. Докучаева «По вопросу об осушении болот вообще и в частности — об осушении Полесья» (1875, № 9); статья Ф. Ф. Петрушевского «Физическая наука и ее деятели» (1872, № 3).

Красной нитью через обращения журнала к трудам крупных естествоиспытателей проходит защита традиции материализма. В полной мере это относится к статье Петрушевского, в двух частях которой («Научные способы познания» и «Ненаучные способы познания») излагаются представления о всеобщности законов природы, о сохранении вещества и энергии, о логике научного доказательства и критикуются модные в то время идеи спиритизма о так называемой «психической силе» якобы нематериального происхождения.

Защите материалистических принципов в психологии посвящена статья П. Л. Лаврова «Г. Кавелин как психолог» (1872, № 8, 10, 11), в которой критикуются попытки К. Д. Кавелина вновь ввести в психологию понятие «души».

В поле зрения «Отечественных записок» были работы университетских юристов, статистиков, историков, филологов, востоковедов. В разделе «Новые книги» были помещены рецензии на сочинения Ф. Ф. Мартенса (1879, № 7; автор Н. К. Михайловский), Э. Р. Вредена (1874, № 10; Н. К. Михайловский), Ю. Э. Янсона (1877, № 5, 1878, № 12), Д. А. Хвольсона (1879, № 6; 1880, № 6), И. П. Минаева (1878, № 8). Книга В. И. Сергеевича «Вече и князь» широко использована в статье Г. З. Елисеева «Когда благоденствовал русский мужик и когда начались его бедствия?» (1869, № 1). Материалы исторических очерков А. Н. Веселовского «Старинный театр в Европе» легли в основу цикла статей А. М. Скабичевского «Драма в Европе и у нас» (1873, № 1, 3, 5). Ранее в «Отечественных записках» была помещена благожелательная рецензия на эту книгу (1870, № 8; А. П. Пятковский(?)). В 1879 г. (№ 5) с рецензией на монографию Веселовского «Этюды о Мольере» выступил Н. К. Михайловский.

Сотрудничал в «Отечественных записках» крупнейший историк народнического направления В. И. Семевский. В 1877 г. в журнале была опубликована его статья «Раздача населенных имений при Екатерине II» (№ 8), а в 1879 г. (№ 10—12) — не принятая к защите в Петербургском университете диссертация «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II» (рецензию на отдельное издание см. в № 6 за 1881 г.; С. Н. Кривенко (?)).

Несколько полемических эпизодов связано с именем историка права профессора юридического факультета А. Д. Градовского, который выступал со статьями в различных периодических изданиях и был довольно заметным публицистом либерально-консервативного направления. В 1873 г. (№ 11, 12) была опубликована большая статья А. М. Скабичевского «Наши грядущие Бисмарки», написанная по поводу книги Градовского «Национальный вопрос в истории и литературе» и посвященная критике его «либерально-национальной» концепции с позиций интернационализма и защиты интересов трудящихся, не совпадающих с «патриотическими» стремлениями буржуазии. В рецензии на первый том книги Градовского «История местного управле-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ния в России» (1868, № 12) высмеивались представления либерального профессора об «идеальных провинциальных учреждениях» как способе «быть свободными, не участвуя в политической жизни страны». В помещенной в № 1 за 1888 г. рецензии (авторство не установлено) на сборник статей Градовского «Трудные годы (1876–1880)» использовалась одна из статей («Задача русской молодежи») как повод выступить в защиту студентов, которых Градовский упрекал в «нежелании учиться». Автор рецензии счел также нужным дать отпор Градовскому, пренебрежительно отозвавшемуся (в статье «Социализм на западе Европы и в России») о нелегальных сочинениях революционных народников. В статье Градовского в соответствии с разработанной «охранительной традицией» русское революционное движение было представлено как не имеющее корней в общественном строе и экономике страны, а революционеры-народники — как эпигоны западноевропейского социализма. О западноевропейской социал-демократии Градовский отзывался с похвалой, но и ее, в свою очередь, изображал искаженно, как движение нереволюционное, не выходящее за рамки узкоэкономических задач; в этом смысле он и пытался ставить ее в пример русским революционерам. Отвечая на реплику Градовского, что теоретический разбор отечественных «хитрых механик» был бы «слишком легким делом» (подразумевается название известной пропагандистской брошюры В. Е. Варзара), автор рецензии указывал, что брошюра «Хитрая механика» представляет собой не что иное, как переделку речи о косвенных налогах Ф. Лассаля, «которому сам г. Градовский не отказывает в уме, познаниях и диалектической ловкости». Таким образом, Градовский в своих попытках противопоставить революционное движение в России и «на западе Европы» демонстрирует недостаточное знакомство и с тем, и с другим. Этот эпизод заслуживает внимания как одно из конкретных проявлений умения журнала отстаивать в легальной печати, по выражению В. И. Ленина, «хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью"».[10]

«Отечественные записки» периодически обсуждали проходившие в Петербургском университете ученые диспуты и представленные к защите диссертации, хотя делали это с разной степенью обстоятельности — начиная от довольно легковесных замечаний Л. И. Розанова в «Современных заметках» (1868, № 5) о защите М. И. Горчакова и до весьма подробного критического разбора диссертации И. И. Кауфмана в обозрении А. А. Головачевского «Мысли вслух» (1875, № 8). Благоприятный отзыв получила магистерская диссертация И. Я. Фойницкого «Мошенничество по русскому праву» (1871, № 4).

Резкой критике подверглась в журнале защищенная в Петербургском университете магистерская диссертация Вл. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов». Специально этому вопросу была посвящена статья В. В. Лесевича «Как иногда пишутся диссертации» (1875, № 1), «Пиетистом, отрицающим даже научный метод исследования и желающим подчинить философию религиозному воззрению», назвал Соловьева А. А. Головачевский в указанном выше обозрении. О диссертации Соловьева писали также Н. К. Михайловский и Г. З. Елисеев.

Несколько раз на страницах «Отечественных записок» появлялись отклики на торжественные университетские акты. В 1869 г. (№ 3) в «Современном обозрении» Л. И. Розанов описал процедуру празднования университетского юбилея (богослужение, чтение исторической записки по случаю 50-летия университета, поздравления депутаций

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 334.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

других учебных заведений), в части же обсуждения ограничившись юмористическими замечаниями по поводу того, что в исторической записке университет «сам себя хвалит» и проч.

Акт 1881 г., ознаменовавшийся студенческими выступлениями,[11] подробно описал Г. З. Елисеев, посвятивший обсуждению университетского вопроса и политики Д. А. Толстого в области образования в целом в связи с событиями 8 февраля 1881 г. «Внутреннее обозрение» в № 3 за 1881 г.

Г. И. Щетинина, анализируя это обозрение, пишет о стремлении «Отечественных записок» отмежеваться как от консерваторов, так и от либералов.[12] Однако оценка студенческих выступлений, данная Елисеевым, выглядит весьма близкой к позиции либералов. Елисеев указывал, что студенческих историй с нетерпением ждали «охранители», которые были уверены, «что эти истории непременно будут... что вследствие этого начнутся аресты, расследования, ссылки и т. д.... и тогда конец „новым веяниям"» (под «новыми веяниями» подразумевался обсуждавшийся в это время проект А. А. Сабурова и Д. А. Милютина о студенческих корпоративных организациях, в котором предполагалось разрешить сходки, организацию студенческих касс, дешевых столовых и проч.). Руководствуясь, вероятно, желанием защитить университетскую молодежь, Елисеев всячески старался приуменьшить значение выступлений студентов: «Студенческая история кончилась скандалом при акте. К скандалу и скандалистам все почти студенты отнеслись с порицанием. К такому трезвому и разумному отношению студентов к скандальной истории, небывалому и немыслимому при графе Толстом, вся пресса отнеслась с подобающей похвалой». Не соглашаясь с мнением, высказывавшимся в либеральной печати, о том, что университетская история была вызвана медлительностью Министерства народного просвещения в осуществлении обещанных преобразований, Елисеев сам по сути дела сводит ее причины к «недоверию к учебному начальству», сложившемуся у учащейся молодежи за время министерства Толстого.

Университетскому акту 1882 г.[13] уделено несколько страниц в «Записках современника» Н. К. Михайловского (1882, № 3) в связи с попыткой «Московских ведомостей» изобразить якобы имевший место «скандал». Процитировав из катковской газеты описание того, как «один почтенный профессор», который должен был читать отчет о состоянии университета, «не был в состоянии исполнить это поручение: его принудили нескончаемыми криками сойти с кафедры; чтение отчета было тогда поручено ректором другому, более популярному профессору, который и был встречен громом аплодисментов», Михайловский дает свое объяснение этому происшествию (а также и причинам, по которым «Московские ведомости» не называют имени «более популярного» профессора): «Отчет должен был читать г. Помяловский, профессор действительно почтенный, но отличающийся слабым голосом... В публике послышались слова „громче! громче!" Г. Помяловском...

---

11 См. об этом: Жукова Р. Г. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 80-х годов XIX в.—В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, вып. 2. Л., 1968; Волк С. С. Революционные издания народовольческих кружков Петербургского университета в 1882 г.— Там же.

12 Щетинина Г. И. Университеты в России... с. 120.

13 Как пишет С. С. Волк, «в начале 1882 г. Центральный кружок по примеру прошлого года решил провести демонстрацию на годичном акте 8 февраля. Однако по каким-то причинам демонстрация эта мало удалась — дело ограничилось свистом при встрече и уходе министра просвещения А. В. Никольского» (Волк С. С. Революционные издания народовольческих кружков Петербургского университета в 1882 г.— В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1968. с. 88).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

ский громче не мог и потому с его согласия, ректор попросил прочитать отчет г. Миллера... Г. Ор. Миллер есть испытанный и охочий чтец... Что же касается популярности г. Ореста Миллера, то, сколько мне известно, учащаяся молодежь очень ценит его добрый характер. Может быть, однако, популярность г. Миллера имеет и другие... основания, заложенные в самом образе мыслей почтенного профессора. В таком случае „Московские ведомости" могли бы только радоваться... ибо он есть известный патриот своего отечества, почитатель г. Аксакова, пропагандист Достоевского, защищающий „основы" по мере своих сил и способностей. Но даже невинный образ г. Ореста Миллера не удержал г. Каткова от поползновения поиграть жупелом вольнодумства... Судя по тону „Московских ведомостей", вы так и ждете, что вам покажут необузданного демагога с красным знаменем в руках, с пламенными речами на устах. И вдруг выскакивает маленькая, аккуратная, благонамеренная фигура О. Ф. Миллера...»[14]

Показав, что «события 8 февраля» сочинены «Московскими ведомостями», Михайловский подчеркивает, что сам факт университетских «историй» не подлежит сомнению и свидетельствует о недовольстве студентов своим положением. По поводу этого, пишет он, «небезынтересно было бы слышать объяснение от самого учащегося люда». С этой целью публицист пересказывает и довольно обширно цитирует записку за подписью нескольких студентов под заглавием «Корни университетских историй и беспорядков».[15]

Об интересе журнала к жизни и настроениям студенчества наглядно свидетельствует отзыв об уже упоминавшемся студенческом сборнике («Отклик». Литературный сборник. В пользу студентов и слушательниц высших женских курсов города С.-Петербурга. СПб., 1881[16]),

---

[14] В 1877—1878 гг. «Отечественные записки» несколько раз резко критиковали О. Ф. Миллера, активно выступавшего во время русско-турецкой войны с ура-патриотическими статьями и речами (Г. З. Елисеев — во «Внутреннем обозрении» (1877, № 10); Н. К. Михайловский — в рецензии на книгу Миллера «Славянство и Европа» (там же), С. Н. Кривенко — в статье «Г-н Костомаров об исторической задаче» (1878, № 4), рисуя образ трудолюбивого и честного, но ограниченного и мало талантливого казенного ученого, иронизируя над «слабостью дарования» и «тусклостью деятельности» Миллера (Михайловский), над тем, что «его теперь уже не слушают, даже газеты не печатают, что́ он говорит — „говорил и баста!", предполагая, конечно, что всякому уже известно, что́ он может говорить» (Кривенко). В данном случае Михайловский, видимо, в какой-то мере и утрирует «благонамеренность» и «невинность» профессора, чтобы наглядней разоблачить попытки «Московских ведомостей» придать эпизоду «политический» характер.

[15] В архиве Н. К. Михайловского находится письмо к нему студента Петербургского университета М. Васильева от 28 февраля 1882 г., в котором он пишет: «Ваше постоянное внимательное и сочувственное отношение к интересам университета и студенчества дает мне некоторое основание надеяться, что Вы не откажетесь исполнить мою просьбу и удовлетворить желание моих товарищей (на заглавном листе статьи Вы найдете их подписи), дав место на страницах „Отеч. записок" прилагаемой при этом статьи. Если Вы сочтете неудобным дать статье отдельное место в журнале, то не воспользуетесь ли ее темой, планом и материалом для „Записок Современника" мартовской книги журнала? Само собой разумеется, что все изменения в тексте предоставляются Вашему усмотрению... Еще одно обстоятельство, побуждающее меня обратиться с своей просьбой именно в Вашу редакцию. Недавно, говоря по поводу выхода в свет „Отклика" (студенческий сборник. — *О. А.*), „Отеч. записки" сделали упрек, что студенческий „Отклик" еще не откликнулся на нужды и требования современного студенчества. Я совершенно согласен с редакцией „Отеч. записок" и думаю, что нужды и трудности университета и студенчества до того важны, что в состоянии заинтересовать собою не только читателей „Отклика", но и подписчиков „Отеч. записок" (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, д. 106).

[16] Инициатива этого издания принадлежала группе молодых народовольцев (П. Ф. Якубовичу, В. Н. Шаталову и др.), обратившимся осенью 1880 г. к ряду известных литераторов (в том числе к сотрудникам «Отечественных записок» — Н. К. Михайловскому, Г. И. Успенскому, Н. Н. Златовратскому) с просьбой принять уча-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

помещенный в № 11 за 1881 г. (авторство не установлено). Общество, пишет рецензент, не знает, как живет студенческая молодежь, которую справедливо называют «надеждой России». «Мы видим последние листы газет, испещренные стереотипными объявлениями студентов об уроках, переводах, наконец „какой-нибудь" работы, пропускаем их с равнодушием привычных людей и редко вдумываемся в их сокровенный, горький смысл... Мы слышим об учреждении различных „обществ для вспомоществования студентам", но деятельности этих обществ не знаем... Всем известны, наконец столь давнишние, заветные и столь скромные желания студентов относительно различных касс, дешевых столовых, библиотек и т. д., и мы не можем взять в толк, какие причины могут тормозить осуществление таких очевидно полезных и вполне безобидных учреждений. Как будто что-то фальшивое, что-то лицемерное существует в наших отношениях к студентам... с одной стороны, „надежда", а с другой стороны, как будто пугало...»

Критикуя составителей за то, что в конечном счете из-за стремления привлечь профессиональных литераторов «Отклик» получился обыкновенным литературным сборником, «все отношение которого к студенчеству заключается в материальных целях его издания», автор отзыва намечал целую программу для подобного рода изданий: «Расскажи студенты о себе, в широком смысле этого слова, т. е. об условиях и материальных, и духовных своего существования, и их „сборник" приобрел бы значение совершенно независимо от каких бы то ни было его литературных достоинств или недостатков... для нас важен и в высшей степени интересен тот дух, который господствует в среде студентов, их симпатии, преобладающее направление в их идеях, характер и род их любимых занятий, их виды на будущее, их отношения к настоящему... У „сборника" есть свой самостоятельный путь, путь разработки студенческих интересов, которым ему и надлежит идти».

Как уже говорилось, учащаяся молодежь, революционно настроенная и близкая к революционным кругам, являлась важной и специфической группой читательской аудитории «Отечественных записок». Представляется интересным вопрос о том, каковы были источники информации сотрудников журнала о жизни и настроениях студенческой молодежи. Это, с одной стороны, безусловно, личные контакты, сведений о которых, к сожалению, сохранилось мало (мемуары свидетельствуют о постоянном присутствии молодежи в доме Елисеевых, о посещении Михайловским студенческих вечеринок; Михайловский в известном письме к П. Л. Лаврову (1873 г.)[17] упоминает о молодых людях,

---

стие в сборнике. Писатели охотно откликнулись; в частности, Михайловским были переданы в сборник главы из не прошедшей цензуру статьи «Герои и толпа» (см. об этом: Якубович П. Ф. Письма Н. К. Михайловского. — Русское богатство, 1910, № 1, с. 232; Валк С. Н. К истории процесса 21. — Красный архив, 1929, № 5(36), с. 128—129). Сборник, отпечатанный уже после 1 марта 1881 г., был расценен как «отклик» студентов на цареубийство, но в ходе соответствующего расследования выяснилось, что он был подготовлен существенно раньше. Составители избежали наказания, однако ряд материалов, в том числе статья Михайловского и стихотворения Якубовича, были изъяты. В «Отечественных записках» рецензировался этот второй, существенно более слабый вариант сборника. Экземпляр первоначального варианта «Отклика» с цензурной правкой был обнаружен С. Н. Валком в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (см. также: Окунев Б. Уникальный экземпляр. Из истории одного революционного издания. — Подъем (Воронеж), 1867, № 3). Из текста рецензии, к сожалению, не атрибутированной даже предположительно, неясно, была ли автору известна история «Отклика».

17 Минувшие годы, 1908, № 1.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

которые обращаются к нему за разрешением жизненных вопросов «лично и письменно» и проч.). Это, с другой стороны, письма в редакцию журнала или лично к его сотрудникам. В упоминавшемся уже архиве Михайловского в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР находится свыше 400 писем к нему от рядовых читателей, в том числе несколько десятков студенческих писем, относящихся ко времени существования «Отечественных записок».

Эти письма свидетельствуют о высоком уважении и доверии, с которым их авторы относятся к журналу и одному из его ведущих публицистов, четко осознаваемой ими общности идеалов, можно сказать, духовном родстве. Проявляется это не только в прямых высказываниях, но еще более наглядно, например, в том, что эти молодые люди, хотя, как правило, и извиняются за то, что отнимают время у столь занятого человека, тем не менее чувствуют себя вправе обращаться к Михайловскому со своими просьбами и затруднениями и рассчитывать на его внимание и помощь именно как единомышленника, сотоварища.

Часто авторы писем просят помочь составить программу самообразования для кружка или личного чтения. В этих письмах содержится интереснейший конкретный материал, подробное изучение которого позволило бы судить о том, каким представлялся их авторам образованный человек, каковы были их запросы в сфере образования и реальный уровень подготовки.

Особую группу представляют письма, которые можно было бы назвать письма-«исповеди». Их авторы, обращаясь к Михайловскому как к человеку, чьи убеждения и нравственный облик известны со страниц журнала, просят указать, как жить, чему посвятить себя, и зачастую довольно подробно описывают свою духовную эволюцию. Это — уникальные человеческие документы, каждый из которых заслуживает подробного анализа. Несмотря на все индивидуальные различия, в них присутствует и ряд сходных черт. Складывается представление о некотором достаточно распространенном типе духовного развития, проходящем несколько этапов (детское, некритическое отношение к системе официальных ценностей: критическая переоценка прежних представлений, вера в науку и стремление служить «обществу», занимаясь научными исследованиями; наконец, постепенный переход к идее «долга перед народом» и служения «народу», к отказу от занятий наукой, зачастую сопряженный с тяжелым юношеским кризисом).

Многие письма являются непосредственными откликами на статьи, помещенные в журнале, содержат пожелания осветить на его страницах какой-либо вопрос или — впрочем, весьма редко — критические высказывания. Характерна зачастую прямо высказываемая уверенность в том, что журнал издается «для них», для образования и воспитания молодежи. Эти письма наглядно демонстрируют живую, повседневную связь между журналом и читателями и дают материал для конкретного исследования характера читательских откликов и оценки того, насколько правильно представляли себе руководители журнала ту аудиторию, к которой адресовались. Следует отметить, что письма внимательно прочитывались и изучались Михайловским — на многих из них сохранились его карандашные пометки.

Мы рассмотрели, таким образом, место университетской тематики на страницах «Отечественных записок», роль журнальных публикаций в борьбе за передовую, демократическую науку, за воспитание учащейся молодежи в духе служения интересам народа. Очевиден, на наш взгляд, не только интерес студенчества к журналу, но и активный инте-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

рес сотрудников «Отечественных записок» к проблемам учащейся молодежи, сознательная ориентация журнала прежде всего на молодежную (студенческую) аудиторию. Исходя из этого можно теперь сформулировать дальнейшие перспективы изучения темы «Петербургский университет и „Отечественные записки"» и в первую очередь изучения журнала как фактора, в определенной мере формировавшего мировоззрение и облик университетского студенчества. Материалами для такого рода исследования могут служить мемуары современников, письма в редакцию журнала и, наконец, сами материалы журнала, тщательный анализ которых (возможно, с применением количественных методов) мог бы выявить присутствующий в них образ «читателя».

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru

В. Н. СМИРНОВ

У ИСТОКОВ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА

В Петербургском университете с момента его основания[1] вплоть до первой мировой войны, как и в других университетах царской России, предмет «Физическое воспитание» не входил в учебные программы,[2] хотя прогрессивно настроенные деятели страны XVIII—XIX вв. неоднократно доказывали необходимость физического воспитания как в гимназиях, так и в высших учебных заведениях.

Созданное в результате реформ в 1802 г. Министерство народного просвещения и принятый в 1804 г. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» не решили проблему физического воспитания в вузах. В уставе университетов было записано: «Там, где возможно, надлежит проводить занятия танцами, музыкой и телесными упражнениями».[3] Тем не менее средств на физическое воспитание университетам не отпускалось.

В конце XIX в. выдающийся педагог и ученый, основатель отечественной системы физического образования П. Ф. Лесгафт читал курс общей анатомии человеческого тела на естественном факультете Петербургского университета. На лекциях П. Ф. Лесгафт, формируя представление о функционировании человеческого организма у студентов, в то же время обращал большое внимание и на их физическое развитие. Университет не имел своего помещения, пригодного для занятий спортом, и П. Ф. Лесгафт какими-то путями ухитрился достать разрешение пользоваться для этих целей манежем в Адмиралтействе.[4] Однако регулярные занятия физическими упражнениями в Петербургском университете связаны с появлением в нем Ивана Владимировича Лебедева.[5]

---

[1] Забытую дату основания Петербургского университета — 1725 г.—достаточно аргументированно обосновывают Ю. Марголис и Г. Тишкин. (Марголис Ю., Тишкин Г. Сколько лет Петербургскому — Ленинградскому университету? — Ленинградский университет, 1983, 18 марта).

[2] Лишь в военных и ряде привилегированных учебных заведениях, например в Александровском лицее, физическое воспитание входило в состав обязательных учебных предметов.

[3] Цит. по: История физической культуры / Под ред. Ф. И. Самоукова, Н. И. Топорова, Г. Д. Харабуги и др. М., 1964, с. 211.

[4] Агеевец В. У. Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях страны. — В кн.: Теоретический курс по физическому воспитанию студентов. Ч. 1, 1974, с. 12.

[5] Известная литература о И. В. Лебедеве в основном отражает его профессиональную цирковую и педагогическую деятельность (см.: Ширай А. «Дядя Ваня». — Советский цирк, 1960, № 12, с. 18—21; Лебедева А. 1; «Дядя Ваня». — Спортивная жизнь России, 1979, № 8, с. 20—21; 2) Каждый может и должен быть сильным. — Ленинградский университет, 1982, 15 янв.). Вопрос о курсах атлетики при Петербургском университете впервые на основе дореволюционной периодической печати рассматривался в статье: Бушман Э. Так начинался вузовский спорт. — Ленинградский университет, 1976, 2 нояб.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

И. В. Лебедев родился 21 мая 1879 г. в Петербурге. С 16 лет начал заниматься гимнастикой и вскоре появился в кружке «отца русской тяжелой атлетики» доктора В. Ф. Краевского. Любимый ученик В. Ф. Краевского, он с 1897 г. становится его помощником и работает в качестве тренера в Велосипедно-атлетическом, а затем в С.-Петербургском атлетическом обществе. В 19 лет он поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, но вскоре переводится на юридический. Уже в кружке В. Ф. Краевского ярко проявились педагогические способности И. В. Лебедева.

Мысль о создании в университете кружка атлетического спорта не давала И. В. Лебедеву покоя с 1900 г. Он поделился своими планами с секретарем по студенческим делам В. И. Моисеевым, который посоветовал подать проект кружка ректору и обещал помочь в этом деле. Летом 1901 г. И. В. Лебедев подал проект кружка ректору и даже составил смету, чего, по его собственному признанию, никогда не любил делать. Когда ректор А. Х. Гольмстен передал проект министру народного просвещения генералу Вановскому, И. В. Лебедев не на шутку взволновался, полагая, что проект его теперь положат под зеленое сукно. «Но к моему изумлению, не прошло недели, как проект был утвержден министром и при университете созданы курсы атлетики и физического развития, причем заведующим и преподавателем был назначен я».[6]

«Курсы шведской гимнастики и атлетики» при Петербургском университете открылись 1 ноября 1901 г.[7] Этот день принято считать как началом постановки физического воспитания в высших учебных заведениях России,[8] так и датой возникновения вузовского спорта.[9]

Занятия начались в небольшой комнате.[10] Со временем удалось организовать душ и занять вдвое большее помещение, но и оно было тесно, так как число занимавшихся постоянно росло. Только в течение первого года занималось до двухсот человек.[11] Желая придать любимому делу необходимый размах, И. В. Лебедев предпринимает новые шаги по увеличению базы для занятий спортом. Он намеревается занять манеж 1-го кадетского корпуса, расположенный вблизи университета в Филологическом переулке, где можно было играть в футбол, лаун-теннис и даже заниматься велосипедным спортом.

В Центральном государственном историческом архиве СССР сохранилось несколько любопытных документов, отражающих переписку министра народного просвещения В. Г. Глазова с помощником начальника военно-учебных заведении К. Н. Анчутиным по поводу передачи манежа университету.[12] 19 сентября 1904 г. В. Г. Глазов пишет записку К. Н. Анчутину с просьбой о предоставлении университету манежа, на которую последовал ответ, что манеж до ходатайства университета предоставлен обществу Красного Креста для складов на время войны,

---

[6] Лебедев И. В. Записки счастливца. — Урал, 1961, № 9, с. 137.

[7] Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 733, оп. 152, д. 169, л. 2—3.

[8] Лебедева А. «Дядя Ваня». — Спортивная жизнь России, 1979, № 8, с. 20.

[9] Бушман О. Так начинался вузовский спорт. — Ленинградский университет, 1976, 12 нояб.

[10] И. В. Лебедев в своих мемуарах писал, что курсы тогда помещались в одной из шпильных университета (Лебедев И. В. Записки счастливца, с. 137), что не согласуется с его корреспонденцией, помещенной в журнале «Спорт», 1902, № 28, где он писал: «Поместились они (курсы. — В. С.) в довольно просторной комнате (плюс шпильная и курилка)».

[11] Бушман О. Так начинался вузовский спорт. — Ленинградский университет, 1976, 2 нояб.

[12] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 152, д. 169, л. 4—11, 32—35.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

но пока еще не занят. Далее, 12 ноября 1904 г. К. Н. Анчутин в дополнении к письму от 8 октября 1904 г. испрашивает у В. Г. Глазова, какую связь с постановкой дела физического развития в университете имеет С.-Петербургское атлетическое общество, которому, согласно положению военного совета 10 октября 1903 г., уже был предоставлен манеж корпуса сроком на 5 лет.[13]

Трудно сказать, что помешало занять манеж С.-Петербургскому атлетическому обществу, где председателем был Г. И. Рибопьер, вкладывавший в развитие спорта в России свои капиталы, но, видимо, И. В. Лебедев не знал о намерениях Г. И. Рибопьера, хотя и работал в качестве тренера в руководимом им обществе.

Переписка по делу о передаче манежа университету длилась свыше года и все более утопала в бюрократической волоките, пока назревавшие революционные события 1905 г. не положили конец этому затянувшемуся делу. Ректор университета 29 сентября 1905 г. сообщал директору корпуса, что Правление отказывается от своего ходатайства ввиду изменившихся условий. Последнюю точку в этом вопросе поставило письмо ректора университета товарищу министра народного просвещения от 18 февраля 1906 г. «Правление, не получая окончательного согласия от Кадетского корпуса на передачу манежа, обратило внимание на несвоевременность, полную нецелесообразность и неуместность не только расширения курсов атлетики, но и самого их существования при университете. Посему, — говорилось в письме, — Правление сочло необходимым упразднить при университете курсы атлетики и отказаться от пользования манежем».[14]

Занятия на курсах проводились ежедневно под руководством И. В. Лебедева и по составленной им программе. В нее входили: гимнастика с легкими гирями, атлетика и шведская гимнастика с резиновыми и другими аппаратами. Кроме того, с января 1904 г. в программу было включено фехтование на рапирах и эспадронах. С осени того же года в программе курсов появляется бокс. Весной в погожие дни занятия проходили на открытом воздухе в крайнем уголке Ботанического сада университета, где к обычным упражнениям прибавлялась игра в городки.[15]

В результате к четвертому году существования курсов программа их значительно расширилась и включала в себя несколько видов спорта. Естественно, что к этому времени руководитель курсов И. В. Лебедев завел себе помощников: занятиями по гимнастике на турнике и брусьях руководил В. П. Крестьянсон[16] (с осени 1904 г. он преподавал бокс и партерную гимнастику), уроки фехтования давал Ф. С. Никитенко. Атлетику, вольные движения, силороды преподавал сам И. В. Лебедев.[17] С начала основания курсов к ним был прикреплен постоянный служащий.

Таким образом, курсы с течением времени превратились в своеобразную «малую кафедру физического воспитания», состоявшую из 3 преподавателей, хотя плату получал лишь руководитель — И. В. Лебедев, прозванный «профессором атлетики».

Число занимавшихся на курсах постоянно увеличивалось и к по-

---

[13] Там же, л. 11.

[14] Там же, л. 35.

[15] Иллюстрированный журнал атлетики и спорта (редактор-издатель И. В. Лебедев), 1905, № 1-2, с. 17. — О. Бушман, ссылаясь на Журнал «Самокат», упоминает еще два вида спорта: футбол и легкую атлетику (метание диска и ядра). — Бушман О. Так начинался вузовский спорт. — Ленинградский университет, 1976, 2 нояб.

[16] В. П. Крестьянсон, как и И. В. Лебедев, в свое время занимался в кружке д-ра В. Ф. Краевского.

[17] Иллюстрированный журнал Атлетики и Спорта, 1905, № 1-2, с. 18.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

следнему году их существования возросло до 250 человек. Студенты занимались с большим интересом, добиваясь успехов и в соревнованиях, и в улучшении здоровья. Как-то ректор спросил у одного из наиболее частых посетителей курсов студента Б. И. Веселова:

— Пользу или вред приносят вам занятия у Лебедева?

— Вред, — улыбнулся Веселов.

— Как так?!

— Да каждую неделю приходится переставлять пуговицы на тужурке, все шире становлюсь.[18]

На курсах в 1904—1905 гг. проводились соревнования по поднятию тяжестей. О результатах первых чемпионов Петербургского университета мы знаем из кратких отчетов, помещавшихся в «Иллюстрированном журнале атлетики и спорта», который И. В. Лебедев издавал в 1905 г.[19] Автором этих отчетов, по-видимому, был сам И. В. Лебедев, подписывавший их вымышленным именем «Двухпудовик».

В соревнованиях 1904 г. первое место и приз завоевал А. А. Стырикович, хотя звание «лучшего атлета курсов» и золотая медаль были присуждены В. А. Лепешкину.[20] Во втором известном нам чемпионате 1905 г., который проходил в помещении С.-Петербургского атлетического общества (Стремянная ул., 13), победу одержал Симонолевич. С 1904 г. на курсах, как в свое время в кабинете В. Ф. Краевского, за рекорды стали выдаваться дипломы-карточки, а за выдающиеся результаты — серебряные и золотые жетоны и медали.

Популярность кружка атлетики[21] при Петербургском университете быстро росла, и вскоре к И. В. Лебедеву стали обращаться за советами по организации таких же кружков студенты других учебных заведений. И. В. Лебедев не только помогал советами (иногда он составлял план и смету кружка), но и посылал своих учеников и сподвижников для налаживания работы в других вузах Петербурга: Политехническом институте, Лесном, Военно-медицинской академии и др.

Таким образом, курсы атлетики не только явились первой попыткой введения регулярных занятий физическими упражнениями в университете, но и в значительной степени оказали влияние на развитие самодеятельного спорта среди студентов Петербурга, что, в свою очередь, способствовало созданию в 1910 г. С.-Петербургской спортивной лиги студентов. Но в условиях царской России студенческое спортивное движение не могло развиться до подлинно массового, и к началу первой мировой войны из 105 вузов страны только в 40 были созданы спортивные кружки.

Деятельность курсов атлетики при Петербургском университете протекала в исключительно сложное предреволюционное время (1901—1905 гг.). Несмотря на то, что царское правительство, напуганное ростом студенческих волнений, вынуждено было пойти на уступки студентам[22] и разрешить открытие различных кружков, в том числе и для занятий физическими упражнениями, оно тут же решило взять их под

---

18 Лебедев И. В. Записки счастливца, с. 138.

19 Журнал поглощал все заработки И. В. Лебедева на курсах, в атлетическом обществе, от частных уроков. Всего вышло 6 номеров.

20 Во время этих соревнований В. А. Лепешкин получил травму и не смог участвовать в них до конца.

21 Так часто называет курсы сам руководитель (см.: Лебедев И. В. Записки счастливца, с. 138).

22 После расправ над студентами правительство опубликовало 30 декабря 1901 г. в целях «умиротворения» «Временные правила организации студенческих учреждений», но вместо ожидаемого «спокойствия» беспорядка снова охватили все учебные заведения (см.: Олесич Н. Я. В. И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982, с. 72—73).

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

неослабный контроль. По указанию Министерства народного просвещения все попечители округов должны были сообщить о всех легально существующих при высших учебных заведениях студенческих кружках.

Ректор Петербургского университета 27 февраля 1904 г. представил попечителю округа уставы студенческих кружков: астрономического, ботанического, римского и гражданского права, политической экономии, изящной словесности и научно-литературного общества при историко-филологическом факультете.[23] Отсутствие в этом списке курсов, по-видимому, объясняется не столько особым расположением ректора к ним,[24] сколько тем, что курсы не были кружком в собственном смысле слова, так как студенческие кружки создавались чаще всего на самодеятельной основе, а курсы существовали за счет университетских средств.[25]

Курсы просуществовали весь период нарастания революционного подъема в стране и были закрыты в 1905 г. Наступившие годы реакции не позволили возобновить работу курсов, и спортивная жизнь университета возобновилась только в 1908 г.

Примечательна судьба первого университетского «профессора атлетики» И. В. Лебедева. Весной 1905 г. он, студент юридического факультета, не держа государственных экзаменов, покидает университет. 7 июня того же года закончился сезон занятий на курсах атлетики при университете. 8 июня он прекращает работу в качестве тренера-преподавателя в С.-Петербургском атлетическом обществе, а с 25 июня 1905 г. началась новая полоса в его жизни — он стал профессионалом. Большую часть жизни он посвятил организации чемпионатов борьбы в различных цирках России, где широкая публика знала его как арбитра «Дядю Ваню».

Многие современники, видевшие «Дядю Ваню» в цирке, оставили воспоминания, в которых подробно описывается его деятельность на арене вплоть до остроумных реплик, но нам мало что известно о его преподавательской работе как на курсах, так и в «Заочной школе физического развития».[26] Известно, что он создал свою систему физического развития, и она в начале XX в. была так же популярна, как и системы других известных атлетов его времени: И. Мюллера, Е. Сандова, Г. Гаккеншмидта, Самсона, А. Анохина. Как ему удавалось при помощи своей системы заочно обучать людей, да еще «применительно к индивидуальностям каждого организма»? Каким образом в течение короткого времени, работая на курсах со студентами, он добивался таких поразительных результатов?

В отчетах С.-Петербургского университета имеются выборочные данные о состоянии здоровья и количественные характеристики занимающихся. Так, из отчета за 1903 г. видно, что у всех 10 обследуемых за короткий срок занятий от двух до девяти месяцев объем грудной клетки по показанию прибора увеличился в среднем с 3 до 10 см.[27]

По-видимому, работа на курсах строилась в расчете на скорейшее увеличение мышечной массы, выработку красивой фигуры и увеличение функциональных возможностей организма. Но это не был голый

---

[23] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 152, д. 150, л. 6.

[24] Ректор А. М. Жданов сам был страстным лыжником и благоволил к курсам.

[25] И. В. Лебедев из университетских сумм получал каждый месяц за руководство курсами по 50 руб., за исключением летних месяцев.

[26] Еще будучи студентом, И. В. Лебедев организовал «Заочную школу физического развития». Полный курс этой школы составлял полгода, а корреспонденты каждый месяц получали от него 2 письма.

[27] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 204, д. 150, л. 158–159.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

культ мышц, силы и рекордсменства, который иногда приписывают гиревому спорту старого Петербурга. Свидетельством тому может служить неопубликованная рукопись В. Ф. Краевского «Катехизис спортсмена. Правила для занимающихся спортом».[28] Первый помощник В. Ф. Краевского, И. В. Лебедев мог быть и помощником в составлении «Катехизиса». Как бы то ни было, но взгляды своего учителя он знал хорошо и, естественно, претворял их в жизнь.

В рукописи содержатся положения, которые В. Ф. Краевский считал основными в занятиях атлетическим спортом. В основу занятий, по его мнению, должно входить «физическое развитие, здоровье и закаливание организма».[29] Атлетизм В. Ф. Краевский вводил в разумные рамки, противопоставляя его голому «накачиванию» мышц.

Символично заключение рукописи, в котором В. Ф. Краевский выразил устремления лучших представителей спортивных кругов Петербурга: «Мы должны не только заботиться о преуспевании своих обществ, но и насаждать спорт на родине, поставить спорт на подобающую высоту в своем отечестве, доказать миру, что Россия — культурная страна и что спорт в России, двинутый мощью народного духа, займет в будущем по успехам первое место в соперничанье народов».[30]

Только после Великой Октябрьской социалистической революции заветы «отца русской тяжелой атлетики» и его ученика, первого «профессора атлетики» Петербургского университета И. В. Лебедева, были претворены в жизнь, и физическая культура действительно стала всенародным достоянием.

---

28 Рукопись была подготовлена к печати и даже утверждена цензурой 9 декабря 1899 г., но по каким-то причинам не увидела свет (см.: Чесноков Б. Катехизис здоровья. — Спортивная жизнь России, 1967, № 6).

29 Сходные идеи И. В. Лебедев высказывал в редакционной статье своего первого номера журнала: «... давайте все вместе работать во имя процветания... такого здорового и полезного дела, как спорт, — в нем сила, энергия, выносливость и здоровье» (Иллюстрированный журнал, № 1-2, с. 2).

30 Цит. по: Чесноков Б. Катехизис здоровья. — Спортивная жизнь России, 1967, № 6, с. 18.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

М. В. БОРИСЕНКО

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСТВА ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ в 1907 г. — феврале 1917 г.

(историография вопроса)

В период между первой русской революцией и Февральской революцией 1917 г., когда главной движущей силой освободительного движения в России стал пролетариат, вслед за выступлениями крестьянства и угнетенных народов Российской империи свой вклад в общенародную борьбу с гнетом самодержавия вносило и студенчество.

Борьба студентов за демократизацию образования и политические преобразования, являвшаяся важным фактором общественно-политической жизни России, получила концептуальное отражение в трудах В. И. Ленина. Рассматривая движение студенчества как «движение непролетарской, т. е. буржуазной демократии»,[1] В. И. Ленин подчеркивал разнородность политических ориентации студенчества, выделив шесть политических групп в его среде (реакционеры, равнодушные, либералы, академисты, эсеры, социал-демократы).[2] Вождь пролетарской партии уделял большое внимание деятельности революционных социал-демократов в студенческой среде: в период между двумя буржуазно-демократическими революциями более 30 его работ в той или иной мере оказались связанными с проблемами революционно-демократической борьбы студентов России. Так, в 1908 г. В. И. Ленин писал о значении студенческих движений: «В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления».[3]

Большое значение имеют сохранившиеся в воспоминаниях бывшего университета С. И. Петриковского высказывания В. И. Ленина о роли Петербургского университета в революционной борьбе России. На состоявшейся в марте 1914 г. встрече в Кракове со связным Русского бюро ЦК и сотрудником думской фракции большевиков студентом Петербургского университета С. И. Петриковским В. И. Ленин подробно расспрашивал о революционных настроениях и интересах студенческой молодежи, рекомендовал активно бороться за ее вовлечение в массовое рабочее движение. Уделив особое внимание Петербургскому университету, Владимир Ильич, по словам Петриковского, подчеркнул, что «университет богат научными, общественными и революционными традициями, поэтому он пример не только для студентов Петербурга, но и для передового студенчества России. Если за нами, большевиками, пойдет демократическое студенчество Петербургского университета, то пойдет и студенчество всего города. Ведь передовое студенчество —

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 219.
[2] См. там же, т. 7, с. 343.
[3] Там же, т. 17, с. 281.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

большая революционная сила, интеллектуально-организационный ре-
зерв нашей партии».[4]

Произведения и высказывания В. И. Ленина содержат не только основные научные посылки для определения характера и места студенческой борьбы в общенародных классовых битвах, но и представляют важнейший источник по истории участия университантов Петербурга в общественно-политической борьбе, поскольку В. И. Ленин в 1907—1917 гг., как и в предшествующие годы, имел непосредственные контакты с представителями передовой учащейся молодежи Петербургского университета (П. В. Крыленко, Б. Н. Книпович, С. П. Петриковский и др.).

Истоки советской исторической литературы о революционном движении студенчества России изучаемого периода берут свое начало в неисчерпаемой сокровищнице ленинской теории классовой борьбы. На первых двух этапах развития советской исторической науки исследованию выступлений петербургских университантов после революции 1905—1907 гг. уделялось недостаточно внимания.

В процессе начавшегося после Октябрьской революции бурного изучения революционного движения и в ходе набиравшей темпы перестройки системы народного образования Советского государства появилась необходимость осмыслить роль студенчества в сложных событиях предреволюционного десятилетия. В частности, этот вопрос встал в связи с подготовкой к исполнявшемуся в 1919 г. 100-летию университета.

В докладе, прочитанном на юбилейном торжестве в феврале 1919 г. ректором университета В. М. Шимкевичем,[5] студенчество обрисовано как шедшее в дооктябрьскую пору «на гребне протестующей и революционной волны». По мнению докладчика, это происходило не в силу классовых побуждений учащейся молодежи, а в результате «облагораживающего влияния науки».[6] Таково одно из первых суждений о причинах студенческой революционности, суждение, которое, несмотря на свою либеральную узость и аполитичность, обращало внимание на один из несомненно важных факторов, стимулировавших общественно-политическую активность студентов университета.

В документальных публикациях 20—30-х годов по истории Петербургского комитета РСДРП, большевистской фракции Государственной думы и по истории рабочего движения в Петербурге—Петрограде можно найти некоторые сведения о связи В. И. Ленина с университантами — сотрудниками «Правды», найти тексты листовок, выпущенных от имени ЦК и Объединенного комитета социал-демократических фракций Петербурга и обращенных к студенчеству в 1914—1917 гг.[7] Обнародование материалов царского Министерства внутренних дел и перепечатка

---

[4] Ленинградский университет в воспоминаниях современников. В 3-х т. / Под ред. В. В. Мавродина, В. А. Ежова. Т. 2. Петербургский — Петроградский университет. 1895—1917. Л., 1982, с. 137.

[5] Казакевич Р. А., Мандель С. Х. К истории столетнего юбилея университета. — В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета, вып. 2. Л., 1968, с. 164.

[6] Шимкевич В. М. Роль С.-Петербургского университета в развитии точных наук. — Естествознание и ..... 1919, № 3-4, с. 74—75.

[7] Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914 гг.). Сб. I. М., 1921; Ленин и «Правда». 1912—1913 гг. Переписка. — Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 71; Памятники агитационной литературы РСДРП, т. 6 (1914—1917). Период войны. Вып. 1. Прокламации 1914 г. Л., 1933; Бадаев А., Новин Ю. Думская пятерка большевиков в русско-германскую войну (по воспоминаниям и архивным данным). — Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 104—106; Шидловский Г. Молодежь в петербургском рабочем движении (из архива департамента полиции). — Комсомольская летопись, 1926, № 4, с. 134—136.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

«Осведомительных листков бюро ЦК РСДРП» освещали картину волнений студентов Петербурга, в том числе и студентов университета, в период революционного подъема и накануне февральской революции.[8] В 1931 г. вышла в свет биография соратника В. И. Ленина Н. В. Крыленко, содержащая ценный материал о революционной деятельности университета-большевика в 1907—1917 гг.[9]

С публикаций этих материалов началось формирование источниковой основы изучения не только участия в революционной борьбе отдельных представителей петербургской учащейся молодежи, но и массовых выступлений студенчества университета на стороне пролетариата в 1914—1917 гг.[10]

Тогда же были опубликованы источники, отражавшие факты отхода некоторых слоев учащейся молодежи от революционной борьбы в тяжелые годы реакции и начала первой мировой войны.[11]

В 20-х — первой половине 30-х годов широко публиковались воспоминания участников и очевидцев освободительного движения. Основываясь главным образом на личных впечатлениях, но с привлечением некоторых архивных и газетных сведений, авторы мемуаров показали состояние партийной работы Петербургского комитета, куда входили и студенты петербургских вузов. Об А. В. Гиневиче упоминает бывший член ЦК С. Г. Боголепов, а создатели других воспоминаний дают возможность проследить некоторые незафиксированные в документах связи отдельных университантов (например, Г. Вейнбаума) с рабочими организациями, а также попытки меньшевистских элементов в социал-демократической фракции университета (Целлариус, Гуманский-Ильященко) воспрепятствовать упрочению таких связей.[12] Эти мемуары содержат портреты-характеристики участников революционного подполья, оценку политических настроений учащихся Петрограда в начале первой мировой войны, а также сведения о деятельности большевиков и эсеров университета в юношеских ученических и рабочих организациях.[13]

Материал, содержащийся в этих документальных публикациях и воспоминаниях, расширял фактическую основу изучения вклада передового студенчества в революционную борьбу.

В середине 20-х годов появляются первые исследования по истории партии, в которых на документальной основе описываются некоторые стороны деятельности революционеров-университантов. Г. Л. Шидловский, член ЦК с весны 1910 г., использовав материалы Петербургского охранного отделения, впервые проанализировал деятельность Пропа-

---

[8] Арский Р. Эпоха реакции в Петрограде (1907—1910 гг.). — Красная летопись, 1923, № 9, с. 88, 92, 106; Запрещение царизмом чествования памяти Т. Г. Шевченко. Предисл. Н. Бельчикова, подг. А. Кобяко. — Красный архив, 1936, № 3, с. 76; Осведомительный листок бюро ЦК РСДРП № 2. — Пролетарская революция, 1923, № 1(13), с. 280.

[9] Биография тов. Крыленко. — Советская юстиция, 1931, № 13.

[10] Путиловец в трех революциях: Сб. материалов по истории Путиловского завода. Л., 1933, с. 204; Дороватовский П. Движение рабочей молодежи Петербурга в годы подъема (1912—1914). — Комсомольская летопись, 1927, № 5-6, с. 64—66.

[11] Ольминский М. С. Революция и РКП(б) в материалах и документах, т. V. Эпоха реакции (1905—1911). М., 1924, с. 4; Каррик В. Война и революция. Записки 1914—1917 гг. — Голос минувшего, 1918, № 1(3), с. 78.

[12] Боголепов С. Заметки о технике Петербургского Комитета РСДРП большевиков (по воспоминаниям). — Красная летопись, 1924, № 1(10), с. 120; Арский Р. На партийной работе в 1910 г. в Петрограде (из воспоминаний). — Красная летопись, 1932, № 4(49), с. 103, 105, 108; Яковлев Н. Апрельско-майские дни 1912 г. в Петербурге. — Красная летопись, 1925, № 3, с. 234—235.

[13] Революционное юношество. 1905—1907. Петербург. Сб. 1. Л., 1924; На пути к победе: Из революционной истории Горного института. Л., 1925; Дни С. Революционная молодежь в Петербурге в 1897—1917 гг.: Из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи. Пг., 1924.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

гандистской коллегии при исполнительной комиссии ПК в конце февраля 1914 г. Среди членов коллегии были представители от Объединенного комитета и от университета, работавшие в кружках для рабочих и студентов.[14] Здесь также впервые обрисована и социал-демократическая группа университета в конце 1913—начале 1914 г., хотя и на явно неполной основе сведений охранки. Лишь на материалах Петроградского охранного отделения основывался в своих суждениях об Объединенном комитете и М. Г. Флеер в книге о Петроградском комитете в 1914—1917 гг.[15]

Интересные сведения о формах связей студенчества университета с рабочими Путиловского завода содержат работы А. Ульянского и Ф. Лемешова.[16] Среди рабочих-пропагандистов, действовавших за Нарвской заставой, отмечен студент-филолог университета А. В. Быстрянский.

Все вышеназванные работы не рассматривали вопроса о предпосылках участия университантов в революционной борьбе. Лишь в журнальной статье А. Коллонтай раскрывались тяготы быта демократического университетского студенчества.[17] В целом в исследованиях 20-х — середины 30-х годов история студенческой борьбы в 1907—1917 гг. отнюдь не сформировалась в специально разрабатываемое направление в изучении революционного движения. Отмеченные выше сведения из истории участия студентов Петербургского университета в революционной борьбе были лишь вспомогательными для изучения истории большевистской партии и рабочего движения.

Обратимся к итоговым суждениям литературы тех лет относительно студенчества Петербурга. В юбилейных сборниках по истории отдельных вузов Ленинграда и некоторых заметках преобладавшим являлось признание господства в студенческой среде после первой русской революции умеренно-радикальных (меньшевистских), аполитичных и либеральных настроений.[18] А. Т. Радзишевский-Арский назвал Всероссийскую студенческую забастовку 1911 г. и последующую борьбу студенчества «пародией массового движения...». «Студенчество в массе, за исключением небольших групп... в общем и целом становилось все более буржуазным, довольствуясь теми куцыми реформами, которые были проведены».[19] «Отходя от революции, оно (студенчество. — *М. Б.*) начинает организовывать лиги свободной любви, почти совершенно не принимая никакого участия в общественной жизни»,[20] — вторил ему В. Деготь.

---

[14] Шидловский Г. О Петербургский Комитет большевиков в конце 1913 г.— Красная летопись, 1926, № 2(17); 2) В петербургских партийных рядах. — Красная летопись, 1931, № 5-6.

[15] Флеер М. Г. Петроградский комитет большевиков в годы войны 1914—1917 гг. Л., 1927.

[16] Ульянский А. Партийная работа в годы реакции (1907—1910): Главы из истории завода. Л., 1935; Лемешов Ф. На Путиловском заводе в годы войны. — Красная летопись, 1927, № 2(23).

[17] Коллонтай А. Студенты лохматые и студенты красные. — Красное студенчество, 1927—1928, № 4-5.

[18] Раппепорт М. Л. За 100 лет: Революционная история Ленинградского технологического института. Л., 1925; Боголепов С. Студенчество в годы подполья. — Красное студенчество, 1927—1928. № 4-5; Брод Н. О. Студенчество Горного института за 150 лет. — В кн.: Ленинградский Горный институт: Юбилейный сборник. 1773—1923. Л., 1926; Перимов А. К вопросу о форме организации студенчества. — Красный студент, 1923, № 4; Арский Р. Горный институт в революционном движении. — В кн.: На пути к победе. Л., 1925; Пятнадцать лет революции—тридцать лет института. — Сб. ЛЭМИ, 1933, № 2.

[19] Арский Р. Горный институт в революционном движении... с. 16.

[20] Деготь В. К вопросу о роли студенчества в революционном движении России. — Каторга и ссылка, 1932, № 2, с. 182.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

Находились и представители крайней позиции, зачислявшие поголовно все студенчество в стан контрреволюционеров. «Студенческий либерализм и конституционализм 1907—1914 гг. ... разве это не красочная история студенческой контрреволюции?»,[21] — спрашивал С. Григорьев.

М. Н. Покровский определял политический характер интеллигенции в виде двуликого Януса, который и нужен, и вреден для революции.[22]

Почему же в 20—30-е годы произошел подобный отход от ленинской концепции студенческого движения периода империализма? Сказались узость источниковой базы и острота политической борьбы в ходе социалистического строительства. В этих условиях реальные спады в студенческом движении, активизация либеральных и откровенно реакционных элементов в среде формировавшейся интеллигенции, наблюдавшиеся под влиянием ослабления революционных выступлений рабочего класса в годы столыпинской реакции и в начальный период империалистической войны, давали повод к изображению старого студенчества как косной массы, плетущейся в хвосте либеральной буржуазии.

В 1919 г. В. М. Шимкевич справедливо заметил, что изучение революционной деятельности студенчества в предреволюционное десятилетие «еще ждет своего историка — и я бы даже сказал — ждет исторического момента для правильной оценки».[23]

Во второй период развития советской историографии наблюдается определенное сужение разрабатываемого круга проблем освободительного движения в России. В числе тем, исследование которых почти прекратилось, было и изучение общественно-политической борьбы учащейся молодежи. Необходимо вместе с тем отметить, что документальные публикации тех лет по истории большевистских организаций содержали и некоторые документы об университетском студенчестве. Речь идет о прокламации ЦК и Объединенного комитета «К студенчеству» (нояорь 1914 г.) и других материалах.[24]

К отмеченному в 1939 г. 120-летнему юбилею университета вышли две статьи, в которых основное внимание уделялось научным достижениям университета на протяжении его истории. Однако в одной из них А. В. Немилов сравнил социальный состав обучающихся в университете в 1909 и в 1936 гг., использовав материалы ежегодных отчетов университета. В другой упоминаются всероссийские студенческие забастовки 1908 и 1911 гг. и патриотический угар военной поры.[25]

Несколько более систематические сведения об учебной, научной и экономической стороне положения университантов после 1905 г. были включены в юбилейное издание 1944 г. под редакцией В. В. Мавродина. Существенно замечание, сделанное авторами относительно резкого

---

[21] Григорьев С. Студенчество на коленях. — Красный студент, 1924, № 7, с. 11; Беликов И. К. Военно-медицинская академия Красной Армии им. С. М. Кирова: Краткий исторический очерк. Л., 1941, с. 24.

[22] Покровский М. Н. К девятой годовщине. — Научный работник, 1926, № 11, с. 17.

[23] Шимкевич В. М. Роль С.-Петербургского университета... с. 75.

[24] Первое мая в царской России. М., 1939; Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг. Т. 2. Л., 1939. Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг.: Сб. материалов и док. Л., 1939; Большевики в годы империалистической войны 1914—1917 гг.: Сб. док. местных большевистских организаций. Л., 1939; Корель И. И. Петербургский университет на службе революции: Воспоминания студенческого старосты. — Ленинградский университет, 1939, 23 февр., 5, 17 марта.

[25] Немилов А. В. 120 лет Ленинградского университета. — Советская наука, 1939, № 2; Корель И. Сто двадцать лет Ленинградского государственного университета. — Вестник знания, 1939, № 2.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

роста отсева студентов в 1908 г. вследствие политической реакции и ухудшения бытовых условий.[26]

Немногочисленной литературе 40—50-х годов, касающейся положения и быта учащейся молодежи после первой русской революции, свойственны либо трактовка описываемых фактов как проявлений буржуазного либерализма, либо безоценочное изложение сведений. Так, в статье Н. Г. Сладкевича «Революционеры в Петербургском университете» интересующий нас период не рассматривается, а в «Очерках истории Ленинграда», содержащих первое обобщение о революционно-демократических выступлениях студенчества Петербурга в рассматриваемый период, последние названы «студенческим оппозиционным движением».[27] На этом фоне серьезным продвижением вперед стала статья В. Р. Лейкиной-Свирской (1947 г.), в которой специально рассматривалась борьба радикальных студентов-универсантов Петербурга с министерством Кассо в 1911 г. Статья осветила отдельные эпизоды истории студенческой забастовки 1911 г., не названной, впрочем, всероссийской.[28]

Со второй половины 50-х годов существенно увеличивается количество различных документальных публикаций и архивных обзоров, освещающих деятельность РСДРП и местных партийных организаций, борьбу широких масс под руководством большевиков. Среди таких публикаций особое значение имеет «Переписка ЦК РСДРП с местными партийными организациями...»[29] Содержащиеся в этих документах сведения о деятельности Объединенного комитета социал-демократических фракций вузов Петербурга, о формах связи его с ПК и участии в нелегальных студенческих, приказчичьих и рабочих кружках позволили существенно изменить уровень и даже направленность исследований борьбы учащейся молодежи.

Систематизации и расширению источниковой базы изучения истории студенчества Петербургского университета послужили обзоры документальных материалов по истории высшего образования.[30]

Педагогическая и общественная деятельность крупнейших ученых Петербургского университета основывалась на контакте с активом студенчества, в частности, у таких представителей профессуры, как Е. В. Тарле и В. М. Шимкевич. Указания на рукописные материалы Архива АН СССР, Музея истории ЛГУ, некоторых иных хранилищ, раскрывающие эти стороны в работе видных университетских деятелей,

---

[26] Ленинградский университет. 1919—1944 гг. М., 1945, с. 68.

[27] Сладкевич Н. Г. Революционеры в Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1947, № 11; Очерки истории Ленинграда. Т. 3. М.; Л., 1956, с. 564; Павловская А. А. Петербургская организация большевиков в борьбе за укрепление подпольной партии в годы столыпинской реакции. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1949, вып. 14, с. 112.

[28] Лейкина-Свирская В. Р. Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1949, № 4.

[29] Переписка ЦК РСДРП с местными организациями в годы нового революционного подъема: Док. ИМЛ при ЦК КПСС. — Исторический архив, 1957, № 1; Адресные книги ЦК РСДРП (1912—1917 гг.): Док. ИМЛ при ЦК КПСС. — Исторический архив, 1959, № 3; Революция 1905—1907 гг. в России: Док. и материалы. Второй период революции. 1906—1907 гг. Январь—июнь 1907 г. Кн. 1. М., 1963; Партия большевиков в годы мировой империалистической войны. Вторая революция в России (1914 — февр. 1917 г.): Док. и материалы. М., 1963; Политическая борьба вокруг смерти Толстого. — В кн.: Литературное наследство, т. 69, кн. II. М., 1961; Александров Ф. Д., Шалагинова Л. М. День 9 января в России в ЦГИАМ). — Исторический архив, 1958, № 1; Шалагинова Л. М. Отклики на Ленские события в России (обзор материалов 1908—1917 гг. (Обзор документов ЦГИАМ). — Исторический архив, 1962, № 1.

[30] Полянский Л. И. Документы к истории высшего образования в России.— ЦГАОР СССР за 1912 г.). — Исторический архив, 1958, № 1; Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917 гг.: Обзор архивных документов / Под ред. С. Н. Валка. Л., 1961.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

содержатся в очерках: «Выдающиеся ученые Ленинградского университета», «Биография и мемуары», «Научно-биографическая серия».[31]

Возобновился выход мемуаров участников студенческого движения. Публикации этого вида источников ныне выгодно отличаются от выходивших ранее. Характерны в этом отношении воспоминания И. В. Егорова и сборник «Заря надежды»,[32] которые содержат кроме текста воспоминаний вступительные очерки, примечания и документальное приложение. Заслугой И. В. Егорова является обращение к описанию политических группировок среди студенчества университета, показ противоборства с кадетами и октябристами. Весьма существенно замечание И. В. Егорова и о роли землячеств, «посредством которых события в Петербургском университете приобретали, можно сказать, всероссийскую огласку... достигалась координация публичных выступлений и действий».[33]

Сборник «Заря надежды» не только сообщает имена универсантов, способствовавших формированию революционного мировоззрения в кружках гимназистов и молодых рабочих (Г. Веннбаум, Е. Пашуканис, Б. Н. Книпович), но и раскрывает их идейно-моральную стойкость в тяжелые для революционного подполья годы столыпинской реакции.

Важным событием в изучении истории университетского студенчества интересующего нас периода стало появление в 1982 г. второго тома издания «Ленинградский университет в воспоминаниях современников». Авторы предисловия ко второму тому отмечают, что «воссоздание исторического бытия одного из мировых центров науки и образования и вместе с тем оплота революционного студенческого движения в столице и в России, чем, несомненно, стал на рубеже XIX—XX столетия Петербургский университет, невозможно без свидетельств современников».[34] «История Петербургского — Петроградского университета эпохи трех русских революций неразрывно связана с именем В. И. Ленина, с историей большевистской партии»,[35] и именно мемуарные свидетельства устанавливают факты связей универсантов Петербурга с В. И. Лениным.

Представленные мемуары студентов и преподавателей университета С. Г. Струмилина, И. И. Кореля, В. К. Дылевой-Уствольской, Н. И. Карее[illegible], И. В. Егорова, С. И. Петриковского, К. Г. Аршавского проясняют картину того, как значительная часть студенчества Петербургского университета оказалась в авангарде демократической борьбы в этот период, показывают участие демократического студенчества в массовых революционных действиях. Воспоминания снабжены комментариями, научно верифицирующими сведения о насущных интересах учащейся молодежи в борьбе универсантов-большевиков за влияние на студенчество университета. В[illegible] данного издания существенно улучшает источниковую базу дальнейших исследований изучаемой темы.

На современном этапе развития советской историографии полностью утвердилась ленинская концепция студенческого движения как

---

[31] Чапиевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М., 1977; Соколовская С. К. 300 биографий ученых. М., 1982; Фаворская Т. А. А. Е. Фаворский. Л., 1980; Макареня А. А. Лев Александрович Чугаев. Л., 1962; Клушин В. Н. Михаил Васильевич Серебряков. Л., 1968.

[32] Аршавский К. Путь к Октябрю: Воспоминания старого большевика.— Ленинградский университет, 1962, 5 нояб.; Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л., 1980; Аничков С. В. На рубеже двух эпох. Л., 1981; Заря надежды. Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905—1909 гг.). Л., 1982.

[33] Егоров И. В. От монархии к Октябрю, с. 130.

[34] Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 14.

[35] Там же, с. 5, 16.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/

передового отряда буржуазной демократии, выступления которого были симптомом социально-политических противоречий между первой и второй революциями.

В довольно значительном цикле работ на тему «Ленин и Петербургский университет» обращается особое внимание на ленинскую идею соединения революционного движения рабочего класса и студентов.[36] Изучение гегемонии пролетариата в общественно-политическом движении широких масс — одна из узловых проблем истории эпохи империализма в России. Важно отметить, что в ряде обобщающих исследований по истории рабочего класса и его партии получили отражение вопросы взаимодействия передового студенчества и питерских пролетариев.[37] Эти интересные сведения детальнее изложены в некоторых книгах по истории фабрик и заводов. Так, в «Истории Путиловского завода» ярко обрисованы трудности повседневной пропагандистской работы в годы реакции, в которой принимали участие универсанты.[38] Но и в этих работах нередки признания, что авторам мало известно о действовавших на том или ином предприятии социал-демократических группах или кружках. В некоторых работах есть лишь глухие упоминания об участии студентов в работе просветительных обществ «Рабочая жизнь», «Просвещение», «Образование» и др.[39]

Достойное внимание изучаемой теме отводится в общей и специальной литературе по истории КПСС. Вклад петербургских универсантов в дело большевистской партии и авангардная позиция университета в студенческом движении столицы зафиксированы в шеститомной «Истории КПСС» и в первом и втором изданиях «Очерков по истории Ленинградской организации КПСС». Причем в последнем издании сооб-

---

[36] Щетинина Г. И. В. И. Ленин о студенческом движении в России.—В кн.: История и историки: Историографический ежегодник. 1970. М., 1972; Иванов А. Е. В. И. Ленин о союзе рабочего класса с радикальным студенчеством.— В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России в период империализма. М., 1979; Комыза М. А. В. И. Ленин об отношении марксистской партии к студенческому движению.— В кн.: Студенчество в революционном движении и борьбе за социализм в СССР. М., 1976; Марголис Ю. Д. 1) Анализ В. И. Лениным роли студенчества в революционном движении России как предмет научного исследования (к историографии проблемы).— В кн.: Всесоюзная научная конференция «Ленин и молодежь», посвященная 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина (секция 15. «Ленинизм и роль молодежи в мировом революционном процессе»). М., 1974; 2) В. И. Ленин об участии студенчества в трех этапах освободительного движения в России. — Научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения В. И. Ленина. 15—16 апреля 1980 г. (тезисы докладов). Сыктывкар, 1981; Матвеев М. И., Полянская И. А. В. И. Ленин о месте и роли студенческого движения в революционной борьбе и задачах революционной социал-демократии по отношению к студенчеству.— В кн.: Партия большевиков в борьбе за массы. Тамбов, 1976; Пешников В. В. В. И. Ленин и студенческое движение в России. М., 1973; Олесич Н. Я. В. И. Ленин и революционное студенчество в России. М., 1982, и др.

[37] Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.—Л., 1961; История рабочих Ленинграда. Т. 1. 1903—1917 гг. Л., 1972; Ацаркин А. Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1900—окт. 1917 г.). М., 1976; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февр. 1917 г.). М., 1975; Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981; История рабочего класса СССР. Рабочий класс России 1907—февраль 1917 г. М., 1982; Иванова Н. В. Рабочий класс — руководитель борьбы демократического студенчества в России (1914—1917 гг.).— В кн.: Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М., 1981.

[38] Мигельман М., Гасбов Б., Ульянский А. История Путиловского завода. 1801—1917 гг. М., 1961. с. 283—284. 307. 315.

[39] Завьялов С. И. Ижорский завод. М.—Л., 1976; Суковалов А. Г., Фоменков П. Н. Фабрика «Красное знамя». Л., 1968; История Ленинградской государственной ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени обувной фабрики «Скороход» им. М. И. [illegible]. Л., 1969; Прусенчи Л. Ф., Столпнер Б. Е. Эстафета поколений. История Ленинградского завода им. К. Маркса. Л., 1975; Стрельцова А. Л. «Красный треугольник». Л., 1978; Металлисты. Л., 1980.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

даны более подробные сведения о наиболее крупной из партийных ячеек в вузах — университетской, указаны значительные выступления универсантов периода реакции, нового революционного подъема и военных лет. Существенное значение для дальнейшей разработки темы имеет вывод авторов о том, что Петербургский комитет «черпал» из среды студенчества «кадры партийных пропагандистов и организаторов».[40]

Среди специальных историко-партийных исследований следует особо выделить работы Т. П. Бондаревской, всесторонне исследовавшей деятельность ПК в годы первой русской революции и политической реакции.[41] Данные о численности объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга в 1907 г. и биографические сведения о входивших в ПК студентов содержатся также в оригинальном исследовании В. Б. Каминского.[42] Раскрытию разносторонних связей вождя большевистской партии с университетом Петербурга — Петрограда и его питомцами посвящена книга А. Калинина и С. Манделя «Ленин и Петербургский университет».[43]

Таким образом, с конца 1950-х годов в целом для исторической литературы характерно повышение внимания к проблемам революционного студенческого движения периода 1907—1917 гг. вообще и Петербургского университета в частности.[44]

Обратимся к рассмотрению состояния изучения темы в новейшей исторической литературе. Уместно отметить здесь значение работ П. С. Гусятникова.[45] Монографическое исследование истории революционной студенческой борьбы 1899—1907 гг. создало определенные предпосылки и для изучения участия студенчества в революционном движении 1907—1917 гг., так как автору удалось выявить широкий круг источников архивного и литературного характера, определить ведущие тенденции и т. д. Вместе с тем монография П. С. Гусятникова 1971 г. не свободна от недостатков (укажем на преувеличение роли студенческого движения, на ошибочность отнесения к революционным лишь тех студенческих организаций, которыми руководили марксисты).

---

[40] Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1962; История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. Т. 2. 1903—1907 гг. М., 1962; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. В 3-х т. Т. 1. 1883—1917. Л. 1980, с. 205.

[41] Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975.

[42] Каминский В. Б. Деятельность Петербургской партийной организации большевиков по сохранению и формированию партийных кадров в годы столыпинской реакции 1907—1910 гг.: Автореф. канд. дис. Л., 1980.

[43] Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет. Л., 1969.

[44] Круглова З. С. 1) Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. История СССР, т. 45, вып. 8. М., 1964; 2) Из истории студенческого движения в России накануне первой мировой войны (Петербург и Москва) — Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Материалы и исследования по истории СССР. М., 1965, № 229; 3) Студенческое движение в период нового революционного подъема (1910—1914): Автореф. канд. дис. М., 1965; История Ленинградского университета. 1819—1969: Очерки. Л., 1969; Бережной А. Ф. Большевистская печать и студенчество университета. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1969, вып. 1, № 2; Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 8 вып. 2; Олесич Н. Я. Деятельность партии большевиков среди студенчества накануне и в период нового революционного подъема; Рогозин И. И. Работа петербургских большевиков среди студенческой молодежи в период назревания революционного кризиса в России — В кн.: Деятельность партии большевиков среди широких масс накануне и в годы первой мировой войны. Л., 1980; Шувалов Ф. Ф. В бой [illegible] ковой. — Ленинградский университет. 1969, 1 апр.

[45] Гусятников П. С. 1) Революционное студенчество Петербурга накануне и в период буржуазно-демократической революции. Из истории борьбы большевиков за массы в первой русской революции: Автореф. канд. дис. Л., 1951; 2) Революционное студенческое движение в России. 1899—1907 гг. М., 1971.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

В 60—80-е годы изучение предпосылок революционной борьбы студенчества Петербургского университета шагнуло далеко вперед. Так, тщательный анализ данных о сословном происхождении петербургских универсантов за 1900, 1914, 1916 гг. позволил И. П. Лейберову заключить, что основное лицо революционной молодежи определяли выходцы из демократических, мелкобуржуазных слоев городского и крестьянского населения, причем преобладание их в демократической студенческой массе создавало благоприятную социальную базу для деятельности эсеровской и меньшевистской партийных группировок.[46] Работы Н. Г. Сладкевича, Л. А. Шилова, В. Р. Лейкиной-Свирской, И. И. Рогозина также содержат ценные сведения об облике универсантов.[47]

В серии исследований В. П. Яковлева о политике царского правительства в университетском вопросе дан значительный материал о предпосылках революционной борьбы универсантов. Ликвидация университетской автономии, усиление надзора вплоть до ввода полиции в учебные здания, национальные и иные ограничения — вот неполный перечень причин, обусловивших активную борьбу учащейся молодежи с министерством «народного затемнения».[48]

В противовес бытовавшему мнению об упадке студенческих землячеств после первой революции И. И. Рогозин, а также Г. Дмитриев и М. Ваксельман подчеркивают роль этих организаций в революционной работе, отмечая, что в землячестве Петербургского университета в 1900-х и 1910-х годах преобладали социал-демократы.[49]

Заметным явлением в историографии темы стал выход сборника «Петербургский университет и революционное движение в России», где собраны статьи, характеризующие роль ведущего университета в истории революционной борьбы в России от дворянского периода до пролетарского этапа освободительного движения. Изложенные в виде биографических очерков сведения о формах легальной и нелегальной революционной деятельности, которой занимались в 1907—1917 гг. такие видные большевики-ленинцы, как П. А. Красиков, Н. В. Крыленко, Д. З. Мануильский, П. В. Дашкевич, С. И. Петриковский, ценны указаниями на то, что учеба в университете помогала им грамотно вести революционную работу.[50]

Особенности общественного положения студентов России и их борьбы, ставшей предметом ленинского анализа, отражены в книге

---

[46] Лейберов И. П. Революционное студенчество... с. 14—15.

[47] Сладкевич Н. Г. Научная и учебная деятельность Петербургского университета в 1900—1917 гг. — В кн.: История Ленинградского университета. 1819—1969 гг.: Очерки. Л., 1969, с. 140; Шилов Л. А. Из истории юридического факультета Петербургского университета (1819—1917 гг.). — Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, вып. 1, № 5; Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981, с. 24; Рогозин И. И. Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 — февраль 1917 г.): Автореф. канд. дис. Л., 1973.

[48] Яковлев В. П. 1) Политика правительства в университетском вопросе (1905—1910 гг.). — Вестн. Ленингр. ун-та. 1969. № 2, вып. 1; 2) В. И. Ленин о политике царского правительства в университетском вопросе. — Там же. 1970. № 14; 3) Политика русского самодержавия в университетском вопросе. 1905—1911 гг.: Автореф. канд. дис. Л., 1971; 4) Самодержавие и российские университеты в годы революции (1907—1911). — Вестн. Ленингр. ун-та. 1972, вып. 2; 5) Студенчество российских университетов в годы столыпинской реакции (1907—1910 гг.). — В кн.: Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1976; Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 8, вып. 2.

[49] Рогозин И. И. Работа петербургских большевиков... с. 52; Дмитриев Г., Ваксельман М. Туркестанское землячество в Петербурге. — Звезда Востока, 1960, № 8, с. 159—160.

[50] Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 159, 168—169.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Н. Я. Олесич «В. И. Ленин и революционное студенчество России» (М., 1982).

Отдельные сведения о выступлениях петербургских университантов содержатся в ряде диссертации по истории студенческого движения страны и Петербурга.[51] З. С. Кругловой впервые к 1965 г. был введен в научный оборот широкий круг источников по революционному и демократическому движению студентов Петербургского университета, студенчества Петербурга и Москвы в период революционного подъема, а также в предшествовавший ему период реакции. Наибольшую часть этих источников составляют материалы департамента полиции и министерства народного просвещения. Определенный вклад в обобщение выступлений студенчества Петербурга в данный период внес И. И. Рогозин, создавший сводную таблицу числа революционных выступлений и количества участников в 1910—1914 гг. На конкретном цифровом материале он сделал обоснованный вывод о первенстве Петербургского университета в революционном движении вузов столицы.[52]

Ранее в исследовании Н. П. Лейберова показано, что авангардная роль университета была в большой мере обусловлена авторитетностью и влиятельностью его социал-демократической фракции. На основании данных личного архива бывшего руководителя большевистской группы С. И. Петриковского, хранящегося у его семьи в Москве, И. П. Лейберов пишет, что к июню 1914 г. в университете было примерно 50 большевиков.[53] Эффективность борьбы с царскими властями, противодействие черносотенной «Русской академической корпорации» зависели от возможностей объединения всех демократических сил. Автор констатирует, что «все социалистические фракции — с. д., с. р., Польской группы и „Союза левого студенчества" в масштабе университета объединялись в Коалиционный Комитет университетских фракций»,[54] из чего вытекает настоятельная потребность изучить более подробно объединения подобного рода, так как они являли собой примеры осуществления левоблокистской тактики большевиков в массах.

Университанты, как показано в работах В. П. Яковлева, весьма чутко реагировали на спад революционной борьбы рабочего класса и крестьянства с царским режимом в период столыпинской реакции. Анализ численности партийных делегатов в Совете старост, состояния других студенческих организаций и хода студенческих выступлений приводят автора к выводу о том, что в эти годы основная масса студенчества стала пассивна, академизм «стал модным течением».[55] Приведенные автором сведения о количестве академистов, их акциях и отношении к ним университантов способствуют пониманию сложных явлений в среде российского студенчества данного периода.

Дискуссионным представляется определение И. П. Лейберовым периода с 1909 по 1913 г. как «временного затишья» и лишь времени

---

[51] Круглова З. С. Студенческое движение...; Баранова А. Н. Борьба большевиков за демократическое студенчество в период реакции (1907—1910 гг.): Автореф. канд. дис. М., 1974; Медведева Н. Ф. Борьба большевиков за демократическую интеллигенцию в годы реакции (1907—1910): Автореф. канд. дис. М., 1975; Рогозин И. И. Работа петроградских большевиков среди студенческой молодежи в период нового революционного подъема и первой мировой империалистической войны (1910 — февраль 1917 г.): Автореф. канд. дис. Л., 1973; Лейберов А. И. Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции (июнь 1914 г. — февраль 1917 г.): Автореф. канд. дис. Л., 1981.

[52] Рогозин И. И. Работа петроградских большевиков... с. 45—46.

[53] Лейберов И. П. Борьба большевиков... с. 6.

[54] Там же, с. 9.

[55] Яковлев В. П. Студенчество российских университетов... с. 52.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

с марта по июнь 1914 г. — как периода подъема революционной борьбы универсантов.[56] Данное сужение хронологических рамок участия универсантов в событиях революционного периода противоречит множеству фактов, уже получивших свое отражение в исторической литературе, таких как инициатива универсантов в создании «Объединенного комитета с.-д. фракций вузов Петербурга» в 1912 г., секретарем которого стал студент Петербургского университета А. В. Гринкевич, совместные выступления с пролетариатом в ответ на ленские события и т. д.[57] Таким образом, периодизация выступлений демократического студенчества в годы нового революционного подъема нуждается в дополнительных уточнениях.

Период с начала первой мировой войны до февральской революции, вопреки распространенному ранее мнению о «затишье» в студенческом движении, характеризуется в последних работах как время нарастания революционных выступлений.[58] Увеличение числа участников революционных выступлений в Петербурге с 1914 по 1917 г. определяется с 7 до 18,5 тыс. В то же время универсанты составляли в их массе 41,8%.[59]

Процессу развертывания массового революционного студенческого движения сопутствовали такие явления, как ликвидация студенческих организаций, ухудшение материального положения и массовые мобилизации в царскую армию. Генеральная линия работы универсантов в «Объединенном комитете», обществе «Буревестник», среди рабочих масс столицы строилась на антивоенной платформе ленинского манифеста ЦК РСДРП.[60] Главной чертой этих лет явилось резкое размежевание студенчества на «оборонцев» и противников войны. О немалых трудностях, стоявших в тот период перед большевистской партией на пути завоевания буржуазно-демократической массы учащейся молодежи на сторону пролетариата и революции, говорится в уже названной выше книге Н. Я. Олсвич.

В целом этап между двумя русскими революциями для российского студенческого движения характерен, по сравнению с предшествовавшим периодом, более четким идейно-политическим размежеванием студенческих групп. Лагерю студенчества, руководимому большевиками, противостояли лагери «черносотенцев в студенческой форме» и студентов-либералов. Данная расстановка сил, а также зависимость от уровня пролетарской борьбы обусловливали в отдельные годы (1907—1910 гг., начальный период первой мировой войны) колебания революционной активности студенческих масс Петербургского — Петроградского университета и революционное движение в России. Л., 1979.

---

56 Лейберов И. П. Борьба большевиков... с. 4.

57 Круглова З. С. Из истории студенческого движения... с. 15; Сладкевич Н. Г., Овсянкин В. А. Общественно-политическая жизнь Петербургского университета в 1900—1917 гг. — В кн.: История Ленинградского университета, с. 176; Калинин А., Мандель С. Бережной А. Ф. Большевистская печать... с. 32; Калинин А., Мандель С. Ленин и Петербургский университет, с. 203—204; Рогозин И. И. Работа петроградских большевиков...; Григорьева Г. С рабочими вместе: Из истории революционных традиций университета. — Ленинградский университет, 1973, 6 апр., и др.

58 Шалагинова Л. П. Студенческое движение накануне и в дни февральской революции. — Вопросы истории КПСС. 1967. № 2; Купаигородской А. П. Петроградское студенчество и Октябрь. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. статей. М., 1980; Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982.

59 Лейберов И. П. Борьба большевиков...; Лейберов А. И. Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период первой мировой войны и февральской буржуазно-демократической революции (июль 1914 — февраль 1917 г.): Автореф. канд. дис. Л., 1981, с. 20.

60 Калинин А. Ф., Мандель С. Х. Ленин и Петербургский университет, с. 210—211; Лейберов А. И. С. И. Петриковский. — В кн.: Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ского университета. В то же время постоянный и неослабный накал работы лучших питомцев университета, отражавших подлинные потребности революционного преобразования общественного строя и высшей школы в России, способствовал вовлечению студенческой массы в общенародную борьбу, завершившуюся свержением самодержавия.

В числе активно разрабатываемых сюжетов, относящихся к теме, находятся биографии революционеров Петербургского университета.[61] Свойственное данному жанру исторических исследований более пристальное внимание к фактам жизни и деятельности, а также к духовному миру героев повествования, несомненно, углубляет и расширяет представление о психологической подоплеке и идейных мотивах беззаветной борьбы лидеров студенческого движения.

В немногочисленной пока литературе по истории помещичьих и буржуазных партий дореволюционной России практически отсутствуют указания на их взаимодействие с учащейся молодежью. Исключением являются исследования А. Я. Авреха по истории третьеиюньской монархии, где показано отношение партии октябристов к Всероссийской студенческой забастовке 191[illegible] г. и прения о практической линии партии «народной свободы» в среде вузовской молодежи, а также упоминаются студенческие кадетские агитационные курсы.[62]

К этим немаловажным в изучении размаха революционной борьбы универсантов сюжетам относится и статья В. Г. Савельевой и В. П. Яковлева, убедительно показавшая, что одной из главных причин поражения забастовки 1908 г. в Петербургском университете явилось противодействие академистов, группы «17 октября» и «кадетствующих» профессоров и студентов.[63]

Отдельные вопросы изучаемой проблемы революционного прошлого петербурскнх универсантов — связи питомцев университета с революционерами Кавказа и узниками царской России — нашли освещение в работах И. П. Лейберова и Ю. Д. Марголиса.[64]

Произведенный обзор исторической литературы позволяет сделать следующие выводы. Имеющаяся к настоящему времени литература по отдельным вопросам революционной борьбы студентов Петербургского университета не получила, однако, монографического завершения. Необходимость последнего обусловливается не только той выдающейся авангардной ролью, которую сыграл университет столицы России в революционном движении вузовской молодежи и в истории большевистской партии, но и наличием накопившегося значительного документаль-

---

[61] Воровков Н. Мужество во имя революции. — Ленинградская правда, 1959, 25 нояб.; Симонян М. Жизнь для революции. М., 1962; Деятели революционного движения в России: Библиогр. словарь. М., 1965; Герои Октября. Т. 1—2. Л., 1967; Рощевский П. И. Сквозь грозы. Свердловск, 1967; Бережной А. Ф., Смирнов С. В. Бойцы революции. Сотрудники большевистской печати: Библиогр. справочник. Л., 1969; Калинин А. Ф., Мандель С. Х. Ленин и Петербургский университет; Корольчук Э. А. Григорий Чудновский. Л., 1969; Премыслер А. Н. Александр Масленников. [illegible]., 1971; Симонян М. Н. Его профессия — революция (документальный очерк о жизни и деятельности Н. В. Крыленко). М., 1975; Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979; Массович Я. Им помогал Ленин. М., 1981; Барсуков М. И. Воспитанники Московского университета — большевики ленинского поколения: Библиогр. словарь. М., 1982.

[62] Аврех А. Я. 1) Столыпин и Третья дума. М., 1968, с. 297—298, 315—317, 436—449; 2) Царизм и IV Дума, 1912—1914 гг. М., 1981, с. 193, 195.

[63] Савельева В. Г., Яковлев В. П. Студенческая забастовка в 1908 г. в Петербургском университете. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, вып. 2, № 8.

[64] Лейберов И. П. Цебельдинская находка: Из истории революционных связей между Петербургом и Кавказом. М., 1960; На каторжном острове: Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907—1917 гг.). Научн. ред., предисл., комм. Ю. Д. Марголиса. Л., 1967; Марголис Ю. Д. Сквозь время: Документальные очерки. М., 1968.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ного и литературного материала, требующего своего обобщения.

Основой документальных источников для освещения революционных и демократических выступлений студенчества на нынешнем этапе изучения темы являются материалы Министерства внутренних дел царской России и Министерства народного просвещения. Наиболее ценными источниками являются документы РСДРП, дающие возможность детальнее конкретизировать формы революционной борьбы и связи студенчества с партийными организациями.

К числу недостаточно используемых относятся источники, исходящие из среды самого студенчества, среди них — анкетные опросы петербургского студенчества и студенческая пресса. Значение выхода в 1914 г. журнала петербургской большевистской учащейся молодежи «Утро жизни» отмечается во всех работах последних лет. В то же время зависимость размаха революционной борьбы от объединения всех сил демократии обусловливает необходимость использовать материалы и других органов демократического направления. Среди выходивших в Петербургском университете периодических изданий заслуживают внимания «Труды экономического семинара» (при юридическом факультете), в одном из выпусков которого помещена статья Б. Н. Книповича, написанная по совету В. И. Ленина, сборник «У горна», где сотрудничал А. В. Луначарский, и другие издания.[65]

В числе предпосылок революционного движения петербургских универсантов в 1907—1917 гг. немало внимания уделено социальному происхождению учащейся молодежи, ее материальному положению и политике Министерства народного просвещения, а также влиянию рабочего движения и революционной социал-демократии. Значительно менее ясно прослеживаются другие реальные мотивы выступлений студенческих масс, такие, как воздействие специфики учебно-научной деятельности, отражение в среде студенчества различных партийно-политических интересов и идейных течений и т. д. Помимо этого, не получил разработки вопрос об особенностях, присущих профессионально-академической сфере деятельности учащейся молодежи в целом и в университетах в особенности (групповой характер занятий, наличие самодеятельных организаций, передовые традиции в научной и общественной жизни). Таким образом, необходимо изучить, в чем заключались особенности университетской среды, способствовавшие воплощению передовых традиций в реальную борьбу его питомцев за идеалы революционной социал-демократии. Ответ на этот вопрос позволит вскрыть специфику вовлечения универсантов в революционные выступления, объяснить размах студенческого движения.

Более полное определение характера и форм революционной борьбы петербургских универсантов в предреволюционное десятилетие позволит уточнить периодизацию студенческого движения в общероссийском масштабе.

Одним из видов обобщения уже накопленных результатов изучения и новых фактов, открытых в еще неиспользованных источниках, в будущем исследовании может стать формализованная сводная хроника революционно-демократического движения студентов Петербурга и университета.

Социально-политическую базу революционного студенческого движения не следует ограничивать членами большевистских групп и непо-

---

65 Труды экономического семинария под руководством М. И. Туган-Барановского при юридическом факультете СПб. университета. Вып. 1. СПб., 1912; У горна. Изд. группы студентов. СПб., 1907; Бюллетени Объединенного Комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений г. Петербурга, 1916. № 1, 8 марта.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

средственными организаторами и участниками тех или иных волнений, оставляя при этом в стороне значительные контингенты студенчества «беспартийного», либо объединенного мелкобуржуазными организациями.

Острая идейная борьба универсантов-большевиков с меньшевиками и эсерами приводит к необходимости показать те идейные аргументы, средства и приемы, которыми пользовались революционные социал-демократы для завоевания студенческих масс в ходе полемики на сходках, митингах и референдумах. Это даст нам представление о тех решающих, реальных мотивах, которые способствовали политическому «раскачиванию» широких масс учащейся молодежи.

Для исследователей еще не решенной задачей является конкретизация ленинского положения о трех политических лагерях в России на примере студенческой среды, отражавшей политическую группировку общества.

Весьма актуальным к настоящему времени стало определение перспектив магистрального направления исследования движения революционного студенчества. Небезосновательной в этом плане представляется точка зрения А. Е. Иванова, считающего, что дальнейшая разработка проблемы революционного студенческого движения должна «идти теперь не столько по линии накопления новых фактов, сколько по линии теоретического осмысления уже освоенного богатейшего материала».[66]

Среди актуальных задач — и выявление участников Великого Октября из среды революционного студенчества Петербургского университета.

---

[66] Иванов А. От хроники к исследованию. — Новый мир, 1973, № 5, с. 285.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

М. Ф. ЩЕРБАКОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПРОШЕДШИХ ЛЕТ

(публикация и примечания Г. А. Тишкина)*

Второй год я на Бестужевских курсах.[1] Через год я должна кончать, нужно иметь зачет семинария по литературе. Я увидела объявление о том, что Н. К. Пиксанов в следующем году будет вести семинарий по литературе.[2] Я решила пойти к нему, так как у него очень серьезно поставлена научная работа. Однако я не обратила внимания, что поступить к нему в семинарий можно только выдержав коллоквиум. Где и когда запись, мне тоже не было известно. Прошло время, и я узнала, что запись к нему в семинарий уже прекращена и комплект желающих поступить заполнен.

Оказавшись в безвыходном положении, я поборола свою застенчивость и решила ввиду моего «трагического» положения все-таки просить Пиксанова разрешить мне держать коллоквиум и принять меня в семинарий. И я пошла к нему на прием на квартиру, как ни трудно мне это было. Пиксанов принял меня очень любезно. Я рассказала ему, в чем дело. Он подумал, подумал, лекцию прочел, что мы «объявления не умеем читать». Но в конце концов сказал, что, хотя я не имею никаких законных оснований, но вследствие моего «трагического» положения он меня примет, если я сдам коллоквиум. Спросил, что я читала. Я сказала: сочинения Лермонтова и книжку Котлеровского (в объявлении было сказано: или книжку Котлеровского, или V том академического издания Лермонтова). Он нашел, что этого мало и нужно хорошенько знать V том Лермонтова. Пока, сказал он, мне нужно записаться у Панфиловой кандидаткой, но он меня наверное примет, если я сдам коллоквиум, только чтобы я никому не говорила об этом. «Если сдадите коллоквиум, обязательно приму, — сказал он, — а провалитесь — не приму».

Я была и рада, и боялась, когда вышла от него и шла по Большому проспекту Петроградской стороны (он жил в конце Гатчинской улицы). Рада была потому, что есть надежда поступить в семинарий, и боялась, что не успею подготовиться из-за V тома (я уже решила экзаменоваться не 1, а 8 мая). Готовилась довольно тщательно. Купила себе V том Лермонтова в академическом издании и побывала на занятии в Лермонтовском семинарии у Пиксанова.

8 мая я сдавала коллоквиум. Спросил меня Пиксанов о детских годах Лермонтова, о его семейных отношениях, о произведениях, в которых они отразились. Я ответила, и он меня принял. В тот же день я выбрала для своей работы тему «Эволюция типа Печорина в творчестве Лермонтова».

---

* См. в конце статьи.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru

... Был конец октября. Близилось время (20 ноября) читать реферат в семинарии. Вечером съездила к Пиксанову поговорить по поводу реферата. Сообщила свой план. Он сказал, что придется прочитать еще книгу о западном влиянии на создание типа Печорина, воспоминания нескольких лиц и переписку Лермонтова. Новых материалов для истории создания «Героя нашего времени» я не нашла. Были только письма Лермонтова, да записки Смирновой. Но в них ничего нужного не оказалось.

Заблаговременно дала тезисы секретарю семинария бестужевке Тер-Микельян. Реферат у меня получился больше 50 страниц. Я решила 5—6 из них выпустить при чтении, но в реферате оставить и заключить в скобки. Об этом я поговорила с Пиксановым, и он одобрил мое предложение.

17 ноября, в день подачи реферата, я до 7 часов еще переписывала его и составляла список произведений, в которых встречаются печоринские черты. Вечером отнесла реферат Пиксанову.

Как правило, на одну тему писали трое. Я волновалась, мне хотелось написать хороший доклад и подвергнуть его разбору в семинарии. Эта работа имела для меня большое значение. Хотела выяснить, могу ли я написать хорошее сочинение по литературе. Но все-таки меня не покидала надежда, что буду читать я и что мой реферат будет признан лучшим.

Вошел Пиксанов. Я села на стул и спряталась за спину одной курсистки, чтобы меня в светлом платье не было видно. Он сел и вынул из портфеля мои листки и вызвал меня. Я вышла на кафедру, где стояло большое кресло. Николай Кирьякович стал придвигать его к себе, устраивать, чтобы было удобнее. Я начала читать. Через некоторое время Пиксанов попросил меня читать медленнее. Я сказала, что читаю быстро потому, что боюсь его задержать. Он успокоил: «Ничего, если долго, а то все пропадет». Я стала читать медленнее, и читала до звонка на перерыв и захватила часть перерыва. Когда я закончила, сделали перерыв минут на 10. Во время перерыва я была со своей сестрой, тоже бестужевкой. Она пришла послушать меня, хотя мне этого и не очень хотелось. Тут одна курсистка, у которой в прошлый раз был тоже хороший реферат. Разумова, говорит: «Как у вас хорошо-то!». Она попросила дать ей почитать, так как пропустила чтение. Я обещала дать ей реферат после семинария.

Вскоре вернулся Пиксанов и предложил высказаться по поводу реферата. Хватова возражала, так как Лермонтов, по ее мнению, не мог больше возвратиться к Печорину и переделать роман снова, как я предполагала в докладе. Другими словами, моему тезису «Тип Печорина в романе не исчерпан» она выставила антитезис. К ней присоединились еще несколько человек. Пиксанов был на моей стороне. Две группы оппонентов спорили друг с другом под руководством Пиксанова целый час. Прозвенел звонок на перерыв. Они еще спорили об этом тезисе. После звонка Пиксанов высказался в защиту моего мнения. Потом сказал, что времени много, нужно идти на лекции, а нового он все равно нам ничего не скажет. Потом обратился ко мне: «Вашим рефератом я очень доволен, список произведений очень обстоятельный и показывает, что вы много поработали».

Теперь вопрос был выяснен: я могу по литературе написать хороший реферат. А мне это было очень нужно затем, чтобы решить, стоит ли мне специализироваться по литературе.

... Увидела в витрине для объявлений, что в среду, 14 апреля, Пиксанов будет давать зачеты по семинарию. Я пришла к 10 часам, реферата не было. Пиксанов подводил итоги семинарских работ. Одна

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

из его мыслей была та, что наши занятия, хотя и не дали науке особенно ценного вклада (в оправдание этому он приводил то, что в наших руках было мало материала), но зато, работая совместно, мы испытали интеллектуальное наслаждение.

Затем взял у нас зачетные тетради и подписал. Моя была последней из лежащих на столе. Он долго перелистывал и просматривал ее. Другие тетради подписал и положил на стол раскрытыми, а мою закрыл, взял и сказал: «Г-жа Щербакова». Я тут стояла, близко к столу, наблюдала за ним, подошла поближе и взяла свою тетрадь. Вероятно, он обратил внимание на то, что у меня там много зачетов и экзаменов, ведь я уже почти окончившая. Все утро я была в хорошем настроении: Пиксанов поставил зачет. Я осталась очень довольна им и его семинарием и когда бывала у него на занятиях, и когда сама писала реферат. У него серьезно было поставлено дело, он очень внимательно относился к семинарию.

Окончив Высшие женские (Бестужевские) курсы, в течение следующего учебного года я держала государственные экзамены при нашем университете. Написала дипломную работу, за которую от профессора А. К. Бороздина получила весьма удовлетворительный отзыв. В результате университет удостоил меня диплома первой степени и звания кандидата наук. Таким образом, передо мною открылся путь в науку.[3]

По окончании Высших женских (Бестужевских) курсов я встретилась с Николаем Кирьяковичем Пиксановым, к моему большому сожалению, только через 40 лет. Это было 2 октября 1958 г. в Музее истории города Ленинграда, когда в связи с 80-летием со дня открытия курсов там состоялся доклад о них. Меня удивил и приятно поразил тот большой интерес, который сохранился у Николая Кирьяковича к жизни и работе его слушательниц.

В мае 1965 г. в один из дней традиционной встречи бестужевок Николай Кирьякович посетил нас в столовой ВЖК. У меня был с ним разговор о моей работе на тему «Эволюция типа Печорина в творчестве Лермонтова», которую я по окончании государственных экзаменов в 1917 г. представила в университет профессору А. К. Бороздину и в основу которой лег реферат, прочитанный мною в его семинарии. Он спросил: «Где теперь эта работа?» Я подумала, что, может быть, ему хотелось бы получить ее. И когда потом при встрече у него я обещала с черновика переписать эту работу и дать ему, он сказал: «Знаете, куда я ее положу? В творческую историю».[4]

Когда все собрались за столом, Николай Кирьякович в своей речи с любовью вспоминал о той поре своей деятельности, когда был преподавателем на Бестужевских курсах, называя ее «зарею» своей жизни. Рассказывал, как обычно, приближаясь к курсам, он невольно ускорял шаг, и с особенной симпатией говорил о курсистках не в шелковых, а в ситцевых кофточках, купленных за 35 копеек: эти слушательницы «вгрызались в науку».[5]

В течение последних лет пяти я встречалась с Пиксановым довольно часто. Мы поздравляли его с цветами в день рождения 12 апреля. С этим же днем совпадал и день рождения Марии Ивановны — его жены и секретаря.

25 апреля я была на торжественном заседании, посвященном 90-летию Николая Кирьяковича, в Институте литературы АН. В мае того же года он сам присутствовал у нас на торжественном заседании по случаю 90-летия со времени открытия ВЖК — в Актовом зале университета.[6] В период традиционных бестужевских встреч мы бывали у него с московскими делегатами. Нас принимали всегда приветливо и обяза-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

тельно старались угостить. Николай Кирьякович заражал меня своею неутомимой энергией и побуждал к работе своим интересом к ней. Каждый раз после встреч с ним мне казалось, как будто снова возвратились времена Бестужевских курсов, как будто не пролетело с тех пор пятидесяти с лишним лет. Я чувствовала бодрость, прилив энергии, желание работать.

По инициативе Николая Кирьяковича я написала для нашего архива при Музее истории ЛГУ две большие статьи о наших профессорах С. А. Венгерове и Д. Н. Овсянико-Куликовском. Николай Кирьякович особенно интересовался С. А. Венгеровым.[7] С ним он работал, и о нем у него сохранилась добрая память, в частности, о хорошем отношении этого профессора к молодежи, в том числе к нему. Николай Кирьякович с чувством большого уважения рассказывал о профессоре Венгерове. Семен Афанасьевич был прост в обращении и очень хорошо относился к молодежи. Николай Кирьякович пришел к нему еще совсем молодым человеком, неизвестным, и профессор Венгеров дал ему литературную работу.

В мае 1967 г., приветствуя письмом бестужевок на традиционной встрече во Дворце культуры работников просвещения, Николай Кирьякович писал: «... как мне отрадно, что в тот день, когда я диктую эти строки, я могу держать перед собою несколько научных работ моих давних слушательниц... Мария Федоровна Щербакова, словно на очередное заседание семинара, представила мне для отзыва научно-биографическую характеристику славного литературоведа С. А. Венгерова, достойную напечатания».* Отношение Николая Кирьяковича к моей статье придало мне сил и желания писать еще больше.

Работая над статьею о профессоре С. А. Венгерове, занимаясь в архиве ИРЛИ СССР, в Государственной Публичной библиотеке, попутно я уже собрала большой материал о профессоре Д. Н. Овсянико-Куликовском. Закончив эту первую статью, я продолжала работать над материалом о профессоре Д. Н. Овсянико-Куликовском.[8]

В начале сентября 1968 г., узнав, что Николай Кирьякович возвратился с дачи из Комарова, я позвонила ему узнать, когда он сможет прослушать мою статью о профессоре Д. Н. Овсянико-Куликовском. Его секретарь Мария Ивановна, договорившись с ним, пригласила меня на следующий день и передала с его слов, что «ему самому будет интересно послушать».

На следующий день, в среду, 4 сентября, часов около восьми вечера я приехала к нему прямо с дачи и привезла с собою большой букет цветов, преимущественно белых. Я знала, что Николай Кирьякович, как говорили, на даче любуется каждой птичкой и каждым цветочком, и не могла приехать к нему с дачи без цветов. Николай Кирьякович действительно залюбовался цветами. Тут были роскошные гладиолусы, пышные астры, душистые флоксы. Но особенно привлек его внимание один случайно уцелевший в саду георгин, похожий на хризантему, нежного розовато-желтоватого цвета. Однако Николай Кирьякович не мог позволить себе роскошь долго любоваться цветами: впереди его ожидало слушание большой статьи. И вот в кабинете среди полок, сплошь уставленных книгами, за большим письменным столом против меня поместилась Мария Ивановна, а сбоку в кресле — профессор. Тут же на столе был поставлены цветы и ваза с виноградом.

Я начала читать быстро, боясь долго задержать слушающих меня. Но Николай Кирьякович сказал: «Не торопитесь». Он слушал внимательно, задумчиво, иногда даже просил меня повторить какое-нибудь

---

* Архив ЛГУ, фонд ВЖК. (примеч. М. Ф. Щербаковой)

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

место. Иногда задавал вопросы, как например: «А мы думали: кем приходится Дмитрию Николаевичу композитор Овсянико-Куликовский?». Вставляя реплики, вроде того, как: «А я этого не знал». Справлялся, есть ли абзац, сноска. Слушал весьма активно.

С особенным волнением я приближалась к чтению своих воспоминаний о лекциях по психологии мифа и первобытных верований. Это была часть того отрывка из статьи, который я предлагала для сборника «ВЖК» второго издания и который не был принят нашей бестужевской редколлегией. Николай Кирьякович, прослушав, спросил: «А откуда вы это взяли?». Я рассказала, что взяла это из моих записей лекций Д. Н. Овсянико-Куликовского, правильность записи которых я проверяла по собственноручным программам Дмитрия Николаевича, находящимся в Архиве ИРЛИ АН СССР. «Так вы это напишите, — сказал мне внушительно Николай Кирьякович, — а то кто-нибудь подумает, что это какая-нибудь отсебятина».

Дальше я подошла к месту, где говорилось, что синтаксис Д. Н. Овсянико-Куликовского был его любимым детищем. Академик Шахматов очень интересовался им и дал ему высокую оценку. Николай Кирьякович опять спросил: «А откуда вы это взяли?». Я ответила, что взяла это из собственноручных писем академика Шахматова, находящихся в Архиве ИРЛИ АН СССР.[9] «Так вы это напишите: ведь это ценная архивная находка», — сказал мне опять Николай Кирьякович.

Когда зашла речь о том, что я пользовалась ненапечатанным трудом Т. И. Райковой, который имеется в университетском архиве в машинописном виде, Николай Кирьякович посоветовал мне обязательно написать, что я пользовалась неопубликованным трудом из архива. «Это, — сказал он, — повысит ценность вашей работы».

Когда чтение было закончено, Николай Кирьякович рекомендовал мне достать и использовать книгу Д. Н. Овсянико-Куликовского «Записки южно-русского социалиста»,* прочитать и реферировать письма М. Горького к Д. Н. Овсянико-Куликовскому, достать текст поздравительной телеграммы М. Горького к нему же, найти сборник в пользу жертв войны, одним из редакторов которого был Д. Н. Овсянико-Куликовский, подробнее написать об «Истории русской интеллигенции».[10]

Николай Кирьякович не стеснялся указывать и на недостатки. Так, он отметил, что у меня не хватает критики Д. Н. Овсянико-Куликовского, просил достать одну из позднейших энциклопедий и прочитать, что в ней сказано об Овсянико-Куликовском. Предупредил меня, что в ближайшее время выйдет новая литературная энциклопедия (V том).

Прощаясь со мною, Николай Кирьякович благодарил меня «за цветы и за статью», а я благодарила его за отношение к статье... «Сочувственное», — закончил он.

7 октября 1968 г. в Москве в торжественной обстановке, с участием московских профессоров, состоялось многолюдное собрание бестужевок, посвященное 90-летию открытия Высших женских (Бестужевских) курсов. Мне было дано слово для приветствия от имени профессора Николая Кирьяковича Пиксанова. Я вошла на эстраду с только что вышедшей книгой, которую он прислал в подарок в Московское бюро бестужевок. Стоило мне только упомянуть имя Николая Кирьяковича Пиксанова, как взрыв аплодисментов огласил зал. Я говорила: «Дорогие

---

* Эта книга вышла в 1877 г. в Женеве и имеется в Ленинграде только в Государственной публичной библиотеке и только в одном экземпляре.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

товарищи! От лица нашего преподавателя, члена-корреспондента Академии наук Николая Кирьяковича Пиксанова, по его поручению передаю вам его сердечный привет с наилучшими пожеланиями. Передаю также большой привет от его секретаря, жены Марии Ивановны. Николай Кирьякович до сих пор много работает: пишет и печатает свои научные труды. До сих пор он не потерял связи со своими ученицами-бестужевками. Интересуется их работой. Всегда готов помочь им своими консультациями, дать ценные указания и полезные советы. Недавно вышла из печати его новая книга «Роман Гончарова „Обрыв" в свете социальной истории».[11] Экземпляр этой книги с авторской надписью он прислал в подарок в архив Московского бюро бестужевок, что я и передаю через председателя бюро Елену Владимировну Поссе». Продемонстрировав с последним сообщением перед собранием книгу, я передала ее Е. В. Поссе.[12]

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Автор воспоминаний — Мария Федоровна Щербакова родилась в 1893 г. в Моршанске Тамбовской губ., где в 1911 г. окончила местную женскую гимназию. Училась на историко-филологическом факультете Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов в 1911—1915 гг. В последующие годы, до 1957 г., была преподавателем в общеобразовательных школах в Моршанске, Саблино, Ленинграде. В период Великой Отечественной войны во время блокады Ленинграда продолжала работать с детьми. Более подробно этот период деятельности М. Ф. Щербаковой освещен в кн.: Бестужевки в рядах строителей социализма. М., 1969, с. 8—85. За многолетнюю плодотворную педагогическую и общественную работу награждена орденом Ленина (в 1949 г.) и медалями.

Предлагаемые вниманию читателей воспоминания М. Ф. Щербаковой о выдающемся советском ученом, талантливом преподавателе Николае Кирьяковиче Пиксанове основаны на подробных дневниковых записях. Рассказ о приемах организации и ведения семинарских занятий Н. К. Пиксановым представляет интерес не только с точки зрения истории Петербургских женских курсов, но и для выяснения методики преподавания в высшей школе.

[2] Впервые, начиная с 1859 г. и по 1861 г., женщины регулярно посещали лекции в Петербургском университете. Уже в 60-е годы XIX в. активно выступали за организацию женского профессионального образования выдающиеся русские ученые Д. И. Менделеев, А. П. Бородин, А. Н. Бекетов, И. М. Сеченов, А. М. Бутлеров, И. И. Мечников, Ф. Ф. Петрушевский и многие другие. В большинстве своем это были профессора Петербургского университета (см.: Мавродин В. В., Тишкин Г. А. Ленинградский университет и высшее женское образование. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1979, № 2, с. 5—9). Они оказывали материальную и методическую помощь, бесплатно читали лекции и готовили программы преподавания на открывшихся в 60-е годы в Петербурге Аларчинских и Владимирских женских курсах. Эта традиция бескорыстной помощи и тесного сотрудничества между коллективом профессоров Петербургского университета и женскими учебными заведениями столицы получила новое, более глубокое и разностороннее развитие после того, как в Петербурге в 1878 г. были открыты по инициативе передовой интеллигенции Высшие женские курсы. Благодаря этой помощи уровень преподавания на них был поставлен очень высоко, велся постоянный поиск путей совершенствования методики преподавания в высшей школе. Многие современники считали, что женские курсы существуют при Петербургском университете.

Новые возможности в области применения передовых приемов организации преподавания открылись в связи с завоеваниями, достигнутыми в годы первой русской революции: в учебный процесс в 1906 г. была введена предметная система, она сменила курсовую. Новая система преподавания расширила свободу деятельности профессоров по организации занятий, а перед студентами открывала дорогу в науку. Она была разработана профессорами Петербургского университета и женских курсов во главе с И. И. Гревсом и В. А. Фаусеком. Суть предметной системы состояла в том, что, наряду с прежней основной формой изложения знаний — лекциями, большое место отводилось семинариям (подробнее см.: Отчет о состоянии Санкт-Петербургских высших женских курсов за 1906/1907 учебный год. СПб., 1908, с. 15—17). П. К. Пиксанов не принадлежал к числу тех профессоров высшей школы, которые оставили о себе память как выдающиеся лекторы. Он прославился как выдающийся мастер организации студенческой работы в семинариях (подробнее см.: Барсук А. Н. Печатные семинарии по русской литературе. М., 1964; Тишкин Г. А. П. К. Пиксанов — преподаватель Бестужевских курсов. — Русская литература, 1978, № 4, с. 162—167).

[3] Начиная с 60-х годов XIX в. одним из требований женского движения в России является равноправие женщин с мужчинами в области получения образования.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

И хотя на рубеже 60—70-х годов были открыты первые учебные заведения для женщин, дававшие высшее образование (например, Петербургские женские медицинские курсы в 1872 г.), выпускницы их не получали прав, связанных с приобретением высшего образования, подобно выпускникам-мужчинам, оканчивавшим учебные заведения с аналогичными программами (подробнее см.: Тишкин Г. А. Женский вопрос в России XIX—начала XX в. Л., 1983, с. 160—161). Выпускницы различных женских курсов получали по окончании не дипломы, а свидетельства. Лишь в начале XX в. в связи с подъемом революционного движения в стране и настойчивыми требованиями женских организаций царское правительство допустило женщин, оканчивающих Высшие женские курсы, к сдаче государственных экзаменов в комиссии при Петербургском университете (см. об этом: Мерварт Л. А. Как бестужевки впервые сдавали государственные экзамены в 1911 г. — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., 1973, с. 244—247; Кост Е. А. Воспоминания о государственных экзаменах в дни Октября 1917 года. — В кн.: Наша дань Бестужевским курсам. Париж, 1971, с. 73—76).

4 Н. К. Пиксанов на всю жизнь сохранил интерес к судьбе выпускниц женских курсов, помогал им в творческой деятельности, публиковал их работы. Им были подготовлены «Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева: неизданные переписка, воспоминания, библиография» (Пг., 1915) и «Некрасовский сборник: неизданные письма, воспоминания, статьи, библиография» (под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова). (Пг., 1918), куда вошли работы некоторых участниц его семинария. Был подготовлен и 2-й выпуск «Тургеневского сборника», однако в связи с временными трудностями он в свет не вышел, но рукопись его была сохранена Пиксановым до конца жизни. В настоящее время она находится в кабинете-библиотеке Н. К. Пиксанова в Пушкинском доме в Ленинграде. Там же находятся и другие материалы — письма, статьи, монографии его бывших учениц, наглядно свидетельствующие о постоянном внимании Н. К. Пиксанова к судьбе бестужевок.

5 Социальный состав слушательниц Петербургских высших женских курсов был разнообразным, преимущественно на них учились дочери из интеллигентных семей. На курсах были и иностранки. Число слушательниц возрастало: например, в 1879/80 учебном году — 840 учащихся (из них 5 крестьянок), а в 1914/15 учебном году — 6674 (802 крестьянки). Однако здесь в воспоминаниях М. Ф. Щербаковой речь идет преимущественно о материальном положении студенток (об этом см.: Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов (по данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в 1909 г.). СПб., 1912). Обширная литература о материальном положении курсисток собрана в библиографическом указателе «Высшие женские (Бестужевские) курсы» (М., 1966, с. 121—126).

6 Ленинградский университет является воспреемником Высших женских курсов. Первоначально курсы были преобразованы в 1918 г. в Третий Петроградский университет, а в следующем году вошли в состав старейшего вуза России и стали единым учебным заведением (см.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 21, 277). В 1959 г. по инициативе бывших бестужевок, при поддержке администрации и общественных организаций Ленинградского университета было торжественно отмечено 80-летие со дня основания курсов, был создан комитет, который занялся различными вопросами: собирание архивных материалов, взаимопомощь по месту жительства, публикация сборников воспоминаний и т. д. В 1968 и 1978 гг. в торжественной обстановке в Актовом зале университета были отмечены 90-летний и 100-летний юбилеи ВЖК. В эти годы активизировалось внимание ученых к истории женского образования в России (подробнее см.: Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России. М., 1980).

7 Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — известный историк русской литературы и библиограф, в 1910—1916 гг. — профессор ВЖК, вел для слушательниц Пушкинский семинарий, пользовавшийся большой популярностью (о работе С. А. Венгерова на ВЖК см.: Шильникова М. А. Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920). — В кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 210—215).

8 Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920) — литературовед, языковед, почетный академик Петербургской АН, профессор ВЖК с 1907 по 1916 г. (о работе Д. Н. Овсянико-Куликовского на курсах опубликованы воспоминания М. В. Сабашниковой, М. А. Субботиной и М. Ф. Щербаковой в кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 215—220). Ленинградский комитет

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

бестужевок сыграл решающую роль в исправлении ошибочной характеристики Д. Н. Овсянико-Куликовского, данной писателем К. Г. Паустовским в «Повести о жизни» (Собр. соч., т. III. М., 1957, с. 782). Ответное письмо К. Г. Паустовского было опубликовано в кн.: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы, с. 105.

9 Документы академика А. А. Шахматова находятся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), ф. 476.

10 Овсянико-Куликовский Д. Н. Записки южно-русского социалиста. Женева, 1877.

11 Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. Л., 1962, с. 202.

12 Поссе Е. В.— председатель Московского бюро бестужевок.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

К. Ф. ОГОРОДНИКОВ

СТАНИСЛАВ ВИКЕНТЬЕВИЧ КАЛЕСНИК

Со Станиславом Викентьевичем и его семьей меня связывала дружба, уходящая своими корнями в далекие довоенные времена. Мы часто встречались и по делам в университете, и в домашней обстановке. И всегда он был внимателен к людям, приветлив, невозмутим.

Я вспоминаю блокадную зиму 1941—1942 гг. в Ленинграде. Совершенно истощенным он, в то время декан географического факультета нашего университета, попал в стационар для работников культуры и искусств, помещавшийся в гостинице «Астория». Он был настолько слаб, что его пришлось привезти туда на санках.

В темноте, холоде и голоде люди нередко опускались: закутавшись во все, что можно, сутками сидели на месте, думали и говорили только о еде. Станислав Викентьевич для многих был нравственным примером. По многолетней экспедиционной привычке он всегда спал раздетым, был подтянутым и проводил свой день, следуя строгому графику и отдыхая только во время еды в столовой. Глядя на него, невольно подтягивались и другие. Иногда по вечерам обитатели «Астории» спускались в холл гостиницы, где играл тоже живший там известный пианист Лев Оборин, пели или читали стихи другие артисты. Все остальное время Станислав Викентьевич неустанно трудился. Впоследствии он рассказывал, что никогда так много и продуктивно не работал. За неполный месяц он обработал огромный, собранный ранее материал и в основном написал главный труд своей жизни — монографию «Основы общего землевладения». Это фундаментальное исследование удалось опубликовать лишь после войны — в 1947 г.[1]

Особенно близкими наши отношения стали после эвакуации нашего университета во время Великой Отечественной войны в Саратов. Там мы, работники университета, жили все вместе, как одна семья, и наша со Станиславом Викентьевичем дружба крепла день ото дня. Оглядываясь сегодня на прожитые годы, я особенно отчетливо вижу, с каким замечательным человеком, крупнейшим ученым и прекрасным организатором науки свела меня судьба. Приходится просто удивляться, какую поистине огромную научную и разнообразную, насыщенную общественную работу успевал он вести.

В Саратове все мы жили в нелегких условиях — особенно нелегких для научных работников. День проходил в делах и заботах по факультетам. Из-за недостатка в педагогических кадрах нагрузка у преподавателей была огромная: приходилось читать по восемь, а иногда и по десять часов в день. А ведь Станислав Викентьевич был не только лектором, в эвакуации он почти все время являлся деканом геогра-

[1] Калесник С. В. Основы общего землеведения. М.; Л., 1947.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ческого факультета и председателем объединенного, т. е. включавшего все факультеты, месткома.

Жизнь была трудной, как и у всех в ту пору. Семья Калесников, состоявшая из пяти человек, жила, как и все другие, в одной комнате. В таких условиях было очень трудно вести еще и большую научную работу. И все-таки именно там Станислав Викентьевич написал оригинальную работу «Географический фактор в военных операциях», которая имела тогда огромное практическое значение.[2] Я узнал об этом только после того, как он был награжден за нее орденом Красного Знамени.

Помню, что как раз в то время он говорил мне, что принял решение вступить в ряды партии. В 1943 г. он стал членом ВКП(б).

В трудное военное время все мы старались принести стране пользу в любой возможной форме. Мы, преподаватели, вместе со студентами ездили на уборочные работы в подшефный совхоз. Днем работали в поле, а вечером читали лекции. Семья Калесников славилась тем, что работала в поле семейной бригадой. Дочке Даночке тогда было тринадцать, а сыну Леве — шестнадцать лет. И все всегда выполняли норму на уборке овощей.

Я вспоминаю Станислава Викентьевича всегда доброжелательного, но не позволявшего ни себе, ни другим никакого панибратства. Он был человеком предельно внимательным и отзывчивым и вместе с тем непреклонно принципиальным во всем, что касалось науки и человеческих отношений. Особенно хочется сказать о его работе и роли во Всесоюзном Географическом обществе, которому Станислав Викентьевич отдавал так много сил. Он был сначала вице-президентом, а позднее президентом Географического общества. Однако, какие бы высокие научные и общественные посты Станислав Викентьевич ни занимал, он всегда оставался самим собой — в полном смысле слова Человеком с большой буквы. Не удивительно, что всюду, где работал Станислав Викентьевич, он был центром научного коллектива — сообщества сотрудников-единомышленников, многие из которых сами внесли большой вклад в географическую науку.

Еще хотелось бы рассказать о его любви к студенческой молодежи, которая так ярко освещала его более чем сорокалетнюю работу в нашем университете. Деятельность свою в ЛГУ он начал доцентом, а впоследствии стал профессором, деканом факультета и проректором по научной работе. Тут-то особенно ярко проявились те прекрасные черты характера Станислава Викентьевича, о которых я уже говорил. Я имею в виду сочетание доброжелательности с требовательностью, которые, как известно, служат основой работы любого настоящего воспитателя. С этой стороной его характера я вплотную столкнулся, будучи научным руководителем СНО (студенческого научного общества). Мне, как представителю СНО, путь в кабинет проректора или ректора, когда Станислав Викентьевич исполнял его обязанности, был всегда открыт. С исключительным вниманием он относился ко всем проблемам студенческой научной работы. Даже тогда, когда он почему-либо был не согласен с моими предложениями, он умел сформулировать свой отказ настолько деликатно, так настойчиво показать всем разговором, что стремится помочь мне, представителю студенчества, посмотреть на дело другими глазами и решить его иначе, чем я думал, что у меня ни когда не возникало чувства обиды.

В последние десятилетия мы встречались особенно часто. Совершали

---

[2] Калесник С. В. Географический фактор в военных операциях. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, 1944, № 68. Сер. ест. наук, вып. 2, с. 199—231.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

долгие семейные автомобильные путешествия, вместе проводили отпускное время. Меня всегда восхищало умение Станислава Викентьевича увидеть в людях или в обстановке что-то интересное и обратить на это внимание своих спутников. Я никогда не забуду наши совместные поездки в героический Брест, в Беловежскую пущу, по Суворовским местам, в Калининград и другие места. Я не ошибусь, если скажу, что не будь в моей жизни дружбы со Станиславом Викентьевичем, я не знал бы множества волшебных мест нашей Родины.

Он наполнял свои рассказы живым юмором. Даже сейчас я не могу без улыбки вспоминать выпуски семейной стенгазеты «Янтарь и перец», автором большинства номеров которых, а также редактором и художником был Станислав Викентьевич. Его радостно встречали во всех местах, куда мы с ним приезжали, окружали дружеской заботой, стараясь показать все самое лучшее и интересное.

Дом Калесников всегда был уютным, гостеприимным, теплым, и в этом огромная заслуга жены Станислава Викентьевича — Наталии Борисовны. Даже когда он был уже тяжело болен, этот стиль бережно сохранялся. Именно поэтому Станислав Викентьевич мог до конца своих дней работать, общаться с коллегами, видеть своих друзей, словом, вопреки недугу, жить настоящей жизнью и оставаться самим собой.

Таким я и буду помнить его всегда.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Ю. И. ПОЛЯНСКИЙ

НАШИ ВСТРЕЧИ СО СТАНИСЛАВОМ ВИКЕНТЬЕВИЧЕМ КАЛЕСНИКОМ

Каждому, кто прошел богатый событиями жизненный путь, пришлось встретиться с сотнями и тысячами людей. В особенности это относится к педагогам, профессорам, для которых общение с людьми является характерной чертой профессии. Но лишь немногие встречи запоминаются на всю жизнь и хранятся в сознании как драгоценные свидетельства прошедших дней... К таким встречам для меня относится общение со Станиславом Викентьевичем Калесником. Работая большую часть своей жизни в Ленинградском университете, я знал Станислава Викентьевича с тридцатых годов как выдающегося лектора, видного ученого. Бывал на его докладах, которые всегда оставляли глубокое впечатление. Но наше более близкое знакомство состоялось сразу после окончания Великой Отечественной войны, когда я, вернувшись с фронта, после демобилизации был назначен проректором университета (сначала по научно-просветительной, а затем по учебной работе). Станислав Викентьевич занимал пост проректора по научной работе. Ректором университета был в эти годы профессор политэкономии Александр Алексеевич Вознесенский — блестящий организатор, человек очень требовательный, влюбленный в университет, обладавший огромной работоспособностью. Работать с ним было подчас не легко и вместе с тем радостно, ибо все усилия направлялись на то, чтобы после тяжелых лет войны, эвакуации в Саратов, восстановить славу нашего университета как крупного научного и учебного центра. В этих условиях значение проректора по науке приобретало особую значимость, а выполнение функций, связанных с подъемом научной работы в университете, было особенно сложным. Материальная база университета в те годы была слаба и восстановить ее было нелегкой задачей. Много талантливой научной молодежи погибло на полях Отечественной войны. Сильно поредели и ряды старых ученых...

В эти годы встречаться со Станиславом Викентьевичем нам приходилось повседневно, много беседовать, советоваться, обсуждать систему научно-организационных мероприятий и т. п. Станислав Викентьевич взял четкий и ясный курс на развитие в Ленинградском университете фундаментальных исследований по основным актуальным проблемам науки. Эта четкая линия сыграла положительную роль в становлении научной деятельности университета. Для С. В. Калесника фундаментальная наука никогда не была оторвана от вопросов практики. Свидетельством тому была научная деятельность Станислава Викентьевича. К разработке основных проблем общего землеведения, гляциологии он подходил не только как теоретик. Он всегда имел в виду и народнохозяйственное значение разрабатываемых проблем. Именно с позиций

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

глубокого единства разработки теоретических и практических задач он и подходил к развитию науки в университете.

Деятельность проректора по научной работе в университете очень сложна в силу «многоликости» университета, в котором представлены все науки от математики и механики до филологии, языкознания и истории. Тут особенно ярко проявилась широчайшая эрудиция Станислава Викентьевича в самых различных областях знания. Вспоминается стиль его научно-организационной деятельности в университете. Он никогда не «приказывал» собеседнику осуществить то или иное мероприятие. Я ни разу не слышал, чтобы Станислав Викентьевич повысил голос. И вместе с тем руководство его было четким и твердым. Такое сочетание встречается нечасто! Станислав Викентьевич умел выслушивать доводы, противоположные его собственной точке зрения. Ему абсолютно чуждо было «голое администрирование». Все это создавало глубокий авторитет и уважение многоликого коллектива университетского научного и педагогического персонала. Можно сказать, что С. В. Калесника любили, уважали и... немного побаивались.

Иногда после рабочего дня в кругу сотрудников ректората Станислав Викентьевич начинал говорить о своей специальности — общих проблемах физической географии, озероведения, гляциологии. Это были увлекательные рассказы большого ученого о проблемах глобального значения.

Наше близкое знакомство с С. В. Калесником не было продолжительным, но запечатлелось оно в моем сознании на всю жизнь.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

УНИВЕРСАНТЫ — БОЛЬШЕВИКИ *

(указатель)

(составители Н. Н. Каретникова, В. С. Брачев)

ЛЕНИН (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924).
Член Коммунистической партии с 1893 г. В 1891 г. сдал экзамены экстерном за юридический факультет университета. Создатель Коммунистической партии и основатель Советского государства, великий вождь и учитель трудящихся всего мира, продолжатель революционного учения К. Маркса и Ф. Энгельса.

БСЭ, т. 14. М., 1973, стлб. 868—886; Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 40, с. 234—235; т. 41, с. 466.

АЛЕКСЕЕВ Николай Александрович (1873—1972).
Член Коммунистической партии с 1897 г. В 1897—1899 гг. учился в университете. После II съезда РСДРП — представитель лондонской группы большевиков. В период революции 1905—1907 гг. активно сотрудничал в большевистских газетах и журналах. Участник гражданской войны в Сибири, работал в аппарате ЦК и Коминтерне, занимался преподавательской и научной деятельностью. Делегат XXII съезда КПСС. Герой Социалистического Труда.

Советский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 38.

АЛЕКСЕЕВА Валентина Федоровна (1891—1978).
Член Коммунистической партии с 1914 г. Окончила историко-филоло-

---

* В список включены универсанты — члены Коммунистической партии, активные участники трех русских революций. Основу списка составляют деятели, упомянутые в Большой Советской энциклопедии (БСЭ), Ежегодниках БСЭ, в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция», Литературной энциклопедии, словаре биографий «Герои Октября», т. 1—2 (Л., 1967), в книге об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве «Герои Октября» (М., 1967), биографическом словаре А. Ф. Бережного, С. В. Смирнова «Бойцы революции» (Л., 1969), в библиографическом указателе «Высшие женские курсы» (Л., 1966), монографиях «Петербургский университет и революционное движение в России» (Л., 1979), Т. П. Бондаревской «Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг.» (Л., 1975), А. Ф. Калинина и С. З. Мандела «Ленин и Петербургский университет» (Л., 1969), во втором томе «Ленинградский университет в воспоминаниях современников» (Л., 1982).

О каждом из включенных в список приводятся следующие данные: даты жизни и вступления в Коммунистическую партию, годы пребывания в университете, краткие сведения об участии в партийной и государственной жизни, в руководящих партийных и государственных органах, основной источник.

Являясь результатом первого этапа работы, список не претендует на полноту и рассматривается составителями как подготовительные материалы к биобиблиографическому словарю, в котором предполагаются краткий биографический очерк, место-нахождение основных архивных данных и библиография.

Список составлен доцентом Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской Н. Н. Каретниковой и научным сотрудником музея истории Ленинградского университета В. С. Брачевым.

Составители выражают благодарность доктору исторических наук, старшему научному сотруднику института Истории партии Ленинградского ОК КПСС Т. П. Бондаренской за консультации и помощь в работе.

Поиск документов и материалов об универсантах-большевиках продолжается. Составители будут благодарны за замечания и дополнения.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

гический факультет ВЖК в 1916 г. Одна из секретарей VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). С 1917 г. — на профсоюзной и педагогической работе, с 1936 г. — на издательской и педагогической работе.

Высшие женские курсы (ВЖК): Библиографический указатель. М., 1966, с. 141; Ежегодник БСЭ. М., 1979, с. 548.

АНВЕЛЬТ Ян Янович (1884—1937).

Член Коммунистической партии с 1907 г. Окончил юридический факультет в 1912 г. В октябре 1917 г. — член ВРК и председатель исполкома Эстляндского Совета. Военный комиссар Северо-Западной области, председатель Эстляндской трудовой коммуны (1918 г.). В 1919—1921 гг. — на политической работе в Красной Армии. В 1921—1925 гг. — на подпольной партийной работе в буржуазной Эстонии. Член ЦК КПЭ с 1920 г. В 1935—1937 гг. — член и ответственный секретарь Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Делегат XIV—XVI съездов ВКП(б), III, IV и VII конгрессов Коминтерна. Писатель.

БСЭ, т. 1. М., 1969, стлб. 1713.

АНИСИМОВ Николай Андреевич (1892—1920).

Член Коммунистической партии с 1913 г. Учился в университете в 1912—1914 гг. В 1914—1918 гг. — один из руководителей грозненской организации РСДРП(б). Председатель Грозненского Совета, председатель ВРК Ставропольского гарнизона. Делегат VI съезда РСДРП(б) и II Всероссийского съезда Советов. Военный комиссар Ставропольской губернии, член РВС 11-й и 12-й армий.

БСЭ, т. 2. М., 1979, стлб. 92; Активные участники борьбы за власть Советов на Ставрополье. Ставрополь, 1957, с. 32.

АППОЛОНОВ Николай Васильевич (1879—1926).

Член Коммунистической партии с 1903 г. Студент естественного отделения физико-математического факультета с 1902 г. Активный участник первой русской революции. В 1917 г. — комиссар ВРК на бирже труда.

Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 78—80.

АРАРАТОВ Петр Степанович (1883—1957).

Член Коммунистической партии с 1903 г. С 1903 г. учился на физико-математическом и филологическом факультетах. В 1910 г. сдал экзамены экстерном. Активный участник первой русской революции. В период Великой Октябрьской социалистической революции — председатель ВРК Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. В советское время занимал крупные военно-политические и хозяйственные посты на железнодорожном транспорте.

Герои Октября, т. 1. Л., 1967, с. 105—106.

АРШАВСКИЙ Константин Григорьевич (1896—1978).

Член Коммунистической партии с 1914 г. Учился в университете в 1914—1917 гг. Один из руководителей Василеостровской районной организации РСДРП(б) в 1917 г. В 1919 г. — в Политуправлении Петроградского военного округа. После окончания гражданской войны — на партийной и преподавательской работе в вузах Ленинграда.

Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2. Л., 1982, с. 212—213.

БАГДАТЬЕВ Сергей Яковлевич (Багдатьян Саркис Гайкович) (1887—1949).

Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился на юридическом факультете университета. В 1908 г. — член Петербургского комитета

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

РСДРП и его Исполнительной комиссии. Член Петербургского комитета РСДРП(б) в 1917 г. В 1920—1925 гг. — член ЦК КП(б) Армении и член Закавказского ЦИК.

БСЭ, т. 2, стлб. 1523—1524; Очерки истории Ленинградской организации КПСС, т. 1. Л., 1980, с. 205.

БАТУРИН (Замятин) Николай Николаевич (1877—1927).
Член Коммунистической партии с 1901 г. Учился на естественном отделении физико-математического факультета университета. Исключен в 1899 г. за участие в студенческих волнениях. Один из организаторов архива и библиотеки ЦК РСДРП(б) в Женеве (1904 г.). В 1911—1912 гг. — работает в редакциях газет «Звезда» и «Правда». В 1918—1919 гг. — член редколлегии «Правды». Автор ряда работ по истории революционного движения в России.

БСЭ, т. 3. М., 1970, стлб. 125.

БОГОЛЕПОВА Татьяна (1894—1918).
Училась на историко-филологическом факультете ВЖК в 1916—1917 гг. Член большевистской фракции ВЖК. Убита на Южном Урале в 1918 г. при переходе колчаковского фронта.

ВЖК, библиографический указатель, с. 142.

БЫСТРЯНСКИЙ (ВАТИН) Вадим Александрович (1885—1940).
Член Коммунистической партии с 1907 г. С 1904 г. учился на историко-филологическом факультете университета. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. С 1922 г. — на научной и преподавательской работе в Ленинграде. С сентября 1940 г. — член редколлегии газеты «Правда». Делегат VIII, XV, XVI съездов партии. Автор ряда работ по истории партии. Директор института Истории партии при Ленинградском обкоме партии.

БСЭ, т. 4. М., 1971, стлб. 536; Историк-марксист, 1941, № 1, с. 155—157.

ВАНЕЕВА (Лосева) Екатерина Николаевна (1876—1962).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Окончила историко-филологический факультет ВЖК в 1897 г. В 1931—1948 гг. — зам. директора Малого театра, директор театра имени Евг. Вахтангова, Центрального детского театра, зав. учебной частью студии имени К. С. Станиславского.

ВЖК, библиографический указатель, с. 143.

ВАСИЛЬЕВА Варвара Александровна (1883—1920).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Окончила физико-математический факультет ВЖК. После Великой Октябрьской социалистической революции — на партийной работе на Дальнем Востоке и в Чите.

ВЖК, библиографический указатель, с. 44.

ВЕРМИШЕВ Александр Александрович (1879—1919).
Член Коммунистической партии с 1903 г. В 1902—1905 гг. учился на историко-филологическом факультете. Участник революции 1905—1907 гг. в Петербурге, штурма Зимнего дворца 25 октября 1917 г. В 1918—1919 гг. — корреспондент РОСТА. Зверски замучен белогвардейцами.

БСЭ, т. 4, стлб. 1593; Бережной А. Ф., Смирнов С. В. Бойцы революции: Библиографический справочник. Л., 1969, с. 72.

ВОЙКОВ Петр Лазаревич (1888—1927).
Член Коммунистической партии с 1917 г. Учился в университете (1907 г.). Комиссар снабжения Уральского Совета (1918), зам. председателя правления Центросоюза (1919). С октября 1924 г. — полномоч-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ный представитель СССР в Польше. Убит белогвардейцами в Варшаве в 1927 г.

БСЭ, т. 5. М., 1971, стлб. 832.

ГАБИЕВ Саид Ибрагимович (1883—1963).
Член Коммунистической партии с 1918 г. Учился в университете в 1904—1908 гг. Член Дагестанского областного ВРК (1918 г.). Редактор газеты «Революционный горец». В 1920—1921 гг. — председатель Дагестанского ревкома. В 1921—1937 гг. — нарком просвещения, затем нарком финансов Дагестана. Писатель.

Советская историческая энциклопедия (СИЭ), т. 4. М., 1963, стлб. 16.

ГОЛОЩЕКИН Филипп Исаевич (1876—1941).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился в университете в 1905—1907 гг. Член Петербургского комитета РСДРП в 1906—1907 гг. В 1912 г. на Пражской конференции избран членом ЦК и членом Русского бюро ЦК РСДРП. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). Во время Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК. Делегат XI—XVII съездов партии, на XIII—XIV съездах избирался кандидатом в члены ЦК, на XV и XVI съездах — членом ЦК ВКП(б). Был членом ЦИК СССР.

БСЭ, т. 7. М., 1972, стлб. 102.

ГРИНЕВИЧ Андрей Владимирович (1891—1938).
Член Коммунистической партии с 1912 г. В 1914 г. возглавил студенческую организацию РДСРП Петроградского университета. Руководитель Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда. В 1917 г. — секретарь Киевского областного комитета РСДРП(б). Уполномоченный наркомпрода и продкомиссар ряда губерний (1919). Был членом ЦИК и ВЦИК.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия. М., 1977, с. 131.

ГУРЕВИЧ Анна Яковлевна (1878—1942).
Член Коммунистической партии с 1902 г. Училась на историко-филологическом факультете ВЖК в 1899—1903 гг. Сподвижница Н. К. Крупской по Смоленской школе. После Октябрьской революции — на культурно-просветительной и педагогической работе.

ВЖК, библиографический указатель, с. 147.

ДАШКЕВИЧ Петр Васильевич (1888—1942).
Член Коммунистической партии с 1910 г. Окончил историко-филологический факультет в 1913 г. После Февральской революции работал в Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б). Во время Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК, участник штурма Зимнего дворца. В 1918 г. — председатель Петергофского городского Совета. В 1922—1926 гг. — ректор Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова.

БСЭ, т. 7, стлб. 1678.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ (Придворов Ефим Алексеевич) (1883—1945).
Член Коммунистической партии с 1912 г. Учился на историко-филологическом факультете в 1904—1908 гг. Русский советский поэт. Один из основоположников социалистического реализма в поэзии.

БСЭ, т. 3, стлб. 219—220.

ДОРОШЕНКО Николай Васильевич (1881—1926).
Член Коммунистической партии с 1902 г. Учился в университете в 1902—1905 гг. Один из организаторов социал-демократической организации Петербургского университета (1902). Член Петербургского ко-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

митета РСДРП в 1904—1905 гг. После Великой Октябрьской социалистической революции — на работе в Госплане УССР.

Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975. с. 298.

ЕГОРОВ Иван Васильевич (1887—1971).
Член Коммунистической партии с 1918 г. Окончил историко-филологический факультет в 1911 г. После победы Великой Октябрьской социалистической революции — комиссар Академии наук, затем правительственный комиссар высших учебных и научных заведений Петрограда.

Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 200.

ЕЛИЗАРОВ Марк Тимофеевич (1863—1919).
Член Коммунистической партии с 1893 г. Окончил физико-математический факультет в 1886 г. Член Самарского комитета РСДРП в 1906 г. После Октябрьской революции — народный комиссар путей сообщения, затем — член коллегии Наркомата торговли и промышленности.

БСЭ, т. 9. М., 1972, стлб. 223—224.

ЕЛИЗАРОВА (Ульянова) Анна Ильинична (1864—1935).
Член Коммунистической партии с 1898 г. Училась на ВЖК с 1883 г. С 1898 г. член первого Московского комитета РСДРП. В 1913 г. работала в «Правде», секретарь редакции журнала «Просвещение» и член редакции журнала «Работница». В 1917 г. — член бюро ЦК РСДРП(б), секретарь редакции «Правды». В 1918—1921 гг. — зав. отделом охраны детства в Наркомсобесе, затем в Наркомпросе. Один из организаторов Истпарта и Института Ленина.

БСЭ, т. 9, стлб. 224.

ЖАРНОВЕЦКИЙ Константин Сигизмундович (1881—1942).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Учился на историко-филологическом факультете университета в 1900—1904 гг. Один из руководителей студенческой большевистской организации в Петербургском университете. В 1905—1906 гг.—член Петербургского комитета РСДРП и его Боевого комитета. Делегат II съезда Советов (1917). Комиссар Петергофского ВРК. Комиссар и член РВС 9-й армии. В последующие годы — на преподавательской работе в вузах Ленинграда, профессор.

Герои Октября, т. 1. Л., 1967, с. 411—413; Петербургский университет и революционное движение в России, с. 175—179.

ЗАЛКИНД Иван Абрамович (1885—1928).
Член Коммунистической партии с 1905 г. Учился на юридическом факультете в 1907—1908 гг. В октябре 1917 г. — член Петербургского комитета РСДРП(б), один из руководителей Василеостровского районного революционного штаба, комендант района. Заместитель народного комиссара по иностранным делам. В 1920-е годы — на дипломатической работе.

Герои Октября, т. 1, с. 440.

ЗАМЯТИН Александр Николаевич (1879—1918).
Член Коммунистической партии с 1905 г. В 1904—1907 гг. учился на юридическом факультете. Активный участник революции 1905—1907 гг.

Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 189; История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969, с. 161, 626.

ИВАНОВ Аркадий Федорович (1882—1918).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился на физико-математическом факультете. Исключен из университета в 1903 г. за участие в ре-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

волюционном движении. После Октябрьской социалистической революции вошел в состав Центросибири. Член Сибирского ВЦИК. Зверски замучен белогвардейцами в 1918 г.

БСЭ, т. 10. М., 1972, стлб. 18.

ИГНАТЬЕВ Александр Михайлович (1879—1936).
Учился на естественном отделении физико-математического факультета в 1901—1908 гг. и в 1911—1914 гг. Активный участник социал-демократической организации студентов Петербурга при ПК РСДРП. Член Ботаевого комитета при ПК в 1905 г. После Великой Октябрьской социалистической революции — на дипломатической (торговый представитель в Финляндии и Берлине) и научной работе. Известный изобретатель.

БСЭ, т. 10, стлб. 71; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 139.

КАВТАРАДЗЕ Сергей Иванович (1885—1971).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Окончил юридический факультет в 1915 г. В 1904—1906 гг. — член Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП. После 1917 г. — член Кавказского краевого комитета РСДРП(б). Делегат VI съезда РСДРП(б). Председатель исполкома Владикавказского Совета (1918). В 1921 г. — председатель Батумского и Аджарского ревкома, зам. председателя ревкома Грузии, нарком юстиции Грузии. В 1922—1923 гг. — председатель СНК Грузии. В 1941—1945 гг. — зам. министра иностранных дел СССР. Делегат XXII съезда КПСС.

БСЭ, т. 11. М., 1973, стлб. 360.

КАРАХАН (Караханян) Лев Михайлович (1889—1937).
Член Коммунистической партии с 1917 г. Учился на юридическом факультете в 1910—1915 гг. Член ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов 1-го созыва (1917). Член Президиума и секретарь Петроградского Совета. Во время Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК. В марте 1918—1920 и 1927—1934 гг.—зам. наркома по иностранным делам. Избирался членом ЦИК СССР.

БСЭ, т. 11, стлб. 1179.

КАРИНЯН (Габриэлян) Арташес Биласиевич (р. 1886).
Член Коммунистической партии с 1907 г. Окончил юридический факультет в 1910 г. В 1928 г. — председатель ЦИК Армении. В 1929—1930 гг. — зам. наркома просвещения Армянской ССР. Академик АН Армянской ССР. Герой Социалистического Труда.

Краткая литературная энциклопедия, т. 3. М., 1966, с. 409: Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 207.

КИНГИСЕПП Виктор Эдуардович (1888—1922).
Член Коммунистической партии с 1906 г. В 1906—1908 гг. учился на естественном отделении физико-математического факультета, но был исключен за свою революционную деятельность. Окончил юридический факультет в 1917 г. В октябре 1917 г. — зам. председателя ВРК Эстляндского края, член Исполкома Советов Эстляндского края. С марта 1918 г. работал в Москве в Верховном ревтрибунале и в ВЧК. Делегат IV Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. С ноября 1918 г. — руководитель Коммунистической партии Эстонии. На 1-м (1920) и 2-м (1921) съездах КП Эстонии избирался членом ЦК и членом Политбюро ЦК. Арестован полицией Эстонского буржуазного правительства. 3 мая 1922 г. расстрелян по приговору военно-полевого суда.

БСЭ, т. 12. М., 1973, стлб. 331—332.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

КНУНЯНЦ-РИЗЕЛЬ Фаранзем Фаро Минаевна (1885—1980).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Окончила юридический факультет ВЖК в 1914 г. После Великой Октябрьской социалистической революции — зав. статистическим отделом ЦК ВКП(б), затем — на агитационно-пропагандистской работе.

ВЖК, библиографический указатель, с. 151—152.

КОПЯТКЕВИЧ Александр Антонович (1886—1960).
Член Коммунистической партии с 1905 г. Учился в университете в 1904—1905 гг. Член Петроградского совета (1917). Делегат I и II Всероссийских съездов Советов. После Октябрьской революции работал в аппарате ЦК ВКП(б), позднее — в издательстве художественной литературы.

Герои Октября, т. 1, с. 571—572.

КОРЕЛЬ Иван Иванович (1882—1954).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Окончил историко-филологический факультет в 1910 г. Секретарь Совета старост университета с 1906 г. Директор Научной библиотеки имени М. Горького ЛГУ в 1934—1943 гг.

Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 189.

КРАСИКОВ Петр Ананьевич (1870—1939).
Член Коммунистической партии с 1892 г. В 1891 г. поступил на физико-математический факультет, затем учился на юридическом факультете. В 1894 г. за участие в революционном движении исключен из университета, экзамены за юридический факультет сдал позже. С 1900 г. в Пскове агент ленинской «Искры». В 1902 г. — член организационного комитета по подготовке II съезда РСДРП. Делегат II и III съездов партии. В 1905—1906 гг. — член Петербурского комитета РСДРП. В октябре 1917 г. — председатель следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском ВРК, затем — член коллегии и зам. наркома юстиции РСФСР. С 1921 г. — член Малого Совнаркома. С 1924 г. — прокурор Верховного суда СССР, зам. председателя Верховного суда СССР в 1933—1938 гг. Делегат VIII, XIII—XVII съездов партии. Избирался членом ЦИК и ВЦИК.

БСЭ, т. 13. М., 1973, стлб. 957—958; СИЭ, т. 8. М., 1965, стлб. 26.

КРЫЛЕНКО Николай Васильевич (1885—1938).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Окончил историко-филологический факультет в 1909 г. В 1912—1914 гг. учился на юридическом факультете. Один из руководителей революционного студенческого движения Петербурга. Член Боевого комитета при ПК РСДРП (1906), работал в Окружном районном комитете РСДРП (1905—1906 гг.). Член Бюро военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б) (1917). Активный участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК. Вошел в первый состав СНК как член комитета по военным и морским делам. С 9 ноября 1917 г. — Верховный главнокомандующий и нарком по военным и морским делам. В 1922—1931 гг. — председатель Верховного трибунала при ВЦИК, зам. наркомата юстиции, пом. прокурора РСФСР, прокурор РСФСР. С 1931 г. — нарком юстиции РСФСР. С 1936 г. — нарком юстиции СССР. Делегат VIII, XII, XIV—XVII съездов партии. На XV—XVI съездах избирался членом ЦК ВКП(б). Член ЦИК и Президиума ЦИК.

БСЭ, т. 13, стлб. 1502—1503; Петербургский университет и революционное движение в России, с. 159—160.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

КРУМИН (Круминьш) Гаральд Иванович (1894—1943). Член Коммунистической партии с 1909 г. Окончил историко-филологический факультет в 1916 г. В октябре 1917 г. — член ВРК Краснопресненского района Москвы и Латышского революционного центра. В 1928—1930 гг. — редактор газеты «Правда». Делегат XIV—XVII съездов ВКП(б). На XVI съезде избирался членом Центральной ревизионной комиссии.

БСЭ, т. 13, стлб. 1471; Панушкин Г. П. Г. И. Крумин. М., 1975, с. 9.

КРУПСКАЯ (Ульянова) Надежда Константиновна (1869—1939). Член Коммунистической партии с 1898 г. Училась на ВЖК (1890). В 1895 г. участвовала в создании и работе петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Секретарь редакции «Искры», с декабря 1904 г. — газеты «Вперед», с мая 1905 г. — секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП. Делегат II—IV съездов РСДРП. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП. В октябре 1917 г. — член Выборгского райкома РСДРП(б). После установления Советской власти — член коллегии Наркомпроса. С ноября 1920 г. — председатель Главполитпросвета при Наркомпросе. С 1929 г. — зам. наркома просвещения РСФСР. Делегат VII—XVII съездов партии. С 1924 г. — член ЦКК, с 1927 г. — член ЦК ВКП(б), член ВЦИК и ЦИК СССР всех созывов, депутат и член Президиума Верховного Совета СССР 1-го созыва. Делегат II, IV, VI—VII конгрессов Коминтерна.

БСЭ, т. 13, стлб. 1484—1486.

КРУССЕР Александр Семенович (1893—1919). Член Коммунистической партии с 1913 г. Учился на юридическом факультете в 1912—1914 гг. Член комитета РСДРП(б) Румынского фронта (1917). Член ВРК 8-й Армии (1918). Секретарь коллегии Народного комиссариата внутренних дел Украины (1919). Член Всеукраинского ЦИК советов и Верховного революционного трибунала Украинской Советской Республики (1919). Комиссар по военным делам Временного рабоче-крестьянского правительства в Бессарабии. Член Бессарабского бюро при ЦК РКП(б). Погиб в бою.

Советская Молдавия, 1978, 10 янв.

КУДЕЛЛИ Прасковья Францевна (1859—1944). Член Коммунистической партии с 1903 г. Окончила ВЖК в 1882 г. Активный участник первой русской революции в Петербурге, Твери, Туле. С 1917 по 1922 г. работала в «Правде». Зав. ленинградским Истпартом, редактор журнала «Красная летопись».

ВЖК, библиографический указатель, с. 153.

КУЗЬМИН Николай Николаевич (1883—1939). Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился на математическом отделении физико-математического факультета университета. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, комиссар Юго-Западного фронта. Один из организаторов Красной Армии, занимал в ней командные должности.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия, с. 282—283.

ЛЕПЕШИНСКИЙ Пантелеймон Николаевич (1868—1944). Член Коммунистической партии с 1898 г. Учился на физико-математическом факультете с 1886 по 1890 г. Исключен из университета за революционную деятельность. С 1900 г. — агент «Искры» в Пскове. Член

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. В 1918—1920 гг. — член коллегии Наркомпроса РСФСР. Зам. наркома просвещения Туркестана. В 1921—1924 гг. — один из организаторов и руководителей Истпарта. С 1925 г. — председатель ЦК МОПРа. С 1927 г. директор Исторического музея, Музея революции. Делегат XIV—XVII съездов партии.

БСЭ, т. 14. М., 1973, стлб. 1021—1022.

ЛЕЩЕНКО Дмитрий Ильич (1876—1937).
Член Коммунистической партии с 1900 г. Окончил естественное отделение физико-математического факультета в 1902 г. В 1906—1907 гг. — секретарь Петербургского комитета РСДРП. В 1906 г. — секретарь большевистских легальных газет «Эхо», «Волна», «Вперед». Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП (1907). После Великой Октябрьской социалистической революции — руководитель первых советских киноорганизаций. Профессор.

Советская историческая энциклопедия, т. 8. М., 1965, стлб. 609.

МАНУИЛЬСКИЙ Дмитрий Захарович (1883—1959).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился на историко-филологическом факультете с 1903 г. Один из организаторов Кронштадтского и Свеаборгского восстаний (1906). Член Киевского комитета РСДРП. В октябре 1917 г. — член Петроградского ВРК, с 1918 г. — член Всеукраинского ревкома, нарком земледелия УССР. С 1924 г. — член президиума Исполкома Коминтерна (ИККИ), в 1928—1943 гг. — секретарь ИККИ. С июля 1944 г. — зам. председателя СНК УССР и нарком по иностранным делам УССР. В 1946—1953 гг. — зам. председателя Совета Министров УССР. Делегат X—XIX съездов партии, на XI съезде избирался кандидатом в члены ЦК, на XII—XVIII — членом ЦК ВКП(б). Делегат II—VII конгрессов Коминтерна, с III конгресса (1921) — член ИККИ. Депутат Верховного Совета СССР 2—3-го созывов. Академик АН УССР.

БСЭ, т. 15. М., 1974, стлб. 1006—1007.

МАНУЧАРЬЯНЦ Шушаника Мкртычевна (р. 1889).
Член Коммунистической партии с 1918 г. Училась на физико-математическом (1907—1908) и историко-филологическом факультетах ВЖК. В 1920—1924 гг. — библиотекарь В. И. Ленина, затем — Н. К. Крупской, с 1930 г. — на научной работе.

ВЖК, библиографический указатель, с. 155.

МАСЛЕННИКОВ Александр Александрович (1890—1919).
Член Коммунистической партии с 1909 г. Учился на физико-математическом факультете. Член Петербургского комитета РСДРП (1910). Член Самарского ВРК, председатель исполкома Самарского Совета (1917 г.). Член Сибирского бюро ЦК партии. Убит белогвардейцами в 1919 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия, с. 317.

МЕНЖИНСКИЙ Вячеслав Рудольфович (1874—1934).
Член Коммунистической партии с 1902 г. Окончил юридический факультет в 1898 г. Член военной организации при ПК РСДРП (1905). В октябре 1917 г. — член Бюро военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б), комиссар ВРК в Госбанке. Член редколлегии газеты «Правда», редактор газеты «Солдат». После Великой Октябрьской социалистической революции — народный комиссар финансов. Нарком РКИ Украины (1919). С 1926 года — председатель ОГПУ. Делегат XV—

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

XVII съездов ВКП(б). На XV и XVI съездах избирался членом ЦК ВКП(б). Член ЦИК СССР.

БСЭ, т. 16. М., 1974, стлб. 210—211.

МЕХОНОШИН Константин Александрович (1889—1938). Член Коммунистической партии с 1913 г. Учился на физико-математическом факультете в 1909—1914 гг. После Февральской революции — депутат Петроградского Совета. Член Петроградского комитета РСДРП(б) и Бюро военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б). В дни Октябрьского вооруженного восстания — член Петроградского ВРК. После Великой Октябрьской социалистической революции — зам. наркома по военным делам. Член Реввоенсовета республики (1918—1920 гг.). В 1921—1926 гг. — зам. начальника и начальник Всеобуча.

Советская историческая энциклопедия, т. 9. М., 1966, стлб. 413—414.

НАЗАРЕТЯН Амаяк Маркарович (1889—1937). Член Коммунистической партии с 1905 г. Учился на юридическом факультете в 1909—1910 гг. В 1917 г. — первой половине 1918 г. — член Тифлисского и Кавказского краевого комитетов РСДРП(б). Зам. председателя Совнаркома Терской республики. В 1920—1922 г. — член и секретарь Кавказского бюро ЦК РКП(б), член ревкома Грузии, затем — ЦК КП(б) Грузии. В 1922—1923 гг. — зав. бюро Секретариата ЦК РКП(б). В 1924—1930 гг. — секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), председатель ЦКК — РКИ ЗСФСР. Делегат XI, XIII—XV и XVII съездов ВКП(б), на XIII—XV съездах избирался членом ЦКК и ее Президиума, на XVII съезде — членом Комиссии советского контроля.

БСЭ, т. 17. М., 1974, стлб. 626—627.

НЕВЗОРОВА (Кржижановская) Зинаида Павловна (1870—1948). Член Коммунистической партии с 1898 г. Училась на физико-математическом факультете ВЖК с 1894 г. С 1895 г. — член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Секретарь русской организации «Искры» (1902). После Великой Октябрьской социалистической революции — на советской, культурно-просветительной и преподавательской работе.

ВЖК, библиографический указатель, с. 157.

НЕВЗОРОВА (Шестернина) Софья Павловна (1868—1943). Член Коммунистической партии с 1898 г. Училась на ВЖК с 1893 г. После Великой Октябрьской социалистической революции — в Наркомпросе, Истпарте.

ВЖК, библиографический указатель, с. 157.

ОБУХ Владимир Александрович (1870—1934). Член Коммунистической партии с 1894 г. Учился на естественном отделении физико-математического факультета в 1892—1896 гг. В 1917 г. — член Московского комитета РСДРП(б) и Исполкома Моссовета. Один из лечащих врачей В. И. Ленина.

БСЭ, т. 18. М., 1974, стлб. 687—688.

ОЛЬМИНСКИЙ (Александров) Михаил Степанович (1863—1933). Член Коммунистической партии с 1898 г. В 1883—1885 гг. учился на юридическом факультете. В 1917 г. входил в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б), член Московского комитета РСДРП(б), член Замоскворецкого ВРК. В 1918—1920 гг. — член редколлегии «Правды». Организатор и руководитель Истпарта, председатель Общества старых большевиков, один из руководителей Института В. И. Ленина. Делегат VI съезда РСДРП(б). Публицист, историк.

БСЭ, т. 18, стлб. 1146—1147.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

ПЕТРИКОВСКИЙ (Петренко) Сергей Иванович (1894—1964). Член Коммунистической партии с 1911 г. В 1913—1915 гг. учился на математическом отделении физико-математического факультета. Руководитель студенческой университетской организации РСДРП. В 1914—1915 гг. — член Василеостровского районного комитета, а позже — военной организации РСДРП(б) (1917 г.). С сентября 1917 г. — председатель Комитета военной организации РСДРП(б) в Харькове. С 1921 г. — на командных должностях в Красной Армии. Генерал-майор.

Петербургский университет и революционное движение в России. Л., 1979, с. 184—191.

ПРИГОРОВСКИЙ Михаил Васильевич (1894—1918). Член Коммунистической партии с 1914 г. В 1914—1915 гг. учился в университете, входил в руководящее ядро студенческой большевистской организации университета. В 1917 г. — член Петроградского ВРК. Погиб в бою под ст. Раута в марте 1918 г.

Петербургский университет и революционное движение в России, с. 188.

ПОЗНЕР Софья Марковна (1873—1950). Член Коммунистической партии с 1903 г. Училась на физико-математическом факультете ВЖК в 1894—1899 гг. В 1905—1907 гг. — активная участница военно-боевой работы партии. После 1917 г. работала в Наркомпросе, Главполитпросвете, Институте Ленина.

ВЖК, библиографический указатель, с. 161.

ПОСТОЛОВСКИЙ Дмитрий Симонович (1876—1948). Член Коммунистической партии с 1895 г. Учился в университете с 1895 г. Делегат III съезда РСДРП, на котором был избран членом ЦК РСДРП. Весной 1906 г. — член Петербургского комитета РСДРП. В советское время работал в Государственной комиссии законодательных предположений при СНК СССР и юрисконсультом в Госзнаке.

БСЭ, т. 20. М., 1975. стлб. 1243; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 304.

РИЙСМАН (Рюстметс) Аугуст Тынисович (1890—1920). Член Коммунистической партии с 1920 г. Учился в университете в 1922—1925 гг. Один из руководителей Коммунистической партии Эстонии (с 1925 г.) и Таллинского комитета КПЭ. В 1926 г. арестован буржуазным правительством Эстонии и казнен.

БСЭ, т. 22. М., 1975, стлб. 263.

САВЕЛЬЕВА (Гусарова) Александра Васильевна (1886—1964). Член Коммунистической партии с 1903 г. Училась на ВЖК с 1901 по 1903 г. До 1917 г. — на партийной работе в Московской, Нижегородской, Петербургской, Екатеринославской, Харьковской организациях РСДРП. В 1917—1921 гг. — член президиума Нижегородского Совета рабочих депутатов, член губкома партии, затем — на издательской и преподавательской работе.

ВЖК, библиографический указатель, с. 161.

САМОЙЛОВА (Громова) Конкордия Николаевна (1876—1921). Член Коммунистической партии с 1903 г. Училась на ВЖК в 1901 г. Исключена с курсов за активное участие в студенческом революционном движении. В 1909—1910 гг. — член Петербургского комитета РСДРП. В 1912—1914 гг. — ответственный секретарь и член редколлегии «Правды». Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

РСДРП. Умерла от холеры во время второго рейса агитпарохода «Красная звезда» по Волге.

Очерки Ленинградской организации КПСС, т. 1, с. 193; ВЖК, библиографический указатель, с. 161.

СВИДЕРСКИЙ Алексей Иванович (1878—1933).
Член Коммунистической партии с 1899 г. Учился в университете в 1897—1899 гг. Председатель Уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов (1917 г.). Делегат VI съезда РСДРП(б). С февраля 1918 г.— член коллегии Народного Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. В 1927—1928 гг. — зам. наркома земледелия РСФСР. С 1929 г. — полпред СССР в Латвии. Избирался членом ВЦИКа и ЦИК СССР.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия, с. 528.

СЕКРЕТАРЕВА Зоя Ивановна (р. 1893).
Член Коммунистической партии с 1915 г. Окончила физико-математический факультет ВЖК в 1917 г. В годы гражданской войны — в партизанском отряде и на подпольной работе на Дальнем Востоке.

ВЖК, библиографический указатель, с. 161.

СЕРЕБРЯКОВ Михаил Васильевич (1879—1959).
Член Коммунистической партии с 1899 г. В 1906—1910 гг. — студент юридического факультета. Осенью 1905 г. — член Петербургского комитета РСДРП. Участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Профессор ЛГУ, организатор философского ф-та факультета, ректор ЛГУ в 1927—1930 гг.

Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 304—305; Зверев В. М., Клушин В. И. Михаил Васильевич Серебряков. Л., 1968.

СИЛЬВИН Михаил Александрович (1874—1955).
Член Коммунистической партии с 1893 г. Учился на юридическом факультете в 1893—1896 гг. В 1893 г. вступил в марксистский кружок студентов-технологов, участвовал в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1901 г. — агент «Искры». В 1904 г. — сослан, бежал за границу, был кооптирован в ЦК РСДРП. После Великой Октябрьской социалистической революции — на преподавательской работе.

БСЭ, т. 23, М., 1976, стлб. 1114.

СМИТТЕН Елена Густавовна (1883—1942).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Окончила юридический факультет ВЖК в 1916 г. После 1917 г. работала в ВЧК, заведовала статистическим отделом ЦК ВКП(б).

ВЖК, библиографический указатель, с. 162.

СОКОЛОВСКАЯ Софья Ивановна (Елена Кирилловна) (1894—1937).
Член Коммунистической партии с 1915 г. Училась на историко-филологическом факультете в 1912—1915 гг. В 1915 г. возглавляла большевистскую группу на ВЖК. В 1918 г. — секретарь подпольного Одесского обкома КП(б)У. Член ЦКК ВКП(б) 16-го созыва. В 1930-е годы — директор киностудии имени М. Горького в Москве.

ВЖК, библиографический указатель, с. 163; Женщины-революционеры и ученые. М., 1982, с. 125—127.

СОЛОВЬЕВ Василий Иванович (1890—1939).
Член Коммунистической партии с 1913 г. Учился на физико-математическом факультете. В октябре 1917 г. — член окружного Московского

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

комитета партии, член боевого партийного центра в Москве. В 1918—1920 гг. — член бюро Московского комитета РСДРП(б), член президиума Моссовета. В последующие годы — на партийной, дипломатической и административной работе. Делегат VI—VII съездов РСДРП(б).

БСЭ, т. 24, кн. 1. М., 1976, стлб. 456.

СОЛЬЦ Арон Александрович (1872—1945).
Член Коммунистической партии с 1898 г. Учился на юридическом факультете. Исключен из университета в 1899 г. за активное участие в революционном движении. В 1920—1924 гг. — член ПКК и ее президиума (с 1923 г.). Был членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Делегат VII, IX—XVII съездов партии.

БСЭ, т. 24, кн. 1, стлб. 483—484.

СТУЧКА Петр Иванович (1865—1932).
Член Коммунистической партии с 1895 г. Окончил юридический факультет в 1888 г. После Февральской революции — член Петербургского комитета РСДРП(б). Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После революции — народный комиссар юстиции, член коллегии НКИД. В 1918—1920 гг. — глава Советского правительства Латвии. В 1923—1932 гг. — председатель Верховного Суда РСФСР. Делегат VII (Апрельской) конференции и VI съезда РСДРП(б). На VIII съезде партии избирался членом ЦК РКП(б). В 1920—1932 гг. — председатель Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Делегат II Всероссийского съезда Советов. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР. Один из организаторов КП Латвии.

БСЭ, т. 25. М., 1976, стлб. 31.

СУХАНОВ Константин Александрович (1894—1918).
Член Коммунистической партии с 1913 г. В 1912—1916 гг. учился в университете. Исключен за участие в студенческих выступлениях. С октября 1917 г. — член бюро краевой партийной организации Дальнего Востока. Председатель Владивостокского Совета (1918 г.). Арестован и расстрелян белогвардейцами.

БСЭ, т. 25, стлб. 285—286.

СЫРМУС Юлиус Эдуард (1878—1940).
Член Коммунистической партии с 1905 г. В 1904—1907 гг. — студент историко-филологического факультета. В 1905 г. — член Петербургского комитета РСДРП, редактор первой эстонской легальной большевистской газеты «Edasi». Участник гражданской войны. Музыкант.

Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг., с. 306—307; Кырвитс Х. Эдуард Сырмус. Таллин, 1972.

УСИЕВИЧ Григорий Александрович (1890—1918).
Член Коммунистической партии с 1907 г. Учился на юридическом факультете в 1907—1909 гг. В 1908 г. — член Петербургского комитета РСДРП. Исключен из университета за революционную деятельность. С апреля 1917 г. — член Московского комитета РСДРП(б), с октября — член Московского ВРК, один из руководителей вооруженного восстания в Москве. Делегат VI съезда РСДРП(б). Член Омского, председатель Тюменского военно-революционного штабов (1918 г.). Погиб в бою.

БСЭ, т. 27. М., 1977, стлб. 282—283; Герои Октября. Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. М., 1967, с. 169—170.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

ФОТИЕВА Лидия Александровна (1881—1975).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Училась на физико-математическом факультете ВЖК (1900—1901 гг.). В 1918—1924 гг. — личный секретарь В. И. Ленина. В 1918—1930 г. — секретарь СНК и СТО РСФСР, затем СССР. В дальнейшем — на хозяйственной и научной работе. Делегат XXII—XXIV съездов КПСС. Герой Социалистического Труда (1971 г.).
БСЭ, т. 27, стлб. 1694.

ЧИЧЕРИН Георгий Васильевич (1872—1936).
Член Коммунистической партии с 1918 г. Окончил историко-филологический факультет в 1896 г. С 1918 г. — нарком иностранных дел РСФСР, в 1923—1930 гг. — нарком иностранных дел СССР. Руководитель советской делегации на Генуэзской (1922) и Лозанской (1922—1923) конференциях. На XIV и XV съездах партии избирался в состав ЦК ВКП(б). Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.
БСЭ, т. 29, М., 1978, стлб. 665.

ЧУДНОВСКИЙ Григорий Исаакович (1890—1918).
Член Коммунистической партии с 1917 г. В 1909—1910 гг. учился на юридическом факультете. Член Петроградского ВРК. Один из руководителей штурма Зимнего дворца. Чрезвычайный комиссар Юго-Западного фронта (1918 г.). Делегат II Всероссийского съезда Советов. Член ВЦИК. Погиб в бою.
БСЭ, т. 29, стлб. 737.

ЧУЦКАЕВ Сергей Егорович (1876—1944).
Член Коммунистической партии с 1903 г. Учился в университете с 1896 г. Участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1905 г. — член Екатеринбургского, затем Уральского областного комитетов РСДРП. Член комитета РСДРП(б) и Совета в Оренбурге (1917). В 1918 г. — председатель Екатеринбургского и член Уральского областного Советов. С августа 1918 г. — член коллегии, зам. наркома финансов, член малого Совнаркома РСФСР. В 1921—1922 гг. — зам. председателя Сибревкома, член Сибирского бюро ЦК РКП(б). В 1927—1929 гг. — председатель Дальневосточного крайисполкома, член бюро крайкома ВКП(б). В 1923—1924 гг. — кандидат в члены, в 1924—1927 гг. — член Президиума ЦКК ВКП(б), кандидат в члены секретариата ЦКК, зам. наркома РКИ СССР. В 1929—1933 гг. и в 1935—1938 гг. — член Президиума ЦИК СССР. Делегат XII—XVII съездов партии. На XVII съезде избирался членом ЦРК ВКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.
БСЭ, т. 29, стлб. 776—777.

ШАПОВАЛОВА Лидия Романовна (1873—1933).
Член Коммунистической партии с 1902 г. В 1898—1901 гг. училась на историко-филологическом факультете ВЖК. Член парижской и льежской большевистских секций в эмиграции. После 1917 г. — на партийной работе и в Институте Ленина.
ВЖК, библиографический указатель, с. 167.

ШВЕЙЦЕР Вера Лазаревна (1887—1950).
Член Коммунистической партии с 1905 г. После 1917 г. — на партийной и хозяйственной работе. Член ЦКК ВКП(б) XV и XVI созывов.
ВЖК, библиографический указатель, с. 167.

ЭНГЕЛЬ Евгений (Генрих) Александрович (1878—1942).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Учился на юридическом фа-

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

культете в 1904—1907 гг. После Великой Октябрьской социалистической революции — профессор и декан факультета общественных наук университета.

Ленинградский университет в воспоминаниях современников, т. 2, с. 185.

ЭЛИАВА Шалва Зурабович (1883—1937).
Член Коммунистической партии с 1904 г. Учился на юридическом факультете. Председатель президиума губисполкома Вологодского Совета, член президиума губкома РСДРП(б) в 1917 г. В годы гражданской войны — член РВС ряда армий и фронтов, председатель комиссии ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) по Туркестану. Позднее — председатель СНК Грузии, СНК Закавказской федерации. В 1931—1935 гг. — зам. наркома внешней торговли СССР. Делегат XII—XVII съездов партии, на XV—XVII съездах избирался кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Был членом ЦИК СССР.

БСЭ, т. 30. М., 1978, стлб. 406.

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В I—IV ТОМАХ «ОЧЕРКОВ ПО ИСТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» (1962—1982 гг.)

Берков П. Н. Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета . . . . . 1 88—105

Волк С. С. Революционные издания народовольческих кружков Петербургского университета в 1882 г. . . . . 2 52— 62

Гладковская Л. А. А. С. Попов-Серафимович в Петербургском университете . . . . . 1 118—128

Прибов Р. А. Из истории русской ассириологии. В. К. Шилейко (1891—1930) . . . . . 2 94— 99

Ежов В. А. Начало деятельности комсомольской организации Ленинградского университета . . . . . 1 159—168

Ежов В. А., Гей Ю. П., Лейкин А. Я., Харитонов П. В. Из истории комсомольской организации Ленинградского университета (1928—1949 гг.) . . . . . 2 63— 82

Ежов В. А., Мавродин В. В. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны . . . . . 3 3— 17

Ефимов Г. В. К истории преподавания и подготовки кадров по истории Востока в Петербургском — Ленинградском университете . . 2 83— 93

Жуйкова Р. Г. Революционные студенческие кружки С.-Петербургского университета 60-х годов XIX века . . . . . 2 41— 51

Жуков А. А. Африканистика в университете . . . . . 4 103—109

Зенина Л. В. Н. В. Кюнер, историк Дальнего Востока . . . . . 1 81— 87

Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А. Лев Владимирович Щерба . . . . . 4 87—102

Изгутова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете . . . . . 4 52— 86

Иогансен М. В. История здания 12 коллегий во второй половине XVIII века и первой половине XIX века . . . . . 1 184—199

Исакова Л. В., Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. 100 лет византиноведения в ЛГУ . . . . . 3 26— 54

Итс Р. Ф., Федоринский М. Ф. Национальные и интернациональные традиции Ленинградского университета . . . . . 4 3— 14

Казакевич Р. А., Мандель С. З. К истории 100-летнего юбилея университета . . . . . 2 159—167

Кадушин В. И. Деятельность Научного общества марксистов (1920—1924 гг.) . . . . . 2 125—137

Кононова Н. Н. Историческое общество при Петербургском университете (краткий исторический очерк) . . . . . 2 138—151

Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский в Петербургском университете . 1 39— 67

Красникова А. В. Первые коллективы РКП(б) Петроградского государственного университета . . . . . 3 18— 25

Кузнецов С. С. Профессор и препаратор . . . . . 2 117—124

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Курбатов Г. Л. М. В. Левченко и византиноведение в Ленинградском университете . . . . . 1 72— 80
Лейберов И. П. Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период первой мировой войны (март 1914 г. — февраль 1917 г.) . . . . . 2 3— 40
Люстерник Е. Я. Научные связи Петербургского — Ленинградского университета с Индией (1819—1947) . . . . . 3 55— 70
Мавродин В. В. Культурная жизнь Ленинградского университета в 1920-х годах (из воспоминаний) . . . . . 4 136—138
Малышев М. О. Страницы общественной жизни университета в первые послевоенные годы (из воспоминаний) . . . . . 4 139—141
Мандель С. З. Культурно-просветительная деятельность ученых Петроградского университета в первые годы Советской власти . . 1 140—158
Марголис Ю. Д. Шевченковские годовщины и Петербургский университет (1862—1914) . . . . . 4 33— 51
Мнухина Р. С. Незабываемые дни (из воспоминаний секретаря партийной организации университета) . . . . . 3 118—135
Никольцева Г. Д., Шилов Л. А. Из истории международных научных связей Петербургского университета (зарубежные ученые — почетные члены университета) . . . . . 2 167—171
Никольцева Г. Д., Шилов Л. А. Из истории музыкальной жизни Петербургского университета . . . . . 4 110—135
Новиков Г. А. Д. Н. Кашкаров как эколог (1878—1941) . . . 2 100—116
Полянский Ю. И. О научных зоологических школах Ленинградского университета и Петергофского биологического института . . . 1 29— 38
Поляхов Н. Н. Развитие кафедры механики в Петербургском — Ленинградском университете . . . . . 1 20— 28
Сладкевич Н. Г. К. Маркс и передовое студенчество Петербургского университета 60—80-х годов XIX века . . . . . 1 106—117
Сладкевич Н. Г. О 50-летием юбилее Петербургского университета . 2 152—158
Смирнов В. И. Математическая физика в Петербургском — Ленинградском университете . . . . . 1 5— 19
Соболев Г. Л. Ученые Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны . . . . . 1 169—183
Струве В. В. В. С. Голенищев, один из славных питомцев нашего университета . . . . . 1 68— 71
Тишкин Г. А. Рукописные издания студентов университета в 1857—1858-х годах . . . . . 3 71— 84
Тишкин Г. А. Петербургский университет и начало высшего женского образования в России . . . . . 4 15— 32
Универсанты — деятели культуры (составители Кононова Н. Н., Горяева С. А., Яковчук Е. В., Творогова Л. В.) . . . . . 4 142—151
Фриш С. Э. Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918—1924) . . . . . 3 85—117
Юхнева Н. В. Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года . . . . . 1 129—139

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

I

Беме Х. Е. (Мин-во высш. и средн. спец. образования ГДР). Из истории творческих связей вузов Германской Демократической республики и Ленинградского университета 5

Хирвлаане М. В. (Тартуск. ун-т). Исторические связи Тартуского и Ленинградского университетов 12

Ганелин Р. Ш. К истории революционных связей студентов Тартуского и Петербургского университетов (1899 и 1905 гг.) 19

II

Мурин А. Н., Бондаревский С. И. Университетская радиохимия в прошлом и настоящем 34

Полянский Ю. И. Биология в Ленинградском университете в 20-х и начале 30-х годов 49

Воронцов Г. В. Становление и развитие института повышения квалификации как учебно-методического центра вузовских обществоведов . . . 57

Петросян Л. А. Открытие факультета прикладной математики — процессов управления в Ленинградском университете 68

III

Горбенко Е. П. (Кубанск. ун-т). Профессора словесности 73

Шубин В. Ф. Вечера Плетнева в Ректорском флигеле 86

Марголис Ю. Д. Шевченковедение в Ленинградском университете . . . 91

Тишкин Г. А. О юбилейной речи К. Д. Кавелина в 1860 г. 108

Зырянова Н. В. Журнал «Современник» и Петербургский университет (к вопросу о первых студентках) 113

Ансберг О. И. Петербургский университет и журнал «Отечественные записки» (1868—1884 гг.) 119

Смирнов В. Н. У истоков студенческого спорта 130

Борисенко М. В. Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 г. — феврале 1917 г. (историография вопроса) . 136

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museums.spbu.ru/

Щербакова Л. Ф. Из воспоминаний прошедших лет (публикация и примечания Г. А. Тишкина) 151
Огородников К. Ф. Станислав Викентьевич Калесник 160
Полянский Ю. И. Наши встречи со Станиславом Викентьевичем Калесником 163
Университанты-большевики (указатель) (составители Н. Н. Каретникова, В. С. Брачев) 165
Указатель материалов, опубликованных в I—IV томах «Очерков по истории Ленинградского университета» (1962—1982 гг.) 180

Проект "История Петербургского университета в виртуальном пространстве" http://history.museum.spbu.ru/